

Валерий Брусков

МЕЖДУ АДОМ И РАЕМ

Содержание:

АВ ОВО

ЯВЛЕНИЕ

БРАТ

ЭХ, ПОЛНЫМ - ПОЛНА...

В ДАЛЬНЕЙ ДОРОГЕ

ШАЛУН

ГЕН СЭРА УИНСТОНА

ЦЕРБЕР

ДАР МЕФИСТОФЕЛЯ

ХАЛЯВА

«ЖЕМЧУЖИНА»

УДАЧА

ЗАГАДКА

ТЫСЯЧА ВДОХНОВЕНИЙ

«ИДУ НА ВЫ...»

СОРВАЛОСЬ...

КУДА ОНИ ДЕНУТСЯ!

РЕКВИЕМ

ЛЕТЯТ...

ПОДКИДЫШ

АГРЕССИЯ

ЭКСКУРССЕЯ

ВЕСНА ПРИШЛА...

ДАЮ УСТАНОВКУ...

СМОТРИНЫ

ЗАКЛИНАНИЕ

ПОВЕЗЛО!

МЕСТЬ

НЕ БУДИТЕ ПЕТУХА НА РАССВЕТЕ...

ХАЛТУРНАЯ РАБОТА

ВО ДВОРЕ ТРАВА...

ДВОЕЧНИК

ПЕРВАЯ ИНСТАНЦИЯ

АВ ОВО

Любовь не стоит на месте...

Вера Инбер

А. К.

...Скрежещущий грохот, сопровождаемый условной взрывной волной, разнёс в клочья застойную ночную тишину огромного здания, ощутило огрел Алексея по спине и чуть пониже, разворачивая, и опрокинул его на пол вместе со стулом. На какое-то время он был этим обстоятельством слегка оглушён и парализован, сосредоточив своё травмированное почти до инвалидности внимание на гаснущих звёздочках перед глазами и беспорядочном обвале звуков в ушах. Он даже не чувствовал низкого качества ложа под собой: огорошенное неожиданным катаклизмом тело временно забыло о таком понятии, как комфорт.

...Набатный звон в голове, начавший свою родословную от соприкосновения затылка с бетонным полом, слегка смягчённым тонкими плитками ПХВ, дробился на мелкие благозвучные осколки, а темнота медленно и неохотно расплзалась из глаз по облезлому потолку, побелить который у администрации института всё не доходило ни руки, ни ноги, ни деньги. Удар ошеломил Алексея, основательно сдвинув его сознание по фазе. Он валялся на полу, как лежал на сочинском пляже, слушал утончающийся звон в ушах как симфонию Бетховена, и отвлечённо думал о том, что у него дома тоже не мешало бы слегка пройтись кистью по потолку...

...Над уже отдохавшим от «малинового звона» ухом точно рванула на этот раз малогабаритная атомная бомба, обрушив с и без того уже ободранного временем потолка какую-то древнюю труху непонятного происхождения. Пока не зарегистрированным учёными чувством Алексей явственно уловил опасность,

торопливо отметил холодную жёсткость пола, забыв на время о только что полученных производственных травмах, перекатился со спины на живот, и юркнул под массивный стол, бросив на произвол судьбы лежавшую на нём, ещё не законченную диссертацию...

И вовремя! Дунуло затхлым ветром и на бетонный «пляж» пола лаборатории рядом с ним плашмя рухнул двухэтажный монолит лабораторного сейфа. Бедный стул только жалобно хрустнул своими старческими костями, наглядно продемонстрировав Алексею один из вариантов его скоропостижной кончины, окажись он чуть менее расторопным. Пол трянуло, и Алексей чуть не захлебнулся пылью, которой, как оказалось, в лаборатории было даже больше, чем воздуха. Повинуясь инстинкту самосохранения, далеко опередившему медлительный разум, он проскользнул в узкую щель, оставленную сейфом и столом, выскочив на оперативный простор пустынного помещения. Алексей сейчас был более напуган, чем удивлён, и воспринимал сейф как взбесившееся живое существо, а не как предмет институтской мебели, который кто-то мог на него умышленно уронить. Подгоняемый серьёзными опасениями попасть под жёсткий бок железного буяна, он на тех же эффективных четвереньках метнулся к двери, только там позволив себе встать в позу HOMO SAPIENS, и наконец оглянуться.

...Сейф лежал, как поверженный озверевшими вандалами обелиск над мавзолеем вождя всех времён и всех народов, лежал так, точно валялся тут всегда, и только грязный квадрат пола у стены наводил на некоторые сомнения. Если бы не он, то можно было бы смело предположить, что злосчастный сейф уронили ещё днём, а Алексей просто задремал над своей долгоиграющей докторской, и весь этот грохот, хорошо замешанный на пыли, ему всего лишь приснился.

Пятно портило всё впечатление. Днём его в конце рабочего дня обязательно ликвидировала бы уборщица, и, раз оно есть, значит, происшедшее - не бредовый сон, а самая что ни на есть безумная реальность. Чем в мгновение ока можно свалить такую махину? Шагающим экскаватором или противотанковой миной. Экскаватор в лаборатории не поместится, а воронки от взорвавшейся мины Алексей не видел, хотя очень внимательно всматривался в пол.

Сейф вроде бы больше не ерепенился. Лежал себе чинно и мирно, будто всю свою трудовую жизнь на благо человечества только об этом и мечтал. Исполнил заветное врождённое желание и успокоился на все дальнейшие времена...

Подождав несколько минут из осторожности, но, так и не дождавшись очередной серии фильма-катастрофы, Алексей шагнул от двери в сторону взбунтовавшегося сейфа...

...Страшный удар изнутри подбросил полутонную тушу хранителя материальных ценностей почти на метр вверх. Алексей шарахнулся обратно к ждущей двери, и тут пол под ним опять трянуло, когда сейф лёг на него во второй раз. На его белой крашеной задней стенке вздулся огромный бугор. У Алексея остаточное шумело в ушах, гудело в голове и дребезжало в остальном теле. Он таращил глаза на вспухший железный сундук и скороговоркой перебирал в уме его содержимое, оценивая всё это с точки зрения потенциальных возмутителей спокойствия.

- «Бумага для диссертации... Пачка... Частично использованная по назначению и не только... Спирт в двух графинах... Чистейший... Ректификат... Для чистоты экспериментов... Был... - его обоняние уже улавливало специфический аромат. - Окосеет он там... Или уже окосел и потому так буянит... Три литра почти стопроцентного алкоголя... От одного запаха можно одуреть до неузнаваемости... И никакой закуски... Кто же это там?.. Мышь - супермен, упившаяся спиртом?.. Микки Маус или сверхтаракан, переспавший день в институтском реакторе?.. Что же ещё там было?.. Справочник по химии... Не то... Будильник, царствие ему небесное... Тоже мимо... Тигли с пробами силикатных полимеров...»

...Сейф с кошмарным звуком нервно подпрыгнул. Пузырь на его тыльной стороне вспучился ещё больше, и наконец лопнул, раскрывшись наружу экзотическим цветком.

Алексей осторожно нащупал за своей спиной ручку коридорной двери, беззвучно повернул её, и чуть потянул на себя. Он видел таинственную черноту в центре распустившегося железного бутона и терпеливо ждал чьей-то команды - «Старт!»...

...Только что родившееся отверстие в сейфе затянулось чем-то белёсым и мутным, как слегка разбавленное водой молоко. Над звездообразной дырой поднялся вязкий, текучий купол, тускло отсвечивавший в свете редких ламп дневного света.

Алексей растерянно оглянулся на дверь и вернулся к обезумевшему без видимых на то причин сейфу сумасшедшим взглядом. Вязкая жидкость уже выдавилась из рваной дыры столбиком, и теперь медленно заваливалась на бок как сделавший своё святое дело фаллос.

- Стоять!!! - рявкнул Алексей совершенно безотчётное, жутко пугаясь сейчас тишины, в которой творились последние действия. Он уже слегка тосковал по недавнему грохоту, ставшим для него чем-то привычным и даже почти любимым.

Столбик послушно замер и быстро густо побелел. Алексею даже показалось, что он застыл - было в нём теперь что-то от покосившейся толстой парафиновой свечи.

Мгновения обоюдной неподвижности уже походило на соревнование по выносливости. Сдали и без того истрёпанные за последние пять минут нервы. Устав ждать новостей, Алексей насобирав в себе горсть остатков смелости и вызывающе ударил кулаком свободной руки по двери, отправив гулкое эхо путешествовать по пустым коридорам.

Столбик качнулся, и вдруг из сейфа как зубная паста из раздавленного слонем тюбика резво полезла толстая длинная кишка...

Дверь была уже подготовлена к полномасштабным боевым действиям. Алексей лишь качнулся в сторону, раскрыв её ровно настолько, чтобы быстро проскользнуть в образовавшуюся щель боком, и тут же закрыл за собой, повернув ручку. Галопируя, он добежал по пустому коридору до другой двери, ведущей на лестничную площадку и, приоткрыв её, стал ждать, напрягая немогущее даже при поддержке очков зрение и пока ещё безупречный слух. В коридоре родного этажа было темно для зрелищ. Свет полной Луны, пробившись сквозь немытые стёкла коридорных окон, с помощью уже заболевшего воображения Алексея торопливо принялся рисовать на полу какие-то жуткие сюжеты...

...В районе только что брошенной на произвол судьбы шестой лаборатории экспериментально негромко загремело и что-то мягко ударило в знакомую дверь изнутри. Алексей открыл свою пошире, чтобы проблем с экстренной эвакуацией не было ни при каких обстоятельствах.

В дверь лаборатории ударили основательнее - с хрустом и треском. Кто-то, пока невидимый, раздражался её неподатливостью. Алексей был уже на плацдарме лестничной площадки, оставив в зоне прямой видимости только свою голову.

...С кошмарным после непродолжительной тишины треском дверь лаборатории разлетелась в щепки, и в коридор вывалилось нечто бесформенное и подвижное. Через секунды, успокоив остаточные колебательные движения, оно напоминало огромную каплю ртути, на боках которой отсвечивали одновременно и Луна, и потолочные светильники из лаборатории, разгромленной и брошенной как поле брани и первого поражения.

«Капля», видимо, сориентировавшись на месте, стряхнула с себя огрызки двери и, разгоняясь, целенаправленно и целеустремлённо покатила по линолеуму пола в сторону Алексея

Он уже знал, что нужно делать. Прихлопнув за собой дверь, Алексей скатился вниз по ступенькам на этаж ниже и отгородился от погони ещё одной коридорной дверью. Уже несясь по коридору этого этажа, он услышал, как пала смертью храбрых верхняя дверь...

Двери сейчас были его верными и надёжными помощницами. По странной прихоти фантазии строителей все они имели ручки - защёлки, и это давало Алексею хоть какую-то возможность отслеживать шумный маршрут гомункулуса из сейфа, который, судя по всему, не был обучен этими ручками пользоваться.

...Алексей пролетел этаж и, открывая очередную дверь, услышал треск и звон за спиной. Оглядываться он не стал, чтобы не растерять полученной изначально форы. Всё и так было предельно ясно. Преследователь с дверьми больше не церемонился, а попросту вышибал их лбом, имея, очевидно, солидную массу и соответственно хорошие пробивные способности. После его варварского обращения со слоноподобным лабораторным сейфом это уже как-то не удивляло...

Алексей прыгал по ступенькам между этажами, пролетал через двери, носился по коридорам, которых по мере приближения к первому этажу становилось всё меньше, и обрывками думал о тайнах происхождения новоявленного Франкенштейна.

Идея, в конце концов, осталась лишь одна. За неимением лишних тиглей, он ссыпал результаты разных экспериментов в автоклавах в один, и надолго отвлекся для обработки предыдущих материалов. Что-то там понамешалось, настоялось и созрело... Судя по внешнему виду, получилось этакое пограничное квазиживое существо на основе кремния, кальция и сублимированных аминокислот. Чем оно питается и чего хочет от него лично, Алексей понятия не имел, и иметь не хотел. Более всего он сейчас желал, чтобы от него побыстрее отвязались, но пока не знал, как это походячивее объяснить своему преследователю. Иногда его подмывало просто слететь по лестнице до первого этажа и рвануть на полной скорости куда подальше, но инстинкт подсказывал ему, что загонщик элементарно упадёт в лестничный пролёт, сломав тем самым всё временное преимущество в дистанции.

...Одолев последний коридор, Алексей тоже высадил закрытую изнутри входную дверь почти лбом, и выпал на просторный институтский двор. Преследователь азартно громыхал дверьми на втором или третьем этаже покинутого здания. Двор был пуст. Все машины ушли на ночь в неблизкий город, и только одинокий автобус без колёс издевательски торчал на колодках символом несбыточных надежд.

Ситуация обострялась до предела. Преследователь, несомненно, имел серьёзные преимущества в беге по открытому пространству, а понаставить по всему двору дверей с защёлками почему-то никто не догадался...

Мысли в голове Алексея уже были частично разбавлены солёным потом, и потому не совсем полноценны. Он бездумно поносился по совершенно неподготовленному к марафонскому бегу двору и отчаянно метнулся к институтским воротам. Из будки сторожа навстречу ему выхромал Фомич со своей палеонтологической берданкой, стрелявшей непонятно чем и неизвестно, стрелявшей ли вообще. До сих пор этого никому не приходилось ни видеть, ни слышать. Самому Фомичу, по-видимому, тоже, поскольку красть в институте кроме его фундаментальной пыли и оставшихся из чувств патриотизма мышей было уже почти нечего, поэтому охранял он уже по большей степени символ несбывшихся научных надежд ушедшей в небытие Эпохи...

Берданка Фомича подбросила скороспелую идею. Пыхтя как загнанный паровоз, Алексей подлетел к деду и, не говоря ни слова, рванул заплесневелое оружие из на вид немощных рук.

Свежевыспавшийся пенсионер оказался сильнее взмыленного кандидата в доктора наук.

- Отдай!.. - прошипел он, дёргая потенциально огнестрельное оружие на себя. - Отдай!..

Алексей не устоял на выдохшихся ногах и побеждённо повалился в густую траву у забора.

- Сдурел, умник?!.. - возмутился сторож, прижимая берданку к хорошо утеплённой на ночь груди. - Она ж на мне записана!..

Звон бьющихся стёкол переключил их внимание со случайного инцидента на основную злобу ночи. Окно второго институтского этажа разлетелось по двору мелкими мерцающими под Луной осколками, а бликующий шар, впервые срезавший дистанцию, уже нёсся к воротам.

- «БРОНЯ КРЕПКА И ТАНКИ НАШИ БЫСТРЫ!!!»

Алексея как на батуте подбросило вверх с мягкой травы.

- Стреляй, дед! Стреляй! – сипло заорал он уже слегка отдышавшимся голосом. - Иначе ты больше не будешь записан за своей винтовкой!

Алексей нырнул Фомичу за спину и, уже миновав турникет проходной, услышал грохот долгожданного выстрела. Это доставило ему мимолётную радость: он тайно надеялся, что энергии дробы или пули хватит на то, чтобы хоть на время тормознуть преследователя, если уж не остановить его, и тем самым дать дичи возможность хотя бы немножко передохнуть.

Где-то сзади, за институтским забором, ещё раз оглушительно в тихой ночи грохнуло. Алексей с надеждой обернулся на бегу, мечтая о чужой победе, способной с лихвой компенсировать его собственное разгромное поражение, и увидел летящий ему вслед из ворот знакомый шар, за которым, хромая, пытался гнаться разъярённый Фомич, размахивавший служебным, впервые испытанным в бою «ружжом»...

- «БРОНЯ КРЕПКА И ТАНКИ НАШИ...»

Разбилась вдребезги ещё одна мечта, более тайная и кровожадная, чем первая: гомункулус не переключился на сторожа, его интересовал конкретно Михеев.

- «Я его породил, он меня и...» - невесело констатировал Алексей, включая последнюю свою скорость, бывшую уже почти за гранью выдохшегося второго дыхания.

Он бежал как на финальных соревнованиях за золотую олимпийскую медаль, не оглядываясь больше, и загнанно думал о том, что этому незаконнорожденному дитю науки требуется не кто иной, как он сам для разговора по душам. Так сказать, тет-а-тет... Что ему может быть нужно от него? Кальций из костей?.. Белки из мышц? Жиры?.. Нет, пожалуй, после такой гонки жиров ему от Алексея точно не достанется...

Это его на секунду чуть утешило.

- «НАКОСЯ-ВЫКУСИ»!!!

...Ловушка подстерегла в километре от канувшего в кошмарную ночь института. Алексей умышленно бежал не по шоссе в город, наивно надеясь, что на пересечённой рвами и ямами местности у него гораздо больше шансов оторваться от преследователя, но в темноте и залившем глаза поте потерял ориентировку...

Опомнился он уже на дне глубокого оврага, когда, в горячке попытавшись вскочить, понял, что сломал или в лучшем случае хорошенько вывихнул себе правую ногу.

Это был конец... Почти слепой конец, поскольку глаза были обезоружены в падении. Алексей пошарил по земле руками, но не нашёл рядом с собой ни очков, ни даже камешка для самозащиты. Пиджак с перочинным ножом остался в злосчастной лаборатории, а в кармане халата бренчал лишь ключ от злополучного сейфа. Ну что за оружие против живого танка?!

Алексей подслеповато смотрел вверх, на край поймавшего его в капкан оврага и ждал, уже не сомневаясь в том, что историческая встреча наконец состоится. По одностороннему интересу, правда, но с этим уже ничего нельзя поделать...

...Бликующий звёздами или по собственной хищной инициативе шар глухо упал к самым ногам. Алексей инстинктивно подтянул левую, прижав её к груди.

Бесконечно долгие мгновения шар пребывал в странной после такого кросса неподвижности, явно не спеша с финальной кровавой сценой. Что он сейчас делал? Приходил в себя после трудной погони? Собирался с мыслями, если они у него были? Идентифицировал Алексея с тем, за кем гнался? Готовился к позднему ужину или раннему завтраку?..

Что-то наконец надумав, шар подкатил вплотную и сделал странное движение, касаясь пульсирующим боком поджатой здоровой ноги Алексея. Точно потёрся об неё...

У Алексея кровь вдруг разом перестала оглушительно стучать в раскалённых висках.

Шар опять потёрся об него боком и тонко запищал.

Жар отхлынул от кожи лица Алексея, и мышцы его расслабленно провисли...

- «Цыплёнок, - вспомнил вдруг он, - слышит голос курицы ещё в яйце, а, вылупившись из него, бежит за первым, попавшимся ему на глаза движущимся предметом, считая его своей матерью...»

Шар настойчиво потёрся об ошеломлённого Алексея и запищал ещё тоньше и жалобнее.

Впервые за последние полчаса Алексей слегка овладел собой. Он протянул руку, намереваясь прикоснуться к шару, который уже не казался ему Франкенштейном.

...Из живой подвижной поверхности навстречу ей вытянулся хоботок - трубочка, цапнув Алексея за дрожащий указательный палец. Тот хотел отдёргнуть руку, но услышал жадное чмокание и понял, что надо делать что-то принципиально другое.

«Цыплёнок» очень хотел есть...

*Змеи рождаются
и у млекопитающих...*

* * * * *

ЯВЛЕНИЕ

Верить значит отказываться понимать.

Поль Бурже

Никола долго блуждал по краю неглубокого сна, то проваливаясь в него по свою наполовину босую макушку, то высываясь почти целиком, но просыпаться окончательно ему совершенно не хотелось. Был понедельник, было тяжкое похмелье, и совершенно нечем было от него эффективно излечиваться. Воскресное бражничанье закончилось полнейшим разгромом всех старых запасов, а новые ещё созревали в тёмном и тёплом чулане, мирно побулькивая и аппетитно попахивая.

— Охо-хою-шки... Грехи наши тяжкие... — Никола всё-таки рискнул проснуться, невзирая на все свои громкие внутренние протесты. До новой партии жидкости для досуга ещё следовало дожить, а на работу в поте лица своего он уже и так опаздывал. Петухи давно откукарекались, а скотина перестала скандалить в хлеву, значит, пастух уже прогнал по деревне на ходу растущее стадо. Болела башка, но, если не вставать, скотина с голодухи взвояет, а бригадир опять пригонит погонщика с длинным кнутом, и откупиться от него на этот раз будет нечем.

— Делай раз! — Никола вынырнул из-под одеяла, сел на кровати и открыл упорно сопротивлявшиеся глаза.

В избе было совсем светло и почти тихо. Даже слишком тихо, если игнорировать мух. Но мухи, как всегда, не желали игнорировать такого видного мужчину, как Никола. Возбуждённые постоянно царившим в доме духом и запахом спиртного, укомплектованного незамысловатой закуской, они обожали его как своего щедрого поильца и кормильца. Едва очаровательная, опухшая с перепоя цианозная физиономия Николы воспарила над постелью, как они роем фанатичных поклонниц ринулись к нему, бурно приветствуя его долгожданное пробуждение.

— Кыш, подлые! Кыш!!! — он замахал руками. — Эх, дихлофосу бы! Я б вам устроил!

Дихлофоса не было даже на доньшке. Ещё с пятницы. По три основательных «пшика» в кружки с пивом, да помноженные на всю николину бригаду, да плюс серьёзная обработка остатками баллончика уже невменяемого Николы, проведённая его обозлённой женой, понадеявшейся на то, что такого рода антигомеопатия хотя бы на время отобьёт у мужа охоту употреблять всякую гадость...

Добилась она, к своему удивлению, совершенно другого. Дихлофос прочно въелся в дублёную солянку и многочисленными деревенскими лужами Николину шкуру, и бедного мужика пришлось срочно изолировать от семьи по причине его стойкого дурного запаха. Катерина с детьми на неделю эвакуировалась к матери на другом конце деревни, а Николу оставили одного. Выдохаться...

Он внимательно понюхал воздух, потом тщательно обнюхал самого себя. Вроде, ничем исключительно жутким уже не несло, хотя за два прошедших в изоляции дня у Николы совершенно отпал нюх не только на проклятый дихлофос, но и на всё прочее. Водка для него тоже пахла дихлофосом или не пахла абсолютно ничем, но, что характерно, собутыльники пили её с ним, тщательно зажимая носы.

Никола вторично шумно втянул пульсирующими ноздрями перенасыщенный насекомыми воздух, опять не найдя в нём никакой особой вонючей крамолы.

И вдруг в сивушные мысли Николы ворвалось редкое для него умственное озарение.

Мухи! Они роились в прежних масштабах, и это было вернейшим признаком того, что Никола в паре с дихлофосом их тапереча больше не так раздражал, как давеча.

Он слегка повеселел. За два дня ему весьма понравилось быть действенным средством от назойливейших из насекомых, но одновременно он стал и средством против жены и детей, и вот эта ипостась Николе была совершенно не по нутру.

— Делай два!

Он энергично откинул одеяло и спустил с постели грязные, стоптанные никудышной жизнью ноги.

— Нател! — радостно сказал он мухам. — Жрите меня, подлые! Лопайте меня, паскудные!

Мухи очень живо откликнулись на его страстный призыв, и это окончательно вернуло Николе почти утраченное душевное равновесие. Он представил как Валентина, обнюхав его придирчиво со всех сторон, хмуро скажет, что он с очень большого издалека опять стал почти похож на человека, вернётся, наконец, с детьми домой, и не надо будет больше варить самому себе какую-нибудь полусъедобную бурду, от которой мухи шарахались ещё сильнее, чем от вонючего Николы...

Настроение стало ещё менее червивым. Никола блаженствовал от толпами ползавших по нему влюблённых мух, и счастливо улыбался. Ещё в субботу он сбивал их прямо на лету одним пьяным взглядом, и они послушно дохли целыми эскадрильями на дальних подступах к его дому. Доведённые до отчаяния местные тараканы массово эмигрировали в неизвестном направлении, и даже мыши где-то сейчас отсиживались по причине отсутствия у них противогазов... Сегодня всем этим кошмарам приходил конец, и жизнь возвращалась на круги своя!

Никола сделал глубокий - преглубокий вдох и мощный выдох, от которого с десятков мух, окосев мгновенно и до совершенно скотского состояния, пошёл крутым юзом. Это Николу окончательно развеселило: он, как всегда, был в отличной форме.

...Неожиданно во дворе отчаянно залаяла собака, но её лай тут же перешёл в щенячий визг, а потом вообще заглох...

Это было весьма и очень оригинально! Никогда ещё Шарик не позволял себе подобных концертов со столь богатым репертуаром. Обычно он беззлобно и басовито брехал на всё, что видел, слышал и чувствовал, и на памяти Николы визжал только один раз, когда он по пьяной скамеечке поставил во дворе медвежий капкан на носорога, и Шарик умудрился попасть в него раньше Валентины. Примчавшаяся на шум жена вызволила бедного пса, а Николе устроила такой медвытрезвитель, что он потом долго материл хромого Шарика за то, что тот, мерзавец, поторопился...

— Делай три!

Никола прыгнул с кровати на прохладные доски пола, не без труда влез в спрятавшиеся под ней, жёванные не одной короной и, похоже, не только жёванные родные штаны, и заторопился на разбор происшествия во дворе. Пробегая мимо большого пыльного зеркала, он мельком глянул на свою до боли знакомую и родную физиономию, ещё помнившую чей-то ботинок, соорудил ей рожу, на что отражение ответило ему абсолютной взаимностью, и, придерживая руками строптивные штаны, лбом вышиб входную и одновременно выходную дверь.

...Незнакомец поджидал Николу посреди основательно замусоренного двора, и выглядел он настолько необычно, что это подействовало на хозяина дома не хуже опохмелки.

Гость был высок ростом. Очень высок! Под два метра, если даже не больше! Золотые, сказочно кудрявые волосы основательно обрамляли его до безобразия красивое лицо. По росту это вроде бы был мужик, но по облику - чистокровная баба. Принадлежность к мужской братии выдавали лишь широченные плечи, с которых к самой земле ниспадала белая одежда неопределённого фасона.

Но всё это были странности можно сказать весьма безобидные. Опохмелило Николу совсем другое - за сажеными плечами незваного гостя он обнаружил громадные птичьи крылья. Это были мощные, под стать незнакомцу крылышки, покрытые плотным белым пером; они слегка сходились и расходились, как у обедающей на цветке бабочки. Незнакомец неподвижно стоял, молитвенно сложив перед грудью ярко выраженные мужицкие длани, и смотрел на обалделого Николу смиренным взглядом спившегося на почве любви к религии попа.

— Тебе чего нат-то, мужик?.. — дружелюбно спросил Никола незваного пришельца, притормаживая руками штаны, больше привыкшие валяться, где попало. — Какого?..

Гость вознёс голубые глаза к небу.

— Мною клянусь, говорит Господь, я благословляю благословляю тебя, и умножая множаю семя твоё, как звёзды небесные и как песок на берегу моря; и овладеет семя твоё городами врагов своих...

Никола застегнул-таки привычно упорствовавшие штаны на нужном месте, и облегчённо вздохнул. С незнакомцем ему уже всё было предельно ясно. Тот либо основательно перебрал водки, либо так же масштабно недобрал мозгов. Второе выглядело вероятнее, потому что с первым было гораздо сложнее. Искателей жидкого счастья на Руси испокон веков оказывалось больше, чем денег на покупку этого самого счастья...

— Слушай, мужик, давай тут мне не надо...— ласково попросил Никола. — У меня и без твоего опиума для народа голова уже сломана наполовину. И я с раннего детства антихрист.

Гость на секунду уронил на Николу с неба уже слегка раздражённые голубые глаза, но был по-прежнему невозмутим, как тяжёлый танк с полным боекомплектом.

—...И послал меня Господь наш передать тебе, Ной, волю свою, — продолжал он свою откровенно прорелигиозную лекцию, обращённую к низким дождевым облакам. И сказал он мне, говоря: - Конец всей плоти пришёл пред лице Моё; ибо земля наполнилась от них злодеяниями. И вот, я истреблю их с земли...

— Ну-ну, полководец... — поощрил Никола фанатичного незнакомца, видя, что спорить с ним абсолютно бесполезно. — Давай, заливай - наливай, ангелочек... Не тяжко тебе жить с крылышками-то?.. А то ведь с огнём и мечом будет ещё тяжче...

Гость с трудом проигнорировал колкости.

— ...И вот, я возведу на землю поток водный, чтобы истребить всякую плоть, в которой есть дух жизни, под небесами; всё, что есть на земле, лишится жизни...

— Пузыря у тебя на это дело может и не хватить... — насмешливо сказал Никола. — Один будешь тут потоп мне устраивать, или вас там много таких отчаянных?..

Гость сделал из своей слишком красивой морды вполне зверское лицо, однако взгляд пока оставил небу.

— ...Сделай себе ковчег из дерева гофер; отделения сделай в ковчеге, и осмоли его смолою внутри и снаружи...

— Вынь причёску из ушей, мужик! У меня тут, по-твоему, что, судоверфь?! — Никола спустился с крыльца и стал смотреть на великорослого гостя снизу вверх. Псих был явно из смиренных, и если мог кого-то напугать, то только дремучего Шарика, который ещё ни разу в своей жизни не сталкивался с сумасшедшими. — Ты откуда это такой взялся?.. До сёдняшнего дня в нашей контре дурдомов пока мне не наблюдалось... Или с утра уже открыли один частный?..

Никола льстил своей country: в их глухой деревне не было даже задрипанного вырезвителя, поэтому жёны делали его для своих пьяных мужей из подручных средств.

Гость упёр могучие руки в боки, став похожим на культуриста в ночной рубашке.

— Покорись, смерд, ибо я Посланник Божий, и я передаю тебе Волю Его и Слово Его!..

...В конуре дурным голосом взвыл мгновенно ставший зайкой Шарик. Никола повернул голову на звук и увидел, как конура пушечным снарядом взлетела вверх, и со свистом ушла в облака. До ушей Николы докатился грохот, когда она перешла звуковой барьер... Бедный Шарик, в мгновение ока лишившийся честно заработанной однокомнатной хаты, с жалким воем беженца забился под крыльцо.

...За спиной тяжело заскрипело и, инстинктивно крутнувшись на месте, Никола шарахнулся от ходивших страшным ходуном брёвен родной избы. Дом качался, точно от мощного землетрясения, в окнах с жалобным дребезжащим звоном лопались стёкла и осыпались на землю застывшими слезами. Поросячий визг смешался в хлеве с коровьим мычанием, овечьим бляением и куриным кудахтаньем, и это уже походило на увертюру перед симфонией Конца Света...

Никола упал задом на крыльцо, глядя снизу на Ангела, голова которого, казалось, упиралась в небо. В его насквозь пропитанном алкоголем и атеизмом мозгу не оставили места для Веры; она зрела на голом месте и потому была дикорастущей.

— Не надо, мужик... Не надо... Всё... Верю... Уже верю... — Николе никогда не нужно было долго объяснять.

Ангел давил взглядом, размазывая Николу по крыльцу тонким вонючим слоем.

— КОВЧЕГ!!!

— Ага... Ага... — сердце Николы колотилось так, что вполне могло вывалиться из его чахлой груди. Он на четвереньках засуетился по двору. — Ковчег... Ковчег...

Никола сел на дворовый мусор и тоже молитвенно сцепил перед грудью заскорузлые пальцы.

— А где ж я его возьму-то?!.

Ангел, продолжая начатое серьёзное дело, встал в уже знакомую позу Слуги Божьего.

— ...И сделай его так: длина ковчега триста локтей; ширина его пятьдесят локтей, а высота его тридцать локтей...

Никола глянул на свои локти и наконец сообразил, о чём тут идёт непонятная речь...

— Лодка!!!

Он вскочил с основательно собравших пыль двора коленок, пулей слетал туда и обратно в забитый доверху барахлом сарай, и с натугой приволок надувную лодку.

— ...Войди ты и всё семейство твоё в ковчег; ибо тебя увидел я праведным Мною в роде своём...

Никола истоиво дёргал головой.

— Войдём... Войдём...

— ...Введи также в ковчег из всех животных и от всякой плоти по паре, чтобы они остались с тобою в живых: мужского пола и женского пусть они будут...

Никола нырнул в курятник, долго крушил там уже никому не нужные насесты, и, наконец, вылез оттуда, измазанный с ног до головы куриным помётом, но бесконечно счастливый. В руках он сжимал истошно кудахтавшую курицу и истерично кукарекавшего петуха.

— ...Ты же возьми себе всякой пищи, — лекционным тоном продолжал удовлетворённый Ангел, изредка кося глаза для контроля Николиных действий, — какую питаются, и собери к себе; и будет она для тебя и для них пищею...

— Ага... — Никола бросил трепыхавшихся птиц, сбегал в полуразваленную избу, и сел в лодку, прижимая к груди холодный чугунок с остатками варёной картошки.

— ...Ибо чрез семь дней, я буду изливать дождь на землю сорок дней и сорок ночей, и истреблю всё существующее, что Я создал, с лица земли...

— Уф!.. — облегчённо сказал Никола, роняя чугунок. — Ещё целая неделя! Куда ж ты меня гонишь-то?! Успею ведь!

Ангел опустил руки и тщательно вытер их о свой, оказавшийся довольно грязным, балахон. Глаза его посмотрели на Николу с весьма откровенной издёвкой.

— Что, напужался?..

Никола с зубным лязганьем закивал головой.

— То-то! — сказал Ангел нравоучительно. — Вот что значит дар убеждения! А то: антихрист, атеист...

— Н-н-не п-понял... — заикаясь, с превеликим трудом выдавил из себя Никола.

— А чего тут непонятного?.. — Ангел скушающе посмотрел по непривлекательным сторонам, и коротко глянул на хмурое небо. — Отбой учебной тревоги...

— Какой тревоги?.. — Никола мучительно морщил лоб, но его титанические усилия вглубь черепа не проникали: извилины были прямыми и неподвижными.

— Тренировочной, — лениво пояснил Ангел. — Для, так сказать, поддержания боеготовности на должном уровне...

— Не понял... — повторил медленно приходящий в себя Никола уже слегка твердеющим голосом.

— И не поймёшь... — Ангел огорчённо махнул рукой. — Все вы, богохульники, бестолковые! До поры... — зловеще добавил он. — Я не прощаюсь, смертный...

Крылья за его спиной шумно всплеснулись, подняв пыль и мусор, распластались на весь двор, чуть не сдув ветром тщедушного Николу. Ангел взмыл над крышей покосившейся избы и стал тяжело, ступеньками подниматься к заморосившим тучам, уменьшаясь и уменьшаясь в размерах, пока не вошёл в облака и не исчез...

Никола опустил взгляд с небес, обречённо глянул на то место, где совсем недавно стояла собачья конура, потом посмотрел на выбитые окна родного дома. Жалобно побряхтывая, он выбрался из перегруженной чугуном лодки и, постанывая непонятно отчего, поплёлся в кладовку. Ждать, когда брага созреет, Никола уже не хотел.

Он боялся НЕ ДОЖДАТЬСЯ...

*Атеизм –
это ещё большее
заблуждение человечества,
чем его
Вера в богов...*

* * * * *

БРАТ

Родись хоть уродом, но уродись в отца.

Корейская пословица

Витюра сидел на берегу озера и мрачно давил взглядом поплавок, давно спавший на его зеркальной глади летаргическим сном. Как всегда, клёв был никудышным, но, как и обычно, это волновало Витюру менее всего. Он традиционно думал о своём...

...С чего начинаются рядовые семейные ссоры? С женщины - генерала! По своему хроническому обыкновению Катерина опять взвелась, как фугас, из-за ничего или какой-то, только ей понятной бытовой мелочи, которую медлительный умом и телом Витюра так до конца и не просёк, и всю свою неиссякаемую

ураганную энергию обрушила на мягкотелого, флегматичного мужа. Чувствуя, что любимая и обожаемая вторая половинка слишком перезаряжена отрицательным электричеством и тут не помогут никакие заземления и громоотводы, Витюра сгрёб в охапку всё своё немудрёное рыбацкое снаряжение, всегда находившееся в Готовности Номер Один, и, взяв с помощью жены энергичный старт от порога дома, дал хорошего дёру! Ему вдогонку били ветвистые молнии и попадавшие Катерине под горячую руку, ставшие уже немногочисленными предметы домашней утвари, но Витюра только втягивал многострадальную голову глубже в покатые плечи, и искусно петлял по-заячьи, тем самым резко снижая точность стрельбы жены.

Часто оглядываясь на бегу в ожидании возможной вооружённой сковородками погони, он на автобусе доудирал до Змеиного урочища, там, не переводя загнанного дыхания, пересел на попутку, возле Ежовой горы, заметая следы, спрыгнул с неё на ходу и, перебравшись через Лысый перевал, попал в Тихое ущелье, к Сонному озеру.

Это было его испытанное бомбоубежище. Озеро находилось на достаточном удалении от городка, чтобы не опасаться осколков бомб, взрывававшихся дома, и не особо баловало рыбой, поэтому хронические рыбаки обходили его стороной. Последнее обстоятельство устраивало Витюру более всего. После семейных ссор с Катериной он любил посидеть в уединении, и Сонное озеро как никакое другое место способствовало успокоению его растрёпанных радостями семейной жизни нервов.

И на этот раз Витюра оказался единственным гостем озера. Вслушиваясь в уютный треск костра за спиной, он одиноко сидел у воды, обдумывая предстоящее возвращение на пепелище родного жилища, и проигрывал в уме варианты примирения со строптивой супругой.

Мысли у Витюры были традиционно невесёлыми.

- «Эх, как жаль, что у меня нет братьёв... Хоть было бы к кому в случае чего пойти со своими постоянными неприятностями, посидеть, поговорить по душам, поплакаться, выпить... А то вот торчу тут каждый раз один, прячусь от людей, как дикий лесной зверь... И почему у меня всё так нескладно в жизни?... Жена - Мамай в юбке... Сын - хронический наследственный двоечник... Остальное - тоже не из подарочного набора... И пойти не к кому... Хоть бы одна близкая душа... Эх!..»

...За спиной Витюры кто-то грузный громко хрустнул камнями. Он обернулся на звук, впервые с некоторой радостью подумав о том, что у него сейчас будет собеседник.

...В уже сгущавшихся сумерках медлительного летнего вечера он увидел жуткое, невероятное существо, состоявшее, казалось, из невообразимого месива когтей, клыков и горящих огненных глаз, существо, рядом с которым Змей Горыныч и самый кошмарный динозавр выглядели бы писаными красавцами. Оно стояло, сидело или лежало в десятке метров от Витюры и, возвышаясь над землёй на высоту почти двух человеческих ростов, пялило на него свои глазищи - плошки.

Витюра окаменел.

Существо шевельнулось.

- Здравствуй, брат...- хриплым басом хронического людоеда прорычало оно, двинувшись вперёд. - Брат по разу...

- А-А-А-А-А-А-А!!! - дурным голосом заорал Витюра, выйдя, наконец, из своего монументального состояния. Он далеко отпрыгнул задом и, развернувшись ещё в воздухе, точно пущенный мощной пращей, понёсся, не разбирая дороги, по мелководью, берегу, через кусты и осыпи, слыша за своей спиной низкий неразборчивый рокот...

...Он бежал километра три без остановок, побив, вероятно, все мировые и олимпийские рекорды на длинные, короткие и барьерные дистанции, и остановился лишь тогда, когда почувствовал, что вот-вот упадёт и уже больше никогда не встанет...

Витюра прислонился взмыленным плечом к корявому стволу сухого дерева, и поглядел туда, откуда только что прибежал.

- Один я у мамани... - с трудом проговорил он, тяжело дыша и давясь собственными словами. - Один... Не было у меня братьёв... Не было... Нету у меня братьёв... Нету...

Витюра силло набрал в измученные бегством лёгкие побольше холодного горного воздуха.

- И-НЕ-НА-ДА!!! - изо всех своих последних сил крикнул он в уже непроницаемую темноту лежавшего под перевалом ущелья.

Звуки улетели вниз и, отразившись от склонов, вернулись назад многократным повторением конца фразы:

- ДА!!! - ДА!!! - ДА!!! - ДА!!!

*Незванным гостям
всегда рады
только людоеды...*

* * * * *

ЭХ, ПОЛНЫМ - ПОЛНА...

*Кто платит меньше всех, тот больше всех жалуется.
Закон Дрю*

...Неожиданно даже для бдительных служб раннего предупреждения, чужой корабль буквально выпал из какого-то иного измерения в достаточно тесный, загруженный как центральная столичная улица в «час пик» промежуток пространства между Землёй и Луной, чуть не смахнув, как зазевавшуюся муху, рейсовый супергрузовик. Километровый брусок, похожий на гигантский закрытый сундук, вспыхнул ослепительно-жёлтым светом, став прекрасно видимым даже на полуденном небе сжигаемой летом Австралии, заглушил все земные радиостанции плотным невразумительным рёвом, в какие-то мгновения преодолел расстояние в сто тысяч километров, и врезался в атмосферу Земли над бескрайними просторами Сибири, навесив над всеми материками ярчайших северных сияний...

////////////////////////////////////

...Ильин по одному включил прожектора.

- Любуйтесь... Лицезрейте... - сказал он щедро. - Вот они, наши несметные сокровища...

Комлев медленно повернулся вокруг оси, оглядываясь и ориентируясь на незнакомом объекте.

Двухсотметровый ангар был плотно заставлен всякой непонятной дрянью: от самой мелкой, лежавшей в прозрачных коробочках, до гигантской - размером в железнодорожный локомотив, занимавшей приличную часть объёма помещения.

- Солидно... - справившись с целой гаммой стихийных чувств, не удержался Комлев от ожидаемых от него комментариев. - Ассортимент весьма богатый...

- Что вы, Павел Семёнович! - чуть не возмутился Ильин. - Какой ассортимент?! Да это же лишь десятая часть всего!

Он достал из своей рабочей сумки толстенную весьма потрёпанного вида общую тетрадь и в миллионный раз торопливо её перелистал, привычно слюнявя палец.

- Ага, вот! Шестнадцать тысяч восемьсот тридцать пять наименований и три миллиона семь тысяч девятьсот четыре предмета общим весом двадцать четыре тысячи шестьсот пять тонн девятьсот тридцать два килограмма и сто двадцать семь граммов с миллиграммами. Некоторые из предметов штучные, вроде вон того гроба, но, в основном, по несколько экземпляров каждого наименования.

- Работки нам предстоит... - самопроизвольно вырвалось у Комлева. - От заката и до рассвета, и на годы!

- Да уж энергично пашем! В три смены вламываем, без обедов и перекуров! Здесь только складироваться образцы, остальное раскидано по стране! Сотни научных коллективов, десятки тысяч одержимых людей! В ООН драка из-за очереди!

- Подождут... - сказал Комлев с шовинистской жадностью в голосе. - Сначала мы, что получится, попробуем сделать сами. Раз уж его угораздило бухнуться персонально у нас. Имеем на то приоритетное право, и никто его пока не пытался отменить...

- Сами мы не справимся, Павел Семёнович! - недоверчиво покачал головой Ильин. - Никаких инструкций по правилам эксплуатации и, тем более, технических описаний всего этого они нам не оставили. Всё приходится делать на глазок и на ощупь - это стало, по сути, нашими основными методами исследований. Смехота, да и только! Работаем. Можно сказать, визуально и тактильно, как дети малые!

- И результаты тоже, как у детей... - недовольно пробурчал Комлев. - Ну да ладно, это всё нам внове. Опыта, как говорится, никакого, поэтому малая результативность простительна.

- А чего ж вы от нас такого сногшибательного хотите?! - вспыхнул Ильин. - Чтобы мы насели и подорвали всю Землю на какой-нибудь их mine или бомбе?!

- Но вы же не раз клятвенно докладывали мне, что их оружия тут как будто нет... - Комлев стал гораздо внимательнее всматриваться в таинственные экспонаты ангара.

- Как будто... - неуверенно сказал Ильин. - А вдруг?! Гарантии-то никакой! Теоретически и бутылка с новогодним шампанским может взорваться, как граната.

- Да будет вам плакаться-то! - успокоил подчинённого Комлев. - Никто вас особо и не торопит! Ковыряйтесь себе потихоньку... Изучайте... Общее-то впечатление у вас уже есть? Что они хоть тут у нас ссыпали?... Может, просто помои какие?... В четырёх контейнерах... Хорошо хоть, что не в Байкал, а чуть левее...

- Нет, отходы исключаются!

Ильин взял с пола пластмассовую коробочку, помещавшуюся в кулаке, и двумя пальцами осторожно достал из неё ярко - оранжевый шарик размером с булавочную головку.

- Вот, пожалуйста... - сказал он. - Вы обратили внимание, что здесь абсолютно нет комаров?! Прежде они тут постоянно зимовали тучами, а нынче - как вымело! Это всё его работа! Сжимаешь шарик пальцами, кладёшь его на что-нибудь, и через час в помещении любого заказанного объёма нет ни одного живого паразита!

- Эффективно, - согласился Комлев. - Замечательно эффективно. У вас их много?..

- Комаров?.. Да вовсе не осталось!

- Нет, этих штучек - дрючек...

- Да навалом! Их-то как раз больше всего! Количеством, конечно. Килограммов десять наберётся.

- Когда начнётся делёжка, вы мне десяточка два этих штучек приберегите, пожалуйста... - попросил Комлев.

- Сделаем, Павел Семёнович! О чём речь!

Ильин вернул коробочку с шариком на место.

- А общее впечатление такое: это всё самая обыкновенная бытовая техника...

- Как это - бытовая?.. - Комлев перестал вертеть седой головой и уставился на Ильина.

- Для дома, так сказать, для семьи...

Ильин поднял с пола крестообразную штуку величиной с подставку для новогодней ёлки.

- Вот это, как мы с трудом поняли, пылесос.

Он навёл штуку одним её концом на одиноко торчавшую в проходе между экспонатами корзину для отходов бумаги, и сжал пальцы рук. Корзина мгновенно опустела до дна.

- Что самое интересное, - Ильин осторожно поставил «пылесос» на его подставку, - убирает он только мусор, не трогая посуду. Хотя, какая ему, собственно, разница, что ликвидировать: сор из корзины или её самое вместе с частью пола под ней?..

- Любопытно... - сказал Комлем с возрождающимся энтузиазмом в голосе. - Соображает, значит?..

- Да, есть намёки на зачатки рассудочной деятельности. И ещё есть вопрос: куда девается мусор?..

- Ну, это уже несущественные для нас всех детали, - сказал Комлев с полнейшим равнодушием к столь серьёзной проблеме. - Главное то, что он хорошо чистит!

- Далее... - Ильин взял устройство, похожее на витой козлиный рог и направил раструб рога куда-то в пространство. В стене ангара тут же образовалось огромное круглое окно, и декабрьское солнце мгновенно одолело усталые прожектора ангара.

- А вы утверждали, что оружия здесь нет!!! - радостно воскликнул совсем оживший Комлев.

- Да нет, это не то... - Ильин ещё раз сжал руками «рог» и окно в стене мгновенно исчезло. - Это только так, временно... Для эффекта присутствия. Можно вообще убрать стены и потолок, и сидеть как бы под открытым небом. Но на самом деле стены и всё прочее цело, только становится совершенно прозрачным.

- Значит, всё это самовары, пылесосы, чайники, холодильники и так далее... - сказал Комлев разочарованно.

- Выходит, что так... - Ильин виновато развёл руки. - Во всяком случае, мы так поняли.

- И эта громила тоже? - Комлев с сомнением показал пальцем на локомотив.

- Получается...

- Где ж его такой ставить?! На кухне или в туалете?! И что у них тогда за туалеты?!

- Не знаю, не подступались мы к нему пока. Всё ещё с мелочью разбираемся. Возможно, у них там помещения чуть побольше наших. А вообще, это может быть и штука коллективного пользования. Для многоквартирного дома, например, или даже для целого города.

- Что у вас здесь ещё?.. - спросил Комлев опять скучающе. - Кроме всего прочего...

- Да много чего... - Комлев похлопал рукой по своей пухлой общей тетради. - Тут у меня всё очень подробно записано. Идёмте в мой кабинет, я вас ознакомлю с наиболее интересными образцами.

Они прошли в тесный чуланчик со столом, двумя колченогими стульями, торшером, и малогабаритным цветным телевизором, подвешенным за неимением места на стену. Комлев сразу включил телевизор, настроил его на программу Центрального Телевидения, и сделал звук так, чтобы он не мешал разговаривать.

- Вот ведь рождественский презент... - сказал Комлев, устало опускаясь на скрипучий стул. - Прилетели откуда-то, ни слова не говоря, вывалили на наши головы целую кучу сокровищ, и опять унесли куда-то далеко... Что?! Зачем?! За что?!

- Получается, что всё действительно предусматривалось нам в подарок, - улыбнулся Ильин. - На Рождество... От инопланетных Деда Мороза и Снегурочки...

- Не слишком ли шикарный подарочек? - язвительно спросил Комлев. - Даже если это от самого Санта Клауса. Целых двадцать с лишним тысяч тонн... И не бывает презентов без намёка на взаимность. В особенности перед Рождеством...

Ильин пожал плечами.

- Гадать можно всё, Павел Семёнович. Но не лучше ли подождать, когда они придут снова и сами объяснят, что к чему...

- А если они... - начал Комлев.

...На экране телевизора прервался фильм и появился весьма взъерошенный диктор.
- Экстренное сообщение!!! - заорал он охрипшим от волнения голосом. - Только что получены известия об исчезновении Эйфелевой башни в Париже, пирамид в Египте и Колизея в Риме!!!
- Ну вот... - сказал Комлев, нервно скрипнув стулом. - Дед Мороз и Санта Клаус тоже не остались без рождественских подарков... А я полагаю, что в должниках мы больше не числимся...

*Если Душа
всегда нараспашку,
значит, её обязательно
обворуют...*

* * * * *

В ДАЛЬНЕЙ ДОРОГЕ

*Всё приходит в своё время для тех, кто умеет ждать.
Бальзак Оноре де*

...Родная планета в иллюминаторах худела буквально на глазах; корпус гигантского корабля слабо вибрировал, разнося по своим бесчисленным отсекам гул мощных двигателей.
- А-г-у-у-у... - сказал штурман Клобс с нескрываемым восхищением, очень довольный тем, что дальняя экспедиция началась для них весьма и весьма удачно.
- Аг-х-ы-ы-ы... - бортовой парамедик Левина от удовольствия захлопала пухлыми ладошками, выражая свою полную солидарность с восторгами штурмана.
- У!!! - резко осадил свой немногочисленный экипаж капитан Рикс. Рассерженный тем, что его подчинённые столь легкомысленно относятся к серьёзнейшему предприятию, он съехал с вакуумного горшка на мягкий ворсистый пол, и, громко чмокая витаминизированной соской, с достоинством пополз в командирскую рубку.
Огорчённо встряхнув вместительную бутылочку с уже давно остывшей молочной смесью, робот-нянька послушно покатил за ним, чётко ориентируясь на записанные в блоке его зрительной памяти розовые ягодицы своего будущего шефа.

До конечной цели путешествия оставалось ещё почти пятьдесят семь лет полёта....

*От времени
темнеет
и белая зависть.*

* * * * *

ШАЛУН

*Мы в ответе за тех, кого мы приручили.
Антуан де Сент Экзюпери*

День только-только начинался. Низкое и неяркое местное Солнце весьма скупо освещало уходящую за самый горизонт гладкую равнину, по которой были хаотично разбросаны редкие низкорослые кустарники, отбрасывавшие сейчас, ранним утром, неправдоподобно длинные тени. Трава нежно-голубого цвета покрывала землю ровным мягким ковром, на котором иногда попадались замысловатые узоры из многокрасочных цветов.

Цветы Петра потрясали. Цветы его восхищали! Казалось, местная флора бросала дерзкий вызов тусклой звезде, породившей её когда-то, пытаясь затмить красотой и насыщенностью каждого цвета. И, надо отдать должное, ей это триумфально удавалось. Обойдя очередной, пылавший невозможными красками островок-клумбу, Пётр потом несколько раз произвольно оглядывался на него, поражаясь феерической цветовой гамме. Звезда при этом светила ему в спину, и цветы, разбросанные по равнине,

казались маленькими яркими живыми огоньками, призывно мерцающими под тёмным серым небом от забав лёгкого ветерка...

...«Петя–петушок», прозванный так на Базе за свой пока безусый возраст и задиристую неугомонную натуру, обожал всевозможные приключения, и страшно огорчился тому, что его практика на этой планете проходила слишком уж гладко и до обидного спокойно.

Планета действительно оказалась невероятно скучной. Ни тебе свирепых хищников, ни даже грозных и неожиданных явлений Природы. Рутин! И когда в ракетоплане, на котором Пётр с очередной курьерской оказией летел на Южный полюс, вспыхнул нештучный пожар, он даже обрадовался этому долгожданному форсмажору. Автоматика летательного аппарата, безрезультатно израсходовав на жадный огонь все свои бортовые защитные средства, наконец катапультировала пассажира из гибнущей скоростной машины. С высоты нескольких километров Пётр смотрел на голубое покрывало далеко под собой и, медленно спускаясь на парашюте, морально готовился к дальнейшим приключениям.

Он уже знал о том, что системы бортовой связи ракетоплана вышли из строя в самом начале пожара, и на Базу так и не был передан сигнал бедствия. У Петра дух захватывало от шальной мысли о том, что теперь ему предстояло пройти в одиночку сотню с лишним вёрст до ближайшего автоматического Купола. Это был как раз тот случай, о котором тайно мечтал каждый хоть немного уважающий себя курсант Начального Уровня Академии Звёздного Флота.

Пётр ни капли не волновался за свою жизнь. Да и почему он должен был о чём-то беспокоиться?! Запас продуктов и воды у него недельный, оружие, вроде, есть, травм как будто нет – чего ещё может желать попавший в аварию желторотый юнец? Пётр болтался на стропах под гигантским оранжевым куполом, дрыгая в воздухе ногами и насвистывая бравурную мелодию, и с полнейшим равнодушием наблюдал за обречённым ракетопланом, который тщетно пытался справиться с пожирившим его огнём. Несчастливая машина в пределах видимости Петра совершала сложные манёвры, снижала скорость до плоского штопора, и несколько раз даже с надеждой окутывалась облаком пламегасящей жидкости.

Но ничего не помогло. В километре от земли ракетоплан вдруг взорвался беззвучным белым пламенем и разлетелся на множество беспорядочно кувырившихся обломков. Обломки эти уже чадно горели на траве, а белое облако начало теряться на сером фоне неба, когда до Петра наконец добрался звук взрыва. Его сильно качнуло на стропах, плотно заложив налетевшим грохотом уши. Пётр сглотнул, поковырял пальцами в ушных раковинах, очищая их от застрявших там избыточных децибеллов, потом ещё для верности потряс головой, поудобнее устроился в своём висячем кресле, и стал дожидаться мягкой посадки.

...Несмотря на соблюдение всех соответствующих инструкций, приземлился он довольно жёстко, хотя и на самое мягкое из имевшихся у его тела мест. Рахитичный утренний ветерок без особого интереса проволоч парусящий парашют вместе с прицепленным к нему скулящим и потирающим ушибленные места Петром несколько метров, обессилев, бросил его, и надолго ушёл бесцельно бродить по бескрайней голубой равнине.

Продолжая разнотонально скулить, Пётр отцепил от себя сделавший своё дело парашют и, сразу потеряв к нему всяческий интерес, прихрамывая, поковылял к отпавшему при ударе о землю рюкзаку с НЗ. Он разложил всё его содержимое на траве и проверил по прилагавшемуся списку.

К его огорчению, дела для терпящего бедствия обстояли слишком уж хорошо: радиомаячок исправно работал, из продуктов питания не пропало ни крошки, оружие на вид было в полнейшей исправности. Вообще-то Фортуна для разнообразия могла бы и слегка усугубить положение, но усугублять его самому Петру почему-то совершенно не хотелось...

Оставалось уповать на банальное везение в виде невезения. Через два часа на Базе хватятся ракетоплана, который в условленное время не выйдет на связь, ещё через час там поднимется нештучный переполох, и затеются пока бессистемные, а потому абсолютно бестолковые поиски... Авань, для начала будут разыскивать по трассе полёта и никому не придёт в голову шальная мысль о том, что обнаглевший донельзя практикант вздумал отключить автопилот, и вручную увёл машину на добрую тысячу километров в сторону от основной трассы. Если об этом сразу не догадаются, поиски, учитывая пока скромные возможности Базы, затянутся дня на три, а то и на все четыре, и Пётр успеет самостоятельно добраться до Купола, а не будет выловлен среди чистого поля, как сачком выуживают упавшего в глубокую лужу цыплёнка. Он даже мысленно представил, как входит в Купол, включает аварийный передатчик, настроенный на рабочую волну Базы, и бесконечно усталым, но абсолютно спокойным голосом чётко докладывает о страшной авиационной катастрофе и о маршброске с полной выкладкой длиною в сто с лишним километров, полным невероятных трудностей и жестоких схваток с неизвестными науке местными чудовищами...

На всякий случай Пётр выключил свой персональный радиомаячок, хотя радиус действия того ограничивался лишь двумя десятками километров. Можно было бы его вообще поломать, свалив всю ответственность на аварию, но ударопрочный корпус последнего нуждался в хорошем булыжнике, а подходящего для этого дела камня Пётр не нашёл, как упорно ни искал. Он примерился было для этого дела прикладом карабина, но потом подумал, что это было бы слишком примитивно – даже ребёнок по форме вмятин сразу определит, чем они были сделана...

Если бы корпус весьма живучего радиомаяка не был намертво пришпилен к рюкзаку, Пётр для большей экзотики своего положения, наверное, выбросил бы эту излишнюю технику. Но выкидывание рюкзака означало бы расставание с частью НЗ, а вот этого-то Петру делать и не хотелось. Авантюра авантюрой, но должна же быть полная уверенность в её счастливом исходе, иначе это было бы просто хорошо организованным самоубийством. Мало ли что...

Итак, Пётр не стал испытывать Судьбу и ограничился лишь выключением радиомаяка, который при необходимости всегда можно было бы включить. Ну а ситуация и без того была более чем сногшибательной!

...К полудню Пётр достаточно бодро отмахал без малого километров тридцать. Местная звезда по имени Церус стояла уже достаточно высоко над горизонтом, чтобы довольно чувствительно припекать. Панама совершенно не спасала: по лицу ручьями струился пот, заливая едким глаза, раскалённая голова полыхала жаром. Температура воздуха была не слишком чтобы высокой, но куда-то окончательно пропал ветер, и это порождало своеобразный парниковый эффект: Пётр варился в собственном поту, медленно, но верно приближаясь к точке кипения и вскипания. Он пытался обмахиваться панамой, но это больше напоминало помахивание берёзовым веником в парной бане, чем работу опахала.

Оптимизма у Петра слегка поубавилось. Рюкзак уже не казался ему таким лёгким, а ремень карабина всё глубже врезался в тело, что, всё вместе взятое, работало теперь в основном на раздражение...

...Ещё через час Петру уже нестерпимо захотелось просто сесть в траву, врубить свой радиомаяк на полную мощность так, чтобы он жутко заголосил на всю планету, и, размазывая по щекам несчастные слёзы, ждать скорого спасения. Он гнал от себя эти пораженческие мысли, но они непрерывно преследовали его, становясь весьма навязчивой идеей. Он пытался считать свои шаги, чтобы хоть как-то отвлечься, но мысли о помощи пролезали между числами, сбивая со счёта, и удивительным образом складывались в рифмы в такт ходьбе...

...Когда Пётр в первый раз споткнулся, то ничуть этому не удивился. Он с готовностью клюнул потным носом в мягкую траву, ощутив перегретым лицом её удивительную свежесть, и обмяк. Перевернувшись на спину, Петр несколько минут расслабленно полежал, упиравшись плечами в рюкзак, потом освободился от него и сел.

- Ну что, - утерев лицо уже мокрым рукавом лёгкой куртки, грубо спросил он самого себя вслух. - Ноги-то не держат?! Дожил, дистрофик: микроб тебе подножку подставил! Если дела так пойдут и дальше, то они тебя просто задавят! Навалются всем гуртом и затопчут!

Пётр горестно вздохнул над своей нелёгкой судьбой и, кряхтя от натуги, стал подниматься на ноги.

- Враги сильны, но мы мощнее друзей!!! - Он с трудом разогнул спину и, держась за поясницу, поглядел по сторонам.

- «Удивительно унылое, надо признаться, место... - неприязненно подумал Пётр о планете. - Идеальное для испытания сосунков вроде меня... Полигон... Цыплячий полигон...»

Вокруг была равнина, всё та же голубая равнина со всё теми же дурацкими цветами искусственной раскраски, такая же бесконечная, как и шесть часов назад, будто Пётр и вовсе не трогался с места...

Он с натугой забросил на спину успевший ему опостылеть рюкзак и уже без прежнего энтузиазма поплёлся дальше.

...Во второй раз Пётр споткнулся уже основательно. Ботинок его правой ноги, готовившейся коснуться земли и принять на себя весь вес тела, уже успевшего уйти от точки равновесия чуть вперёд, уткнулся в невидимый, скрытый в траве камень, и Пётр спикировал головой вниз. Он ушиб о землю нос, а карабин пребольно ударил его полным магазином по затылку.

Пётр тихо взвыл и, чертыхаясь, сел, проклиная эту зловредную планету и в особенности все её полезные и вредные ископаемые. Он высвободил руки из лямок рюкзака и, нахлобучив на самые глаза отлетевшую было в сторону панаму, принялся искать злокозненный камень, желая совершить над ним ритуальный танец оголодавших каннибалов.

К своему удивлению и огромному огорчению, камня он так и не обнаружил, хотя искал его более чем упорно.

- Ну вот... - с прогрессирующим унынием в голосе сказал он, плюхнувшись в траву. - Враги стремительно наращивают силы! А мы, увы, по-прежнему не в лучшей спортивной форме!

Пётр встал, и движением штангиста, берущего рекордный вес, затащил на плечо тяжеленный рюкзак.

- Враги одерживают верх над низом! - громко возвестил он, обращаясь к небу. - Но мы не собираемся сдаваться в рабский плен! Мы намерены биться головой о стену до последнего!

Согнувшись в три горбатых погибели под тяжестью ещё нераспробованного рюкзака и нестреляного карабина, он брёл, внимательно глядя себе под слабеющие ноги, где были, как ему казалось, разбросаны мириады камней, мечтающих о том, чтобы Пётр на них натыкался...

...Он опять банально споткнулся, хотя мог поклясться на алтаре в том, что никаких поводов в траве для этого не было, и брошенным всеми истрёпанным мешком свалился на землю.

Пётр разразился длинным, не переводимым ни на один из земных языков ругательством, с трудом встал и, продолжая изрыгать непрерывные проклятия, высоко поднимая ноги, стал яростно топтаться на том месте, где, по его предположению, скрывался в траве дьявольский камень.

Он вытоптал в высокой траве круг диаметром метра в два, но опять—таки ничего не обнаружил.

Тогда он с рычанием содрал с себя рюкзак и карабин, и отбросил их далеко в стороны. Потом, не переставая жутко рычать, он встал на четвереньки, и с энергией свиньи, попавшей под изошедший желудями дуб, принялся рыться в траве, грозя злокозненному камню предать его самой страшной из существующих смертей.

Камень – точно всерьёз опасаясь его бутафорских угроз – исчез. Как сквозь землю провалился!

Минут пять Пётр на остаточных нервах покопался в сто раз уже проверенной траве, понемногу успокаиваясь, рыкнул в последний раз, и так, на четвереньках потопал к своим брошенным на произвол судьбы пожиткам. Он лёг на живот рядом с рюкзаком и в изнеможении закрыл глаза

- «Итак, события дня бурно развиваются... - подумал он. – На солнечный удар не очень похоже, а для буйного умственного помешательства на почве хронического одиночества, вроде, пока рановато... Или уже самое подходящее время?..»

Он сел и, поджав ноги, осмотрел свои ботинки.

Обутки были, как обутки. Немного облезлые сверху и посиневшие от сока травы снизу. Пётр искал на них что-то такое, чем они должны были постоянно цепляться за траву, но не находил. Самые что ни на есть обыкновенные казённые топалки шестнадцатого размера, и никакого тебе подвоха.

- «Босиком пойти, что ли?.. - грустно подумал он. – Если от этого станет хоть чуть легче...»

Разувшись и сняв мокрые от пота дырявые носки, Пётр попробовал пройтись с голыми ступнями.

Ноги тонули по щиколотки в сочной траве, приятно освежавшей перегретую кожу. Он походил немного, чувствуя, как через подошвы ног в тело входит бодрящая прохлада, и вернулся к своим вещам.

Бросив на них короткий взгляд, он вдруг увидел рядом с рюкзаком торчащий из травы круглый бульжник.

- Ах, вот ты где!!! – несказанно обрадовался Пётр и, плотоядно облизываясь, стал крадучись подбираться к своему мучителю. – Вот я тебя сейчас! Ты мне сейчас по полной программе ответишь за всех твоих близких и дальних родственников! – Он зыркнул по сторонам глазами в поисках других противников, а, когда снова посмотрел на своего оппонента, того на месте не оказалось...

Пётр замер на месте, зажмурившись, помотал облепленной мокрой панамой головой, и снова посмотрел.

Камень исчез!!!

Подойдя к рюкзаку, Пётр осторожно обошёл его кругом, внимательно вглядываясь в траву, лишённую посторонних элементов.

Камня не было!!!

- Галлюцинация... - шёпотом сказал он. – Мираж...

Слова прозвучали зловеще.

Пётр экспериментально отошёл от рюкзака метров на десять и осторожно поглядел через левое плечо.

Камень вызывающе торчал из травы, правда, уже совсем с другой стороны от его вещей...

- У–у–у, злодей... - проговорил Пётр, обращаясь к своему обидчику. Он решительно направился к камню, не отрывая от него глаз, и вдруг заметил, что тот быстро исчезает, как бы утопая в траве...

Пётр остановился и сделал несколько коротких, опять же экспериментальных, шагов назад.

Камень полез из травы, как гриб после дождя.

- Не хочешь, значит, со мной водиться... - выразительно проворчал Пётр. – Ну и ладно! Не больно-то и надо! – Он настолько устал, что у него не было сил ни пугаться, ни даже удивляться.

Вернувшись к вещам, Пётр запихал свои ботинки в рюкзак, с подозрением поглядывая по сторонам. Снова взвалив пожитки на свои многострадальные плечи, он чуть качнулся вперёд, и смешной вихляющей походкой посеменил вслед за убегающим центром их общей тяжести.

Шагов двести он прошёл без каких бы то ни было серьёзных приключений, хотя пребывал в постоянном и напряжённом ожидании какой-нибудь непредсказуемой каверзы, но ничего не происходило и Пётр, успокоившись, зашагал чуть быстрее и спокойнее.

Когда он уже начал слегка забывать о недавних неприятных происшествиях, и даже принялся напевать какую-то весёлую мелодию, босая нога Петра неожиданно наступило на круглое и колючее НЕЧТО, хорошо спрятавшееся в траве...

Пётр запрыгал на другой ноге, сжав пальцами слегка травмированную ступню, и, не сумев удержать необходимое равновесие, опрокинулся на спину, взбрыкнув здоровой ногой.

Посылая в небо все известные ему проклятия, Пётр задёргался в лямках как необъезженный конь в постромках, но ремень карабина перехлестнул эти лямки, и освободиться никак не удавалось. Поняв, наконец, всю бессмысленность своих попыток, Пётр затих...

Полежав какое-то время, он осторожно освободился от груза, уселся и подтянул к себе ещё болевшую ступню. На своей грязной подошве он увидел множество совсем чёрных точек; из некоторых выступила кровь.

Уже без прежнего энтузиазма Пётр для порядка порылся в траве, заранее зная о конечном результате своих поисков, само собой, ничего в ней не нашёл, и привычно разозлился.

- Та-а-ак... - выразительно протянул он. – Шутки в сторону – привидения не наносят ран!

Стало окончательно ясно, что это чьи-то козни.

Пётр встал и огляделся.

- Эй, ты!!! – заорал он, ни к кому конкретно не обращаясь. – Отцепись, зараза!!! И без тебя, блин, тошно!!!

Равнина ответила насторожённой тишиной.

Тогда Пётр поднял с травы свою «мортиру» и, сняв глушитель, шарахнул из неё один разок в небо для остротки.

Равнина не ответила даже эхом...

- Вот так-то! – Пётр достал из рюкзака свои фирменные базовые ботинки, и на всякий случай обулся. Потом выложил на траву продукты из богатого состава НЗ и немного подкрепился.

После еды сразу потянуло в послеобеденный сон. Он лёг на спину и, сощуриив глаза, посмотрел на уже клонившийся к далёкому горизонту Церус. Из маленького зелёного кружка на небе полезли длинные лучики – иглы, и он действительно стал похож на земной кактус.

Вынырнув из дрёмы, Пётр посмотрел на хронометр: до ночи оставалось чуть больше шести часов. При хорошем темпе за это время можно было отшагать в сторону Купола километров тридцать.

Что бы то ни было, сидеть Робинзону не пристало. Ему следовало бороться с трудностями и укрощать непокорную планету. Пётр собрал пожитки, с уже хронической тоской подлез под рюкзак, перевесил карабин на грудь и, сверив направление по компасу, пошёл к горизонту.

...Кто-то только этого и ждал... Внезапно в ботинок левой ноги сильно и резко ударили снизу...

Пётр, мгновенно забыв про немалый вес рюкзака, отпрыгнул в сторону и схватился за карабин.

Трава у него под ногами была без изъянов...

Он рывком перебросил затвор и угрожающе положил указательный палец на спусковой крючок.

- Выходи, гад!!! – рявкнул он, целясь себе под ноги. – Высывайся, не то совсем хуже будет!

Никто не отозвался.

- Ну, гляди ты у меня... - ядовито прошипел Пётр и, держа сильно потяжелевший с утра карабин наперевес, стал пятиться назад. Когда он отошёл от места последнего происшествия метров на двадцать, его глаза вдруг уловили там что-то, не относящееся к траве.

Пётр замер, на всякий случай задрал в небо опасный ствол своего карабина, и вгляделся.

В траве что-то определённо было, но рассмотреть, что именно, не позволяло приличное расстояние. Тогда он осторожно, крадучись, точно к заманчивой дичи на охоте, стал подбираться к загадочному предмету, до слёз напрягая испорченные жарой и потом глаза.

Предмет не исчезал...

Метрах в семи Пётр остановился. Теперь он отчётливо видел, что в траве, возвышаясь над землёй на коротком толстом стержне, торчит круглый набалдашник, весь состоящий из красных гранул или крупных зёрен, и более всего напоминающий ободранный плод граната.

Пётр стоял и терпеливо ждал, чувствуя, что эта загадочная штука появилась тут из земли неспроста.

Набалдашник вдруг дёрнулся и резво полез вверх. Он оказался чем-то вроде головы странного суставчатого животного, которое выползло из почвы, всё более возвышаясь над травой...

...Зверь был похож на большую, более чем полутораметровую гусеницу, вставшую на дыбы. Он стоял, изогнувшись вопросительным знаком, и шевелил в воздухе многочисленными, идущему по всему его животу сороконожками лапками. Набалдашник – голова зверя являл собой, по-видимому, один сплошной фасетчатый глаз, отсвечивавший в лучах Церуса множеством рубиновых блёсток. Над ними напряжённо подрагивали длинные загнутые волоски – реснички, и казалось, что зверь подмаргивает своим полимоноглазом. А под набалдашником торчали в стороны жёсткие кошачьи усы – вибриссы. Благодаря этим усам голова таинственного животного смехотворно смахивала на карикатурную кошачью морду.

Существо стояло на дыбках и тихо покачивалось туда – сюда, судя по всему, тоже изучая Петра визуально. И, что самое важное, оно пока не выказывало никаких признаков агрессивности.

Пётр с удовольствием убрал палец со спуска карабина и, почему-то присев, вытянул вперёд руку.

- Кис-кис-кис... - не найдя ничего лучшего, позвал он и поманил зверя пальцем. – Кири-кири...

Абориген, видимо, оскорблённый такой фамильярностью инопланетянина, стал нервно и поэтапно вгонять своё тело в землю.

Пётр выпрямился.

- Ну, так нельзя, братец! – сказал он укоризненно. – Только пришёл и уже удираешь! А как же дружеское рукопожатие?!

Зверь, очевидно, и сам решил, что унижать своё достоинство столь откровенным бегством хозяину планеты вовсе не к лицу. Он замер, оставшись торчать из земли на полметра.

- А ты не так труслив, как мне показалось вначале... – Пётр почувствовал, что отношения с местными как будто налаживаются.

Зверь выжидающе раскачивал рубиновым набалдашником. Пётр уже понял, что его новый знакомый настроен скорее дружелюбно, чем враждебно. Чувствуя левой рукой приятную теплоту взведённого карабина, Пётр сделал несколько шагов по направлению к торчащему палкой из земли зверю и протянул к нему правую руку, сделав пальцы щепоткой.

- Кис–кис... – снова позвал он. – Мурзик, кис–кис... Давай ко мне, котяра, познакомимся...

Зверь негромко и, как показалось, испуганно крикнул и коротким рывком втянулся в землю.

- «Удрал всё–таки, кот заячий», – разочарованно подумал Пётр. Он неторопливо подошёл к тому месту, где существо спряталось в землю, и нагнулся в поисках норы. Потом, не поверив своим глазам, он встал на колени и принялся раздвигать густую траву пальцами. Пётр даже стучал по земле кулаком, выискивая скрытый под дёрном подземный ход.

Как ни странно, норы не было...

Пётр встал и ищуще повертелся на месте. Уползти незамеченным чудной зверь не мог – он непременно увидел бы это по движению травы, но, тем не менее, тот умудрился куда-то деться...

- «Чертовщина какая-то... – Пётр был вконец огорчён. – Растворился он, что ли?.. Или стал невидимым?.. Зверь–невидимка?..»

И то, и другое было полнейшим абсурдом, но ничем иным объяснить исчезновение зверя он пока не мог. Пётр походил по равнине вокруг места недавней встречи с загадочным местным аборигеном, покричал, приглашая существо продолжить диалог, потом, решив, что зверь попросту сбежал, раздосадовано пнул мягкий дёрн, и пошёл своей дорогой.

И тут же чуть в очередной раз не упал. Кто-то сильно поддал в подошву его ботинка снизу, подбросив ногу Петра вверх.

Он глянул вниз.

Из земли торчал длинный бугорок, похожий на панцирь броненосца – Пётр ясно видел стыки пластин, из которых тот состоял.

Осторожно опустив с трудом удерживаемую на весу ногу рядом с бугорком, Пётр хотел слегка поддеть панцирь носком ботинка, но тот вдруг сорвался с насиженного им места и быстро–быстро заскользил по земле, раздвигая траву. Казалось, бежит гигантская, размером с ладонь, безногая мокрица. Панцирь ходил вокруг него кругами, а Пётр, как ни вглядывался, всё не мог найти у него ноги. Существо скользило плавно, точно не бежало, а летело на воздушной подушке.

- «Вот это да! Вот это финты! – ошарашено глядя вниз, подумал Пётр. – Час от часу не легче!»

«Мокрице», видимо, надоело глупо носиться вокруг Петра, и она неожиданно резко остановилась. И тут же, прямо перед ней, из земли буквально вынырнул знакомый набалдашник.

Пётр несказанно обрадовался.

- О, привет!!! – сказал он, как старому знакомому. – Ты что же это друзей бросаешь?! А тут ко мне опять пристают всякие разные...

Зверь важно расфуфырил свои роскошные кошачьи усищи и вынырнул из земли целиком.

К изумлению Петра, «мокрица» оказалась просто небольшой частью его тела. Но не это больше всего поразило парня. Он очень чётко видел, что зверь как бы выступил, а не вылез из почвы, точно земля была для него не более плотной средой, чем для самого Петра – вода.

Зверь неожиданно лёг на траву и быстро засеменял к Петру, как большая светлокоричневая сороконожка. Движения его были неуловимо быстрыми и в то же время плавными, волнообразными. Были явственно слышны скрип панциря и постукивания суставчатых лапок.

Пётр судорожно плотнул, с трудом удержав себя от позорного в сути своей панического бегства.

Зверь подбежал к застывшему Петру и в метре от него снова встал на дыбки, вытянувшись во весь свой сороконожий рост. Он стоял теперь лишь на нескольких нижних парах своих ножек и в этой позе ужасно смахивал на жуткую помесь кота с гусеницей – землемером.

Зверь постоял вопросительным столбиком, слегка раскачиваясь и вращая своим усатым набалдашником, потом вдруг быстро качнулся вперёд и коснулся усами руки Петра.

Это был совершенно дружелюбный жест, но Петру стоило огромных усилий сильно расхлябанной за напряжённый день воли удержаться от нахлынувшего омерзения и не отдёргнуть руку.

Очевидно, усы были какими-то органами чувств, и существо просто попробовало Петра, так сказать, «на вкус». Во всяком случае, оно, похоже, осталось весьма довольно пробой, и явно приняло Петра, как своего ближайшего родственника, только без усов. Затем оно откачнулось и, плашмя, палкой упало в траву, точно приглашая нового знакомого последовать его примеру.

Пётр стоял неподвижно, ожидая, что будет дальше.

Видимо, зверь правильно понял нерешительность человека. Словно желая развеять все его возможные сомнения относительно своей миролюбивости, и приглашая принять участие в совместной живой игре, он вдруг высоко подпрыгнул в воздух, и зайцем заскакал по траве. И пошло–поехало! Он будто демонстрировал Петру все свои уникальные способности. Он ползал, извиваясь змеей, семенил сороконожкой, ходил, как гусеница землемера, складываясь и раздвигаясь наподобие циркуля, а в конце своего выступления прыгнул вверх и перед самым Петром вертикально ушёл в землю, точно железный прут в воду. Без всплеска... Земля, казалось, сама расступилась перед ним и тут же сомкнулась...

Пётр присел, погладил ладонью совершенно девственную траву, и буквально тут же рядом с ней не просто вылез, а вынырнул из земли этот невероятный зверь. Он был явно весьма доволен собой и, распушив фантастические усы, ритмично покрякивал от удовольствия.

Пётр подавил в себе инстинктивную брезгливость и осторожно провёл ладонью по пластинчатой колючей спине...

Зверю это, похоже, понравилось... Он снова коснулся усами руки Петра и выжидающе выгнул спину...

...Через полчаса они уже играли в пятнашки. Забыв про недавнюю усталость, Пётр с радостью сбросил на землю всё свое барахло, и, разувшись, с высунутым от удовольствия языком бегал босиком за зверем, который буквально мгновенно стал отзываться на кошачье имя «Мурзик».

«Мурзик» носился по равнине, ныряя в землю и выныривая из неё совсем в другом месте, и издавая при этом шум целого утино выводка. Вероятно, он обладал удивительной способностью перестраивать структуру своего тела таким образом, что мог жить в двух средах в земле и на земле. На земле он был плотным и реальным, а, уходя в неё, похоже, терял эти свойства, становясь более разреженным, чем газ, что и позволяло ему свободно перемещаться в твёрдом грунте.

Пётр не знал, какую форму «Мурзик» имел под землёй, но то обстоятельство, что он иногда показывал из неё сразу несколько фрагментов своего тела, подсказывало, что наземная форма сохранялась. Он каким-то невероятным способом прогонял мельчайшие элементы своего тела, возможно, молекулы или даже атомы, сквозь молекулы или атомы земли, и при этом не распадался...

Пётр более всего недоумевал по поводу того, каким образом данный конкретный «Мурзик» передвигается в грунте, не взаимодействуя с ним. Ведь там, в его глубине, лишившись плотности, он просто обязан был падать к центру планеты, подчиняясь лишь законам гравитации...

Поразмыслив немного, Пётр решил, что «Мурзик» всё-таки коренной наземный житель, а его невероятная способность уходить в недра – всего лишь защитное приспособление, оставшееся от тех далёких времён, когда на планете водились хищники. Судя по всему, «Мурзик» нырял в землю, как в воду: на небольшую глубину и на короткий срок. Но даже это было слишком уж фантастично!!!

Пётр не стал ставить свои мозги набекрень, оставив это сомнительное удовольствие штатным биологам Базы. Он просто бегал за одуревшим от радости, похоже, долго скучавшим от одиночества «Мурзиком», и совсем забыл о своём положении и конечных целях.

Наконец, он всё же устыдился своего поведения.

- Э, приятель! – сказал он вдруг самому себе грубо и жёстко. – Ты чего это разбежался и распрыгался?! Там люди тебя ищут, волнуются, а ты тут придуриваешься без ограничений!

Пётр остановился прямо на своём резвом скаку.

- Хватит, «Мурзик»! – веско сказал он и решительно пошёл к своим вещам.- Завязываем с этим!

Зверь, встав столбиком, очевидно, решил, что это всего лишь продолжение игры, и с готовностью погнался за уходящим Петром. Он нырял в землю, снизу толкая Петра спиной то в одну, то в другую ступню, но тот сейчас был непреклонен.

- Хватит! – тоном приказа повторил землянин, навешивая на себя вещи. – Мне пора идти! До ночи я должен прошагать километров двадцать! А ты топай за мной, если тебе так интересно. Скоро сюда примчится целая футбольная команда – то-то тебе будет весело стать их мячом!

Он уходил, часто оглядываясь. «Мурзик» постоял вертикально, глядя вслед Петру, потом как-то огорчённо крякнул, и с понуро повисшими усами потёк за ним, видимо, не желая прекращать понравившуюся ему игру. Несколько раз он пытался затеять новую возню, но человек не обращал внимания на его призывные тычки снизу, и, спотыкаясь, упорно шёл дальше.

Наконец, «Мурзик» всё-таки сообразил, что ему сегодня больше ничего весёлого не светит, ещё минут десять беззвучной тенью сопровождал Петра, а потом вдруг куда-то незаметно исчез... Пётр иногда с надеждой оглядывался, но «Мурзик» точно в воду канул. Или в землю...

После захода Церуса Пётр быстро надул аварийную палатку и, даже не ужиная, сразу лёг спать. Ночью он несколько раз просыпался из-за страшных своей непонятностью раскатистых звуков снаружи, от которых по коже пробегал лёгкий морозец. Хотя он и знал, что внешняя часть палатки пылает сейчас яркими огненными сполохами, отпугивая зверьё и привлекая внимание ищущих, Пётр, тем не менее, вздрагивал, прижимая к себе остывающее тело карабина.

Утром он вылез из палатки и, лязгая от прохлады зубами, пробежал вокруг неё раз пятьдесят, пока не закружилась голова.

День снова обещал быть до омерзения ясным и спокойным, но, как это ни странно, Петру уже не хотелось никаких стихийных бедствий. Сутки, проведённые на девственном лоне местной природы, поубавили его колониистский пыл, а после ночи на жёсткой земле вдобавок побаливали ещё и бока.

Спасательной экспедиции всё не было, очевидно, поиски ушли далеко в сторону, потому что ночью с вертолёт палатку можно было бы увидеть за несколько десятков километров.

Это обстоятельство уже не радовало искателя приключений, а, скорее, даже раздражало.

- «Лопухи!!! – беззлобно подумал про поисковиков Пётр. – Вечно они ищут совсем не там, где надо! А тут человек, можно сказать, безвинно пропадает!» – Он представил, что впереди целый день почти безостановочной ходьбы, и ему вдруг жутко захотелось домой, на Базу.

Он включил походный радиопеленгатор. Прибор уже принимал пиликанье – до Купола было не более шестидесяти километров. Других источников радиосигналов Пётр пока не уловил, хотя прошёлся по всей шкале прибора. Видимо, поисковая группа находилась не близко...

Практикант горестно вздохнул от огорчения. Похоже, его незапланированная авантюра зашла слишком далеко, и теперь ему оставалось только шагать к заждавшемуся Куполу.

- «Ну что ж, - подумал Пётр. – Ты очень хотел, чтобы твоё положение усугубилось, и ты получил желаемое. Как оказалось, Фортуна всё поняла слишком уж буквально. Ну и ладно! Если не провалишься сегодня сквозь землю, то завтра точно будешь у Купола. А там всё уже просто... И никаких тебе эксцессов, если не считать маленького происшествия, связанного с появлением «Мурзика», – он даже чуть огорчился тому, что его приключение заканчивалось столь быстро.

- «А кстати, где же он?..» – вспомнил, наконец, Пётр про своего нового знакомого. Он походил вокруг палатки, покричал, вглядываясь в голубую равнину, чуть не сорвав голос, и так молодецки посвистел, что у него даже заложило уши.

«Мурзик» не появлялся.

Пётр вывалил из рюкзака на траву продукты, и со вкусом позавтракал, уже не заботясь о запасах, и выбросил пустые упаковки. К его огорчению, даже после обильной трапезы рюкзак не стал легче. Пётр порылся в нём, выискивая, от чего ещё можно избавиться, кроме еды, но люди, составлявшие комплектацию аварийного запаса, сделали это со знанием дел. Лишнего ничего не оказалось.

Повесив на себя рюкзак и карабин, Пётр пошёл по знакомому пеленгу. Церус светил сбоку, нагревая одну щеку, в то время как противоположная откровенно мёрзла. Но всё это было пустяком по сравнению с тем, что Петру предстояло испытать через каких-нибудь несколько часов. Он шёл, помаленьку разогреваясь и втягиваясь в ходьбу, но время от времени искал глазами пропавшего куда-то «Мурзика». Пётр с удовольствием отмечал, что уже симпатизирует этому невероятному зверю, и тот, как ему показалось, тоже был к Петру неравнодушен...

Он вспомнил, как вчера, во время игры, с ужасом ждал, что «Мурзик» вот-вот проскочит сквозь него, и как сердце замирало всякий раз, когда тот летел в него, точно брошенное кем-то копьё...

Но зверь всегда пролетал мимо. Похоже, его внедрение в плотную среду что-то в ней всё-таки изменяло, и «Мурзик» это прекрасно знал...

Зверь определённо был с понятием и Пётр уже начал по нему скучать. Возможно, он был просто далеко. Пётр не хотел верить в то, что надоел своему новому приятелю, это было бы слишком обидно.

...Через несколько часов Пётр устал настолько, что перестал неэкономно вертеть головой. Опять началась парная баня, и ему стало не до «Мурзика» и сомнительных прелестей местной природы. Он упрямо шёл, сильно ссутулившись, и глядя прямо себе под ноги.

Поглощённый ритмичной ходьбой, он проглядел момент появления вертолёт, услышав рокот его двигателя лишь тогда, когда машина стала плавно снижаться прямо у него по курсу и волна воздуха ударила его в грудь, остановив и сдув с раскалённой головы панаму. Пётр инстинктивно распрямился и, часто моргая воспалившимися от жары и едкого пота глазами, смотрел на спускающийся с неба аппарат, пока не совсем осознавая происходящее и чувствуя только, что ветер сдувает с его лица опостылевший за два дня жар.

Метрах в двух от земли, не дожидаясь посадки, из люка вертолёт нетерпеливо выпрыгнул человек и быстро побежал к пропавшему практиканту. Расстояние было невелико, но Церус светил прямо в воспалённые глаза, и Пётр просто не смог узнать бегущего.

Когда прилетевший пробежал почти половину разделяющего их с Петром расстояния, у него неожиданно что-то странное случилось с ногами. Он несколько раз основательно споткнулся на резвом бегу, и вдруг растянулся на примятой ветром от винта траве во весь свой немалый рост.

И почти тотчас рядом с ним из земли буквально выросла знакомая палка с набалдашником... Палка раскачивалась и издали походила на кобру, изготовившуюся для броска...

У людей в вертолёт, похоже, возникли те же самые ассоциации. Аппарат уже стоял на земле. Из него выскочил ещё один человек и опрометью побежал к упавшему, на бегу заряжая карабин и забирая немного в сторону, чтобы уйти с прямой, соединяющей всех троих...

- Стойте!!! – заорал Пётр, мгновенно сообразив, что тот собирается сейчас сделать. СТОЙТЕ!!!

Он одним коротким движением сбросил с себя осточертевший рюкзак и, чувствуя, что всё равно не успеет, не побежал, а, не снимая, прямо с груди разрядил свой карабин в небо.

Бегущий, очевидно, не услышал крика Петра за шумом вертолётного винта и понял его действия по своему.

Он остановился и вскинул к плечу своё заряженное оружие...

Пётр хотел отвернуться и не успел...

...Он увидел, как выстрел перерубил «Мурзика» надвое и швырнул обе его половинки на землю...

- А-А-А-А!!! – дико заорал Пётр, срываясь с места. Карабин прыгал на груди, мешаясь. Пётр на бегу перекинул его ремень через голову и, отбросив оружие далеко в сторону, побежал быстрее. Он бежал, крича что-то непонятное, и мысленно проклиная себя и всё человечество с его грубой, примитивной психологией, поставившей слишком нечёткую, а потому такую непрочную границу между такими полярными понятиями, как Друг и Враг...

...«Мурзик» умирал... Рана была страшная на вид, рваная и жёлтая внутри, и из неё на траву быстрыми толчками вытекала густая прозрачная жидкость, быстро впитывавшаяся в землю.

Пётр медленно опустился на колени, протянув к зверю руку, не замечая того, что вертолёт уже сел, заглушил двигатель, и стало почти тихо. В его голове стоял какой-то шум...

«Мурзик» поднял гранатовую голову, приветственно крякнул и, распушив свои роскошные усы, с готовностью выгнул для старого друга спину. Вернее, то, что от неё осталось...

Пётр подставил под плавно опускающуюся к траве голову «Мурзика» ладонь, а другой стал осторожно гладить его по спине, стараясь не смотреть на лохмотья, которыми она заканчивалась...

«Мурзик» легко касался ладони Петра усами и что-то настойчиво пытался ему выразить частым кряканьем, которое становилось всё тише и тише...

Пётр гладил и гладил, уже ничего не видя перед собой из-за наполнивших глаза слёз, пока не почувствовал, что под пальцами ничего нет...

Он вытер глаза.

Трава была чистой и уже сухой...

Петра о чём-то спросили, но он не ответил на вопрос.

Кто-то молча положил ему на плечо ладонь.

Он резким ударом сбросил её, встал, и, странно чувствуя себя теперь на полметра выше ростом и на тридцать лет старше возрастом, не оглядываясь, тяжело пошёл к вертолёту...

*Если бы Зло
было слабее,
если бы
Добро
стало умнее...*

* * * * *

ГЕН СЭРА УИНСТОНА

*Длина жизни predetermined, но именно от человека зависит,
какой будет её ширина.*

Александр Абдулов

Работа у Алексеева была, можно сказать, сезонной. Он уже давно заметил, что потенциальная клиентура чаще всего заглядывала в его контору летом. Реже всего – зимой, это был вообще почти мёртвый для него сезон. Ну а весна и осень превратились в некие буферные периоды между наплывом посетителей и их полным отсутствием.

В основном, навещалась молодёжь в так называемом постсопливом возрасте. Проще говоря, юнцы и девчонки. Ещё не мужчины и не женщины, но уже и не подростки. Самое для них подходящее время попытаться хоть краем глаза заглянуть в своё Будущее.

Понятно, что приходили они именно летом, а не в какой-то другой период года. Последние школьные звонки уже отзвенели прощание с детством, школьные экзамены позади, экзамены в ВУЗы ещё не начались, и некоторым приходят в головы шальные мысли...

Почему-то чаще приходили представители сильного пола. Или в мужчинах от природы было острее любопытство, или их больше, чем женщин интересовали перспективы построения будущей карьеры.

Себя самого Алексеев так и не протестировал. Трудно было сказать, по какой именно причине: то ли из-за отсутствия природного любопытства, то ли из-за избытка боязливости. Есть вещи, которые некоторых людей пугают не меньше знания даты своей будущей смерти...

////////////////////////////////////

...Парня Алексеев почти проглядел. Обычно его клиенты надолго застревали в холле, внимательно изучая красочные стереоскопические плакаты на его необъятных стенах, рекламировавшие основную суть деятельности фирмы, и это давало персоналу в лице Алексеева какое-то время на подготовку к встрече, но этот парнишка решительно проигнорировал наглядную агитацию, сразу пройдя к главному.

Это был несомненный признак сильного характера. Слабые духом ретировались, едва заглянув в холл, люди средней силы воли передумывали или принимали решения после многоминутных походов по релационному залу, а этот пришёл с уже заранее принятым решением.

- Рад вас приветствовать, юноша! – Алексеев принял клиента в кабинете, как родного. – Мне приятно сознавать, что вы решили воспользоваться услугами именно моей фирмы.

- А другой такой в городе попросту нет! – усмехнулся парень. Он был невысок ростом, но крепок телом, как входящий в силу дубок, и в его голубых глазах сверкали озорные огоньки.

- Согласен, - подыгрывая клиенту, кивнул головой Алексеев. – Мы пока почти экспериментальная фирма в этом виде сервиса. Идёт, так сказать, накопление информации и определение масштабов ожидаемого спроса на нашу продукцию.

- Меня всё это очень мало интересует! – отмахнулся парень. – Это всё ваши личные производственные проблемы! Я понимаю, что вы работаете приблизительно: плюс – минус несколько лет, - но меня в данный момент устраивает даже такая условная точность. Мои наполеоновские планы требуют фундаментальных предварительных расчётов. Зачем я стану заранее замахиваться на грандиозные проекты, если мне на это попросту не хватит собственной жизни?! Обидно будет...

- Речь не мальчика, но мужа, - с уважением сказал Алексеев. – Чтобы разворачивать большое дело, нужно сначала узнать свои природные шансы дожить до его реализации.

Он рукой показал отважному клиенту на громоздкое диагностическое кресло.

- Раздевайтесь до пояса и поудобнее присаживайтесь. Я могу узнать ваше имя, или мы с вами обойдёмся просто юношей? Меня вот зовут Павлом Ивановичем...

- Сергей... - как-то лениво сообщил парень, стаскивая через голову рубашку – хамелеона, с перепугу пытавшуюся менять свой цвет по всему спектру.

- Большого мне и не требуется, - удовлетворённо сказал Алексеев, с лёгкой усмешкой глядя, как парень умащивается на неудобном для его незрелых форм кресле. – Всё остальное я вскорости узнаю от вашего буонапартовского организма.

- Прямо-таки и всё?... – недоверчиво спросил Сергей. – всю мою подноготную?

- Главное! – Алексеев важно поднял вверх указательный палец. – То, что интересует лично вас более всего! Чтобы стать Наполеоном, нужно сначала дожить до Аустерлица, Бородино и Ватерлоо!

Пока Алексеев прикреплял к его оголённому торсу, рукам и голове многочисленные датчики с присосками и иголками, Сергей отсутствующе глядел в потолок.

- Полагаю, вы только что закончили школу... - Алексеев не любил работать молча.

- Да, вчера был последний экзамен. Все ждут выпускного бала, а мне вот вздумалось проверить на прочность основной фундамент своего героического Будущего.

- Похвальное желание, - поддакнул Алексеев. – Чтобы стать мужчиной, мало родиться мальчиком...

- Итак, что мы имеем?... – нетерпеливо спросил Сергей. – И, главное, что будем иметь?

- Терпение, прежде всего, имейте терпение... - Алексеев внимательно изучал показания приборов анализатора. - Что ж, юноша по имени Сергей, фундамент у вас, прямо скажем, весьма неплохой. По отцовской линии базовая продолжительность жизни ваших предков – в среднем семьдесят пять лет, а по материнской – даже свыше восьмидесяти пяти. Ваша генетическая программа рассчитана примерно на восемьдесят базовых лет. Если вы, разумеется, случайно не провороните какую-нибудь несерьёзную болячку со слишком серьёзными для вас последствиями. До пятидесяти лет, судя по исходным данным, вам вообще ничего не грозит, а потом попросту повнимательнее следите за собой.

Сергей согласно кивнул.

- Если вы будете умеренно, не перенапрягаясь, заниматься спортом, это добавит вам ещё семь – восемь лет активной жизни, - продолжал Алексеев. – Если переберётесь в горную область Земли, то при удачном раскладе сможете перешагнуть и столетний рубеж. Всё остальное как бы вторично: год – плюс, год – минус.

- А если я буду пить и курить?.. – вдруг спросил Сергей. – Как это отразится на моих основных показателях?..
- Пагубно... - уверенно сказал Алексеев. – Пить и курить – здоровью вредить... А плохое здоровье не гарантирует долгой жизни. Это дело проверенное.
- А всё-таки?! – упорно настаивал Сергей. – Проверьте, пожалуйста. Должен же я на всякий случай знать, как быстро смогу пропить и выкурить свою будущую жизнь...
- Хорошо, - согласился Алексеев. – Хотя, скажу я вам, вопрос весьма и весьма странный. Вы первый, кто мне его задаёт.
- А я люблю задавать странные вопросы! – с вызовом сказал Сергей. – И жизни, и людям...
- Алексеев промолчал, ввёл исходные данные алкоголя и никотина, и вдруг удивлённо захлопал глазами.
- Не бойтесь меня испугать! – потребовал Сергей. – Знание подобных вещей также входит в мои наполеоновские планы!
- Странно... - сказал Алексеев. – Кажется, моя безотказная аппаратура слегка захандрила... Впервые с ней такое... Сейчас мы всё повторим... - Он пощёлкал клавишами и переключателями, и медленно опустился в своё рабочее кресло.
- Я жду! – Сергей нетерпеливо глянул на приборы, ничего не понимая в их показаниях.
- Кому из своих рассказать – не поверит... - с унынием в голосе проговорил обескураженный Алексеев. – Если вы будете в меру курить, то проживёте до ста двадцати лет. А если ещё будете и в меру пить – то даже до ста тридцати. Быть того не может!!!
- Ваши приборы сдурели, Павел Иванович! – рассмеялся Сергей. – А как же: - пить и курить – здоровью вредить?!.
- Это не про вас будет сказано... - с тем же унынием продолжил Алексеев. – Вы когда-нибудь слышали о сэре Уинстоне Черчилле?
- Что-то было такое в школьной программе... - Сергей наморщил широкий лоб. – Кажется, жил такой английский политик лет сто тому назад... Я не ошибаюсь?
- Да, жил. Он отличался нешуточным чревоугодием, страдал излишним весом, курил много дорогих сигар, любил марочные виски и коньяки, но, тем не менее, умудрился прожить девяносто один год. У медиков есть такой условный термин: «Ген Черчилля». Якобы, в теле некоторых людей присутствует такой ген. Если у обычных представителей человечества никотин и алкоголь гарантированно сокращают продолжительность жизни, то у носителей «Гена Черчилля» они её даже увеличивают... Сам я был знаком с подобными вещами лишь чисто теоретически, так что вы – это мой самый первый практический пример.
- Забавно... - Сергей уже сам отдирает от своего тела липкие датчики. – Значит, то, что для других смертельно, мне полезно?..
- Алексеев неопределённо пожал плечами.
- Это пока лишь голая теория из области бездоказательных гипотез. Её безусловную правоту или ошибочность способна выявить лишь ваша будущая жизнь.
- И всё-таки! – Сергей решительно натянул на себя уже опомнившуюся рубашку. – Вы указали мне главное направление, Павел Иванович! – Через неделю мне исполнится восемнадцать лет и день своего совершеннолетия я отмечу, прежде всего, тем, что начну в меру пить и курить!
- Алексеев молчал и унылым столбом торчал посреди своего необъятного кабинета.
- Надо доверять науке! – сказал Сергей, обернувшись уже в дверях. – И слушаться советов врача!

*Были бы
Жизнь и здоровье,
а всё остальное
купим...*

ЦЕРБЕР

*Старайся быть терпимее к тем, кто не дорос до твоих предрассудков.
Веслав Брудзиньский*

Освобождённая на плановые полчаса от опостылевшего поводка, слишком уж ограничивавшего свободу собачьей личности, Стэди радостно тряхнула кудлатой без завивок головой, сбрасывая силой своего воображения ещё и опротивевший ошейник, и припустилась по сырой после недавнего дождя кладбищенской аллее.

Впереди её ждали новые незабываемые встречи. Дождь смыл многое, но ему не по силам было уничтожить популярную собачью газету, написанную многочисленными кобелями. Стэди была уже старовата для полноценного флирта с авторами передовиц, однако чисто теоретически интересовалась всеми этими вещами ещё достаточно живо.

Прошло почти половина суток после её последнего обязательного визита сюда, за это время здесь перебивала масса всевозможного собачьего народа, жаждущего чужих новостей и сообщавшего главные свои. Нюх понемногу сдавал и нуждался в очках, но крупные буквы в собачьей периодике Стэди разобрать ещё могла.

...Отпустив псину на вечерний моцион, Вадим наконец позволил себе закурить. Было жарковато для ночи; короткий дождь не остудил воздух, а лишь наполнил его паром, добавляя душноты. Какой-то одинокий соловей, забыв, что на дворе июнь, а не май, со сбоями пытался вспомнить свои весенние серенады. Всё это расслабляло, успокаивало и умиротворяло, и Вадим в очередной раз поймал себя на мысли, что скорее выгуливает себя, нежели свою собаченцию, которой наверняка абсолютно безразлично, где оправляться и читать свои национальные газеты.

...Впереди вдруг душераздирающе взвыла от боли и ужаса собака с очень знакомым голосом; её жуткий вой резко оборвался на самой высокой ноте; послышался очень короткий с чавкающим хрустом звук, который тут же стих в кустах.

Вадим остановился, от неожиданности потеряв в кладбищенской траве сигарету.

— Стэди... - осторожно позвал он, но кладбищем теперь правила одна капель. Соловей умолк.

— Стэди! - позвал Вадим свою животину громче, но не особо уверенно. - Стэди!!!

Он попятился. Собака не бежала на его зов, и это было впервые за двенадцать лет её жизни. Она даже не лаяла, давая хозяину понять, что что-то случилось и ей трудно к нему прибежать.

— Стэди!.. - Вадим всё пятился и пятился, боясь подставить спину темноте, поглотившей любимицу дома. Задом, часто спотыкаясь в темноте, он дошёл до дырки в заборе кладбища, очутился на опустошённой поздним вечером улице, набрался наконец смелости, чтобы повернуться к кладбищу спиной, и побежал. Он уже очень давно не делал этого, и прокуренные насквозь лёгкие быстро стали сдавать. Задыхаясь от запущенной одышки, Вадим ввалился в свой подъезд, цепляясь последними силами за перила, почти вполз на пятый этаж, и долго не мог попасть ключом в замочную скважину. Рука ходила ходуном, не помогла даже другая, пришедшая ей на подмогу. Вдвоём они тряслись ещё сильнее.

Услышав подозрительный шум на лестничной площадке, Валентина сама открыла дверь.

— Что стряслось, Вадик?! - испуганно спросила она, увидев совершенно белое лицо мужа. Её взгляд опустился ниже. - И где Стэди?.. Ты её где-то потерял?..

— Её кто-то схватил!.. - с большой задержкой ответил Вадим, тяжело дыша. - Там было темно, я не видел, кто!.. Принеси из кладовки ружьё, патроны и фонарик! Я схожу ещё раз, а то что-то подсознательное давит на психику... Боязно...

Валентина вернулась быстро.

— Ты только там поосторожнее, Вадик... Темно уже... Может, мне тоже пойти с тобой?

— Вот ещё! - вспыхнул чуть пришедший в себя Вадим. - Если уж рисковать, так лучше одному! И с ружьём не страшно. Коли что, пальну в небо для острстки! Или вслед. У меня там самая мелкая дробь, на бекаса. Убить не убью, но задницы им слегка покалечу!

...Крадучись, Вадим выбрался на знакомую аллею кладбища. Возвращаясь сюда, он ещё надеялся, что собака выбежит ему навстречу и случившееся послужит лишь поводом для забавного рассказа с элементами ужасика, но улицы ночного города были всё так же пусты.

— Стэди!.. - позвал Вадим. - Стэди!! - крикнул он, целясь ружьём в темноту. - Стэди!!!

Он включил фонарь, нервным движением снял с предохранителя готовую к охоте на мелкую дичь двустволку и пошёл туда, откуда полчаса назад услышал собачий вопль. Трава уже почти высохла, капель иссякла, а соловей всё же вспомнил о том, что у него уже есть семья и негоже закатывать холостяцкие серенады.

Вадим качал фонарём, освещая мощным лучом максимум пространства перед собой.

— Стэди!.. - бросил он очередной клич, чувствуя, что это где-то здесь, рядом...

Луч метнулся ему под ноги и застыл.

...В забрызганной кровью траве валялись несколько клочков знакомой, коричневой с проседью шерсти. Что-то торчало из узкой щели под заплесневелой могильной плитой рядом с аллеей. Вадим повесил на плечо ружьё, присел, осторожно взял это что-то рукой, потянул на себя, и отшатнулся, вытащив переднюю собачью лапу, откушенную около коленного сустава. Один коготь на ней был знакомо сломан.

— Стэди... - Вадим чиркнул темноту лучом, разрубая её, и воткнулся светом в крест над могилой, на котором висел влажный от крови рваный ошейник с надписью «S T A D Y»...

////////////////////////////////////

— Н-нате! - едко сказал Ножкин, протягивая любимому шефу исписанный листок.

— Что там опять?.. - Беликов полез в стол за своими давно заношенными очками. - Ты меня своей беллетристической уже замаял! Жалобу на меня накропал?

— Нет, это всего лишь очередное заявление по нашему любимому собачьему делу.

— Опять?! - Беликов был уже зряч.

— Снова...

Беликов бегло прочёл документ.

— Это уже которое по счёту?

— Четырнадцатое. Или пятнадцатое... И это только у нас, а если собрать по всем городским отделениям, то этих бредятин наверняка наберётся больше полусотни.

Беликов бросил бумагу на стол.

— Я скоро тоже накатаю телегу! О добровольной отставке по состоянию психики. Мы уже два месяца роемся в этом высокосортном собачьем дерьме, но не продвинулись вперёд ни на шаг! Ну что вразумительное мы с тобой имеем на текущий момент? Сложных вопросов гораздо больше, чем простых ответов! Что это такое, чёрт возьми?! Кража собак с целью их выгодной продажи? Нет, до сих пор не отмечалось таких выраженных поползновений. Судя по следам, их просто зверски убивают. Для чего? Сдирают с них шкуры, чтобы сделать из них что-нибудь мануфактурное? Тоже мимо: у многих шавок шерсть имела совсем не товарный вид. Забивают на мясо для пирожков с говядиной или свининой? Абсурд! Что можно взять с карликового пинчера размером в кулак?!

— Робин Гуд, надо полагать, - сделал смелое предположение более эрудированный Ножкин. - Собаконенавистник. Смертно воюет с братьями нашими меньшими.

— На кладбищах...

— А вот за это, шеф, нам давно пора было зацепиться! Он орудует только на погостах, не трогая собак, гуляющих в скверах и на улицах города. Может быть, он возмущён тем, что собаки оскверняют священные в его понимании могилы?

— Тогда ему надо было воевать с хозяевами, собакам абсолютно всё равно, что осквернять. И почему ОН? - с сомнением спросил Беликов. - Если судить по заявлениям, некоторые собаки пропали почти одновременно, но в разных концах города.

— Значит, это какая-то секта. Борется против гнилого неонигилизма за здоровую ретромораль.

— А чем же тогда объяснить ужас ищеек, которых мы пытались навести на следы? Чем так воняют эти сектанты?

Ножкин задумчиво поцарапал ногтем бородавку на квадратном подбородке.

— Тоже, знаете ли, вопрос... Подсыпали что-нибудь или полили чем? Но обычно при этом собаки просто отказываются брать след, а тут ведь они что-то получают от этого запаха... Какую-то полноценную информацию, которая и приводит их в неопишуемый ужас... С чем они могут его связывать, что им видится?

— Кто?.. - уточнил принципиальный Беликов. - Наши тренированные собаки не пугаются ни медведя, ни оружия, ни машин. А ЭТОГО они боятся. Панически боятся!

— Динозавр их тут, что ли, давит? Сбежал, понимаешь, из доисторической эры, и давит! Тигр или лев, смывшиеся из зоопарка или цирка? Но не было сообщений о пропажах! И лев с тигром хоть иногда не отказались бы и от людей. Что за хроническое собаководство?!

— И нет абсолютно никаких следов, - добавил Беликов. - Тигр со львом обязательно оставили бы нам отпечатки своих могучих лап, которые мы обнаружили бы и без перепуганных собак. И, главное, никто ничего такого не видел! В лучшем случае нечто бесформенное и ещё более тёмное, чем ночь на кладбище...

— Мистика какая-то... И ведь всё ночью, ночью! Хоть бы один эпизод днём!

— Нужен качественный следственный эксперимент, - устало сказал Беликов.

— Подсадная утка? - догадался Ножкин.

— Утки. Надо будет посадить их в нескольких местах сразу, авось, в каком-нибудь да клюнет!

— Если там действительно что-то такое есть, то повезти просто обьязано! - сказал Ножкин. - Народ уже недели две не появляется на городских кладбищах. Даже днём - ни с собаками, ни без них. Покойников вымораживают в битком забитых моргах, церковь трубит тревогу, теряя паству, а ОН или ОНИ сидят голодом...

— Опасное это мероприятие, - сказал Беликов. - Возможно, собаки были лишь началом, а потом...

— Я знаю, что нам нужно сделать! - Ножкин взял со стола чистый лист бумаги, и стал торопливо рисовать на нём какую-то схему. - Мы днём на кладбищах вот так и так закрепим видеокамеры на подвижных подвесках, в ошейники подсадных собак вставим радиомаяки, и пусть камеры на них отрабатывают! В любой ситуации хотя бы одна будет видеть нашу утку. А потом мы сделаем стыковку записей.

— Не забудь, что у камер должен быть и инфракрасный режим! Работать-то им придётся в основном ночью!

////////////////////////////////////

— Останови! - крикнул полковник, и изображение на экране телевизора замерло. Видеомагнитофон был высокого качества, поэтому получился почти фотоснимок.

— Кто это?.. - спросил полковник, глядя уже не на экран, а на хмурого Беликова.

— Если бы я был древним греком, то сказал бы, что это Цербер... Его трудно с кем-либо спутать...

— Какой Цербер?! - взорвался полковник. - Общественность взбудоражена и возмущена тем, что милиция бездействует, а вы мне тут показываете кинофантастику?!

— Это Цербер... - настойчиво повторил Беликов. - Трёхголовый пёс, охранявший вход в Аид - царство мёртвых, которым правил бог этого царства мёртвых Гадес.

— Здесь, простите, царство живых! Живых!!! - не унимался полковник. - И реальная жизнь, а не древний миф! Что здесь может делать герой греческих сказок?!

— Выходит, что это не такие уж и сказки... - сказал Беликов устало. - А относительно появления здесь конкретного Цербера есть даже версия. Вряд ли все эти безобразия связаны с аморальным выгулом собак на наших городских кладбищах. Ему на наш мир и на нашу нравственность высоко задрать могучую заднюю лапу! Он живёт по другую сторону Добра и Зла, и раз что-то заставило его нарушить границы владений своего тёмного царства, значит, на то были весьма веские причины...

— Конец света! - едко сказал полковник. - Армагеддон, блин! Страшный Суд!

— Скорее всего, ещё нет, - неправильно понял его Беликов. - Согласно последним прогнозам, до этого события ещё достаточно далеко. Кое-что в этом деле уже не вызывает у нас безответных вопросов. Например, нам ясно, почему он появляется на погостах, а не где-то в других местах. Кладбище - это ведь по сути внешняя территория царства мёртвых, преддверие Аида. Сразу за ним начинается берег реки Ахеронт, через которую души умерших перевозит паромщик Харон, а на другом берегу реки вход в царство мёртвых и охраняет Цербер. Охранял...

Полковник раздражённо взъерошил рукой ёжик на своей коротко стриженной по давней моде милиции голове, потом бросил в рот какую-то таблетку из рабочего стола и запил её водой прямо из графина, тосковавшего на полковничьем столе.

— Ладно, ребяташки... - сказал он на редкость миролюбиво. - Допустим, я такой же псих, как и вы, и верю во всё это ваше безумие. Чтобы понять главное, мне необходимо сначала хотя бы частично понять вас. Вы пришли ко мне, значит, дошли до самого конца, и готовы поделиться со мной Истиной, наконец-то посетившей вас. Тогда ответьте мне на самый знойный вопрос. ПОЧЕМУ?! Почему ему сиделось ТАМ бездну минувших лет, но уже не сидится теперь?..

— Мы думали над этим, Сергей Иванович, - сменил своего шефа Ножкин. - Очень долго думали. В принципе ТАМ могут быть лишь три заинтересованных лица. Гадесу жаловаться, прямо скажем, не на что, поскольку покойников мы ему поставляем исправно. Харон тоже в какой-то мере удовлетворён. Прежде для паромщика мертвецю клали под язык монету в один талан, а сейчас ему, по-видимому, достаются золотые зубы и ещё кое-что из того, в чём мы хороним умерших.

— Значит, обижен один Цербер, - полковник горестно вздохнул. - Чем же это, если не секрет?

— Для Цербера в руку мёртвого древние совали вкусную медовую коврижку...

— Вы хотите сказать, что это он с голодухи, и надо возрождать былые традиции, иначе нам будет совсем плохо?..

— А нам ничего другого и не остаётся! Где мы можем взять Геракла, который снова усмирит озверевшего трёхголового пса размером со слона? И время не ждёт, Сергей Иванович! Гадес своих слуг традиционно не кормит. Церберу надоело дожидаться от нас гостинцев, он оголодал настолько, что послушался своего хозяина, покинул ответственный пост и переплыл Ахеронт. До сих пор он нападал только на собак, хотя они, по сути, являются его прародителями. Люди для него пока табу, они целиком и полностью принадлежат Гадесу, но собак на кладбища больше не водят, а голод, как вы знаете, не тётка... Цербер уже нарушил один запрет, что ему помешает при определённых обстоятельствах перешагнуть и через другой? Имейте в виду: прежде он был вегетарианцем! Вы только представьте, что будет, если он осатанеет окончательно и вырвется с кладбища...

Полковник выпил ещё одну таблетку.

— Ребята, но вы же не хуже меня понимаете, что если всё именно так, а не иначе, потребуется уйма времени и масса доказательных усилий! Людей нужно убедить в необходимости немедленных и конкретных мер! Как убедить?! Чем убедить?!

— О, это очень и очень просто! - Ножкин неожиданно встал со стула и, сунув руку в карман своего милицейского кителя, что-то из него достал. - Цербер, АП!!! - крикнул он, взмахнув рукой, и три куска сахара полетели через просторный кабинет...

...Стена с портретом Президента беззвучно раскололась, в щель пролезли три рычащие апокалипсические головы, весьма отдалённо напоминавшие собачьи; три клыкастые пасти распахнулись, истекая обильной жёлтой слюной, поймали на лету все три куса, и втянулись обратно в трещину, края которой тут же сошлись. Через мгновение стена была совершенно целой; портрет Главы Правительства висел теперь на ней чуть косо, да какой-то омерзительный запах растекался по кабинету.

— Видите, он уже созрел для того, чтобы покинуть родные могилы... - глухо сказал Ножкин. - Сегодня он лишь охотно откликается на зов, но завтра может сам проявить любую инициативу... В принципе то, что я

вам только что здесь продемонстрировал, способен повторить почти каждый, у кого достаточно крепки нервы. Но я не советовал бы вам делать это слишком часто! Поторопитесь! Я не могу сдержать Цербера, я могу лишь предупредить вас об угрожающей опасности! Именно поэтому я нарушил запрет, и пришёл к вам! Прощайте!

Он поднял руку и шагнул в стену, бесследно утонув в ней. В кабинете осталось двое.

— Это кто был?.. - шёпотом спросил полковник, запив очередную таблетку.

Беликов выскочившими из орбит глазами молча смотрел на покосившийся портрет правящего лидера.

...Дверь кабинета резко открылась, и вошёл взъерошенный, раздражённый чем-то Ножкин.

— Извините, опоздал! Не мог выйти из дому: какой-то шутник снаружи закрыл дверь на замок, которым я давно уже не пользуюсь! Ключ когда-то потерял, выше поставил другой замок, а этот поленился вынуть! Видимо, ключ нашли и попытались проникнуть в квартиру!

Беликов почувствовал, что волосы на голове шевелятся, испытывая желание встать дыбом.

— Кто это был?! - рявкнул опомнившийся полковник, стукнув по столу кулаком.

— Вы о чём?.. - Ножкин непонимающе переводил взгляд с одного шефа на другого.

— О тебе... - сказал Беликов устало, потом грустно добавил: - И о нас... И о них...

Он опять, уже с большим интересом посмотрел на криво украшавший стену портрет.

— Что же мы теперь делать-то будем?.. - уже спокойнее спросил полковник.

— Вы о чём?! - надоедал Ножкин.

— Что велено... - сказал Беликов, не обращая внимания на дурацкие вопросы постороннего, опоздавшего к главному. - Но сначала я хочу убедиться сам.

Не оборачиваясь, он через стол протянул ошеломлённому полковнику раскрытую ладонь.

— Я знаю, у вас есть сахар, Вадим Сергеевич. Дайте-ка мне для начала три куска!..

Сердце полковника болезненно сжалось и стало торопливо откачивать от его лица кровь...

*В Аду не всегда
выживают
даже черти...*

* * * * *

ДАР МЕФИСТОФЕЛЯ

Лучше изнашиваться, чем стареть.

Дени Дидро

Самовар булькал и пытел так яростно, что его жар чувствовался почти в каждом углу маленькой комнаты. Любовь Владимировна выключила его из сети, чтобы он не возмущался, поставила на покрытый старенькой скатертью стол две кружки - для себя и для Усса, - и одну розетку с вареньем - только для себя. Усс любил очень сладкий чай, но терпеть не мог варенья любого сорта. Это была одна из его многочисленных странностей, часть из которых Любовь Владимировна успела понять, а часть - нет. Непостижимым для её ума было и пристрастие Усса к чаю - единственному из земных блюд, которое он мог потреблять в неограниченных количествах.

- Кушать подано! - сообщила Любовь Владимировна. - Прошу всех гостей к столу!

Усс покинул свой рабочий угол, где, как всегда, колдовал над чем-то, невидимым её глазу, плавно пересёк маленькую комнату по воздуху, и опустился на стул перед своей любимой, почти литровой кружкой. Лицо его, как обычно, было спокойным и маловыразительным, когда дело не доходило до общения, и Любовь Владимировна уже начала привыкать к созданному Уссом образу молодого и молчаливого мужчины.

В самом начале их знакомства были перепробованы разные варианты - хозяйке дома не очень нравился сгусток тумана, плавающий по квартире, и она, уже информированная инопланетянином о его безграничных возможностях в области трансформации внешнего облика, попросила Усса придумать из себя что-нибудь пооригинальнее.

С первой попытки у него неплохо получилась старая женщина, весьма схожая с Любовью Владимировной, поскольку та для него была единственным образцом, но она тут же забрала этот вариант. Ей было совсем не интересно общаться со старушенцией, думая при этом о том, что сама выглядишь не лучше.

Вторым был пожилой мужчина, но и его заказчица забрала через день. Мужчина - ровесник для женщины автоматически превращается в некий секссимвол и потенциального жениха, что отрицательно сказывалось на подсознании.

Один за другим Любовь Владимировна отмела варианты с девочкой и мальчиком. Она никогда не имела своих детей, поэтому так и не смогла осознать себя бабушкой.

Девушку она стойко терпела целую неделю, называя её дочкой, но, в конце концов, поняла, что плохо переносит присутствие рядом другого существа своего пола.

Вот тогда-то в доме и появился молодой мужчина - для Усса смена внешности была делом обычным, и довольно быстрым. И голос он себе подобрал соответствующий вкусам хозяйки дома: мягкий грудной баритон с лёгким придыханием. Усс объяснил ей, что это точечный природный мазер, зафиксированный в границах субтела, с возможностью управления девиацией частоты в широком диапазоне...

Любовь внимательно Владимировна слушала его, согласно кивая совершенно белой головой, и весьма талантливо делала вид, что абсолютно всё понимает.

Она редко называла Усса по имени, хотя он и сказал ей его. Зачем имя, если другого собеседника в доме просто нет, а гости к Любви Владимировне давно уже не приходили. Она никогда не имела семьи, родственники жили очень далеко, а надоедливые подружки давно уже отправились в мир иной, терпеливо дожидаясь её там...

Усс достал свою заветную трубочку-фильтр, позволявшую ему усваивать земную органику, сунул её в кружку, и надолго присосался к чаю, совершенно игнорируя его температуру почти кипения.

- Сахар возьми! Сахар! - напомнила Любовь Владимировна, хотя Усс уже насыпал в кружку несколько ложечек.

Он кивнул и придвинул поближе к себе сахарницу. За почти год гостевой жизни здесь он прекрасно освоил человеческую мимику и, чтобы не раздражать гостеприимную хозяйку, состыковал артикуляцию своих искусственных губ с речью. Для него и это было сущим пустяком.

Любовь Владимировна отпила глоточек, внимательно глядя на Усса, и положила себе в рот ложечку клубничного варенья.

Сегодня её гость был слишком молчалив. Даже чрезмерно. За многие месяцы, прошедшие с его появления здесь, она очень хорошо изучила манеры инопланетянина, и уже знала, что избыточная молчаливость гостя связана с его сильными душевными переживаниями. Она понимала, почему тот теперь так замкнут, и решила сама избавить его от тягостной необходимости начинать разговор на болезную тему. Эмоции землян были выражены в гораздо меньшей степени.

- Ты улетаешь?... - деликатно спросила она.

- Да... - сказал он, благодарный ей за оказанную помощь. - Сегодня... Это уже крайний срок, я и так слишком затянул с этим. Завтра канал перехода окончательно закроется и я самостоятельно уже не смогу просчитать другие варианты возвращения домой.

- Скучаешь по дому-то?..

- Этого не передать... - Усс тяжело вздохнул - человеческий псевдооблик почти стал его сутью.

- Я тебя понимаю, - она тоже вздохнула. - Очень жаль, что ты меня покидаешь...

- Мне тоже невыразимо жаль делать это. Вы там много сделали для меня! Если бы не вы тогда, я попросту сгинул бы на этой планете без следа. Давно сгинул...

Она улыбнулась, вспоминая.

- А какой ты был маленький в тот день, когда я совершенно случайно нашла тебя на своём огороде на грядке с капустой... Совсем кроха. Я боялась на тебя даже дышать.

- Тогда, после аварии моего корабля, я потерял от травм слишком много энергии и был почти на грани полного распада, - сказал Усс. - Зато теперь... - он шуточно превратил себя в земного атлета с гипертрофированной мускулатурой.

- Это всё от чая, - сказала она всё тем же слегка насмешливым тоном. - Чай не пил - какая сила?..

- Мне ТАМ будет очень не хватать этого удивительного напитка. Я к нему так пристрастился...

- Я дам тебе на дорожку из своих запасов.

- Сожалею, но вынужден буду отказаться от столь щедрого подарка, - Усс говорил, одновременно всасывая в себя чай через трубочку, и Любовь Владимировна старалась пореже смотреть на это противоестественное для неё явление. - Я ведь не смогу переместить в свой мир ваши материальные объекты. Увы, но нет...

- Ну, хоть что-нибудь! - попросила она печально. - На долгую и добрую память...

- Память останется... - Усс отпустил из губ трубку и впервые за последние полчаса посмотрел хозяйке дома в глаза. - Во мне останется... Навсегда останется. А что я сам могу сделать для вас за вашу безграничную заботу обо мне? Я благодарю судьбу за то, что потерпел аварию поблизости от вашего загородного дома.

- Я тоже её за это благодарю... Вы подарили мне то, что я так и не смогла реализовать в себе до встречи с вами. Я никогда не любила детей и не хотела семьи, но, как оказалось, инстинкт материнства не умер во мне с моим рождением...

Она отхлебнула уже остывающего чая.

- А как забавно ты тогда учился нашему языку! Ну, совсем как земной ребёнок!

- И всё-таки... - сказал Усс настойчиво. - Могу ли я что-нибудь для вас сделать? Мне не хотелось бы улететь неблагодарным... Это потом будет меня очень беспокоить...

Она грустно улыбнулась.

- В моём преклонном возрасте уже ничто не имеет цены, дорогуша. Молодость и красоту обратно не вернёшь, а для женщины в этой жизни нет ничего более ценного.
 - Молодость я вам, конечно, вернуть не смогу, - согласился Усс. - Я не волшебник. Однако...
 - Дорогуша моя, что может означать твоё ОДНАКО?.. - вдруг оживилась она.
 - Я могу сделать другое. За это время я на вашем примере достаточно хорошо изучил человеческую анатомию и физиологию. Я излучаю нечто такое, что позволяет мне сделать это. И ещё я способен перестроить ваш организм, слепить из него облик женщины любого выбранного вами возраста, и настроить его на режим поддержания этого образа.
 - Ты шутишь... - она скептически улыбнулась. - Это же невозможно! За эти вещи обычно продают душу Дьяволу!
 - Как сказать... Я могу это сделать, однако...
 - Опять ОДНАКО?! - звонко засмеялась она. - Усс, дорогуша, а ты, оказывается, большой интриган!
 - Да... Иными словами, я подарю вам молодость ценой сокращения срока вашей жизни. Дело в том, что вы будете находиться в таком состоянии до тех пор, пока не выработаются все ваши внутренние жизненные силы. Вы согласны?..
 Она посерьёзнула.
 - Ты действительно не шутишь? Это была бы очень злая шутка с твоей стороны. И очень жестокая...
 - Нет, - сказал он. - Я вполне серьёзно, и если вы согласны, мы могли бы приступить к делу прямо сейчас.
 - Я, не раздумывая, говорю ДА!!! - Любовь Владимировна вдруг ухватилась за фантастическую идею. - Чего бы мне это не стоило! Лучше прожить год в молодости, чем ещё десять лет - в старости!
 Усс по воздуху отплыл от стола и остановился возле её заправленной кровати.
 - Тогда прошу! Сейчас я попрощаюсь и усыплю вас. Когда вы проснётесь, меня здесь не будет, а сами вы уже будете другой. Совсем другой. Вы готовы к этому?..
 - Я спешу! - радостно воскликнула она, неожиданно легко вставая со стула вместе со своим застарелым радикулитом. - Я очень спешу! В мои двадцать лет!
 - Хорошо! - сказал Усс. - Двадцать так двадцать. Я помню ваши фотографии из альбомов...

////////// //////////////////////////////////////

...Её разбудило пение птиц. Они надрывались от летнего счастья и Люба, ещё не открыв глаз, поняла, что это утро. В теле была необыкновенная лёгкость: привычно не ныла радикулитным голосом спина, не подрагивала в ритме застарелого тика жилка под левым глазом, и даже не побаливала голова от постоянной мигрени.

Руки лежали вдоль тела. Люба положила их себе на грудь и почувствовала под ладонями два упругих бугорка.

По телу пробежал лёгкий озноб - обещанное Чудо казалось слишком уж невероятным. Люба открыла глаза и рывком села на продавленной её долгими годами панцирной кровати.

Комната была пуста, на столе стояли две кружки и давно остывший самовар. Люба опустила взгляд и увидела, что её упругие груди яростно рвут заношенное старушечье платье. Она прыгнула на пол, торопливо стащила через голову это жуткое рваньё, которое ещё вчера так любила, а сегодня уже ещё больше ненавидела, и подбежала к пыльному трюмо, в которое не смотрелась неделями.

Она была молода и прекрасна! Невероятно молода и неслыханно прекрасна! Ей было не больше двадцати! Всё в ней было свежо: и ясные голубые глаза, и пышные тёмные волосы, и дивное тело!

Она грациозно повертелась перед зеркалами, подробно разглядывая себя, и вспоминая давно забытое, и вдруг осознала, что не хочет надевать на себя ничего из того, что у неё было. Этому дивному телу претило всё, что имелось в доме, оно хотело быть обнажённым и ещё больше хотело просто любоваться собой! Непрерывно!

День пролетел незаметно. Уже глубокой ночью, устав, наконец, от избытка радостных впечатлений, Люба, всё так же прекрасно нагая, юркнула под одеяло и быстро заснула в мечтах о том, что завтра утром найдёт в доме что-то, более- менее приличное, возьмёт отложенную на чёрный день и похороны пенсию, и купить в ближайшем промтоварном магазине что-нибудь молодёжное и сверхмодное...

...Она умерла во сне, так и не проснувшись - ресурсов её изношенного организма хватило лишь на один день...

Она лежала мёртвая и прекрасная в своей бессмертной молодости, и на губах её навечно застыла улыбка безграничного Счастья...

*Каждый человек
имеет право
на свою
иллюзию Счастья...*

* * * * *

ХАЛЯВА

*Всякое излишество портит либо нравы, либо вкус.
Жак Жубер*

Заглушив сделавший своё дело двигатель, корабль на подушке нисходящих потоков воздуха съехал по дуге вниз, и, проскользнув между высоченными стволами местных деревьев, погасил свою остаточную скорость о пышную траву у их корней.

Преодолевая слабость, Куст переключил измученный длительным перелётом аппарат в дежурный режим.

- Финиш... - тихо сказал он, пытаясь радоваться свершившемуся событию. - Прибыли...

Стебель увядшим и уже чуть высохшим букетом лежал в своём штурманском кресле.

- Надо выходить... - простонал он едва слышно, и в голосе его отчётливо послышался запах гнили. Куст понял, что первым придётся выходить наружу не помощнику...

Ему стало жаль хлипкого напарника. Стебель был менее устойчивой культурой, и его листья истончились настолько, что, казалось, просвечивали насквозь.

- Жди уж тут, исследователь... - сочувственно сказал Куст. - Я сам сползаю на разведку.

Покряхтывая от усилий, он спустился на пол рубки, и, шатаясь от крайней степени истощения, потащился к внешнему шлюзу. Дорога на этот раз показалась ему бесконечно длительной и утомительной, и он облегчённо поник иссушёнными хроническим недоеданием ветвями, когда, наконец, добрался до своей заветной цели.

Сзади негромко гроыхнуло. Очевидно, у Стебля не получилось удачно слезть со своего кресла, но на возвращение Куст силами уже не располагал. Он вынул из контейнера свой командирский скафандр, после нескольких мучительных попыток надел его, чуть не потерял сознание от обрушившихся на него вкусовых ощущений, и не без колебаний перекрыл почти все вентили, сведя подачу еды к минимуму.

Скафандры были последними резервами, поэтому их системы жизнеобеспечения держались в неприкосновенности, хотя это и стоило экипажу корабля немалых моральных сил. Особенно Стеблю... На корабле уже почти не осталось еды, единственная надежда была на эту планету, и на первый разведывательный поход. Если они не найдут здесь пищу и не восполнят полностью израсходованные запасы продовольствия, на второй выход ресурсов скафандров может и не хватить...

Даже то небольшое, что Куст себе позволил, облачаясь в скафандр, не только разожгло неистовый голод, но и слегка восстановило силы. Он сунул в нишу совершенно излишний на этой планете с хорошей атмосферой герметизирующий колпак, открыл внешний люк и, быстро опьянев от богатого кислородом местного воздуха, спустился на подъёмнике в рослую зелёную траву, запутавшись в ней онемевшими корнями.

Корабль окружал густой местный лес. Тёплый ветерок царившего на планете лета шевелил дряблые листья Куста, а он стоял, широко расставив для устойчивости корни, впитывал в себя пряную углекислоту чужой атмосферы, так схожую с воздухом родной Клиры, и вслушивался в окружающий его загадочный мир. Где-то в недрах покинутого корабля едва слышно скрёбся отощавший до крайности Стебель, да высоко вверх шелестели листвою местные деревья. Куст улавливал льющиеся со всех сторон многообразные запахи, в которых не угадывалось почти ничего знакомого. Новый мир о чём-то говорил с ним, но он пока ничего не понимал в его загадочной речи. И Куста сейчас интересовало совсем другое...

Автоматический зонд яростно вгрызся в землю. Подождав, Куст высвободил из скафандра одно своё корневище, и, присосавшись им к пищевому разъёму зонда, стал нетерпеливо ждать.

Почва планеты была бедновата - гигантские деревья и буйная трава буквально высосали из неё все лучшие соки. Оставшееся напоминало разбавленную водой почти безвкусную баланду.

Однако и это было что-то. Просидевший бездну времени на голодном пайке Куст был рад даже такому. Он оцепенело стоял над зондом, а соки неведомой планеты торопливо втекали в его тело, возвращая утраченные силы, добираясь до самых кончиков сморщенных листьев, расправляя их, поднимая навстречу живительным лучам местного светила, и наполняя животворящей зеленью хлорофилла.

- Ну и как?... - слабо пахнуло сверху.

Куст вздрогнул, выходя из блаженного транса. Из люка покинутого им корабля с любопытством выглядывал, доползший таки до него, несчастный Стебель. Доползший, несмотря на свою демонстративную запущенную дистрофию...

- Да так, ничего особенного... - вяло ответил Куст. - Но есть можно... Если не нюхать и не смаковать... Фильтры отсекают не только их микробов, но и удовольствие от еды...

- Ага... - Стебель мгновенно оживился и стал пытаться сползти вниз по трапу.
 - Брось... - сказал помощнику Куст крепнувшим голосом. - Падай так... Здесь мягко...
 - Ага... - обрадовался Стебель и без особой подготовки сухим венником плюхнулся в траву рядом с Кустом. Голод сейчас был в нём гораздо сильнее страха высоты.

Куст не стал злоупотреблять дармовой, но сомнительного качества едой, хотя и понимал, что на таком рационе особо не разжиреешь. Однако в их положении на данный момент любое излишество было рискованным. Почувствовав, что теперь способен уверенно передвигаться, Куст отпал от пищевого разъёма, уступая место своему напарнику.

Стебля аж нервно трясло от нетерпения. Он добрался до торчавшего из земли зонда, жадно присосался к нему и, чавкая на всю округу, стал торопливо насыщаться. Сок планеты брызгал во все стороны, заливая Стебля и стекая с его быстро наливавшихся здоровой зеленью листьев на землю, из которой только что вышел. Куст терпеливо подождал немного, потом, видя, что коллега по голоданию не собирается удерживаться в рамках разумного, грубо отпихнул его от зонда.

- Ты что, совсем сдурил?! - начальственно прорычал он. - Завянешь ведь, дурак, от обжорства!

Стебля с большой амплитудой остаточного качало, с его жадных корневищ капал сок.

- Извиняюсь, шеф... - сказал он виновато. - Увлёкся, шеф... С голодухи, шеф... Больше не повторится, шеф...

Кое-что было сделано. На худой конец, они могли запастись каким-то количеством и того сомнительного деликатеса, которым только что подкрепили свои силы. Но им хотелось чего-нибудь покалорийнее. Откуда-то из-за деревьев ветер приносил ослабленные большим расстоянием, но остававшиеся удивительно соблазнительными аппетитные запахи. Очень хотелось узнать, что же их источает.

Стебель возбуждённо шелестел окрепшими листьями, интенсивно принохиваясь.

- Ну, шеф, пахнет, как в хорошем ресторане... Шеф, я хочу в него хотя бы заглянуть!

- Пошли на разведку, - сказал Куст, и сам двинулся первым, подавая подчинённому хороший пример.

Они довольно долго продирались сквозь густые травяные и древесные заросли, не улавливая от них никаких разумных сигналов. Поначалу они зывали к ним зарядами фитонцидов, но, по-видимому, это были ещё совсем дикие, нецивилизованные племена, очень близкие по своему умственному развитию к сорнякам.

- Нет, - сказал, наконец, Стебель, уставший от своей пламенной и бессмысленной речи, направленной совершенно в никуда. - Это, вроде, не наши... Не похожи...

Они быстро уставали с непривычки и вынуждены были делать частые передышки, но соблазняющие запахи становились всё сильнее и острее, и это придавало им сил.

Лес кончился внезапно и Куста слегка ошеломила открывшийся перед ним простор. До самого горизонта от них тянулась тёмная, явно возделанная регулярной пахотой земля, засаженная узкими, уходившими вдаль рядами низкорослых пышнолистных растений. Дивно пахло смешанными органическими удобрениями.

- И-и-и-их!!! - восторженно ахнул за спиной командира Стебель. - Никак, это уже точно - наши?!!

- Да, вроде, нет... - с сомнением в голосе сказал Куст. - Не очень-то и похожи...

Ему самому всё это сильно напоминало «Поле Рассады», которое когда-то на родной планете дало ему жизнь и взрастило его. Правда, там это имело гораздо меньшие масштабы, но и увиденное здесь было в чём-то близким и почти понятным.

- Флороидная раса, чтоб меня вовремя не полили!!! - обрадовался совсем оживший Стебель. - Как здорово, шеф!!! Нам ведь флоры больше в космосе не попадались! Когда о нашем открытии узнают дома, мы с тобой войдём в Историю!

- Так! - сказал Куст, обретая свой былой командный голос. - А теперь делай, как делаю я! И никакой дешёвой самодеятельности! Зелен пока для инициативы! Ты ещё в тесном горшке сидел, когда я впервые ушёл в дальний Космос!

Стебель не возражал против умных слов старшего. Горшок он ещё хорошо помнил.

Куст быстро подковылял к ближайшему на поле растению и пустил в него облачко фитонцидов.

- Кто вы?.. - спросил он с волнением. - Не потомки ли наших далёких предков, чьи семена были когда-то разнесены «Звёздным ветром» по всей Вселенной?..

Ответ был вялым и совершенно непонятным - так обычно говорят несмышлёные однодневные ростки.

Куст перешёл через узкую разделительную полосу земли на поле к соседнему ряду и снова обратился к собратям по разуму со страстной вступительной речью.

И тут ответ мало чем отличался от предыдущего. Ещё на что-то надеясь, Куст пошёл вдоль плотно засаженного ряда. Сзади плёлся Стебель, повторявший за шефом вопросы, но местные растения на них совершенно не реагировали.

Куст огорчился. Они ещё побродили по полю, пока запасы их красноречия не истощились вместе с фитонцидами.

Что ж, пока ясно было только одно: они имели дело не с разумными обитателями новой планеты, а, скорее всего, с примитивными, культивируемыми ими домашними растениями. На Клире тоже были такие

технические культуры; они добывали из почвы определённые вещества, которые потом шли сородичам Куста и Стебля в пищу. Утешало то, что, раз есть хорошо возделанное сельскохозяйственное поле, значит, обязательно должны быть и те, кто его когда-то возделывал.

Куст вновь приободрился.

- Идём, поищем хозяев, - сказал он и решительно двинулся вглубь цивилизованного пространства.

...Его остановил громкий запах. Хорошо знакомый и в то же время почти забытый, он ударил в устьяца, встряхнув все ветки Куста божественным ароматом, и зарядив их нервным электричеством.

Куст встал, как вкопанный в клумбу.

- Ты чего это, шеф?.. - испуганно спросил налетевший на него от неожиданности Стебель, и ещё слабым усиком стал царапать болтавший у его корня гербицидер.

- Пахнет... - сказал Куст потрясённо. - Чем пахнет?!. Не могу вспомнить! Помогай! Быстро!

Стебель затрясся, принохиваясь.

- Азот, шеф!!! Чтоб я сгнил - азот!!!

- «Азот?..» - Стебель опешил. На их корабле совсем не было алкалоидов - звёздным исследователям запрещалось брать с собой в полёт любые возбуждающие нитраты, но здесь они были бы весьма и весьма кстати! Для поддержания измученных длительными лишениями организмов Куста и Стебля, если можно так сказать. И кто что потом узнает? На исследовательском корабле их всего двое...

Они похлопали листьями, поточнее определяя направление, откуда исходил столь соблазнительный для них дух.

- Земля... - уверенно сказал Стебель, указывая подрагивавшими листьями себе под корни.

- Точно, земля! - сразу согласился Куст. - Удобрения!.. Местные жители, по-видимому, стимулируют активность роста своих технических культур сильным допингом. Но дозы!!! Дозы!!! У меня от одного этого запаха маковка идёт кругом!!!

- А у меня, шеф, уже ушла... - признался возбуждённый до крайности Стебель. - По спирали...

- Слушай, так это же прекрасно! - радостно сказал Куст, уже слегка пьянея от ароматов и сбиваясь с нормальной логики. - Значит, в почве должно быть много растворённых азотистых соединений! Грех не пригубить! Тем более - на дармовщинку...

- Шеф... - сказал подозрительно быстро оклемавшийся Стебель. - Чур, я первый пробую! Тебе нельзя зря рисковать, ты у нас морально и материально ответственный за всё и за всех! А я быстренько продегустирую букетик... Одним глоточком...

- Куда?!! - резко осадил его властный Куст. - Поперёк ствола в болото не расти! Черенок! Ещё карбамид на листьях хорошенько не обсох! Утрись сначала!

Он резво выдернул свои корни из уже обрыдшего однообразием меню скафандра, и сладострастно впился ими в сочную, дурманящую даже запахами почву...

Азот мгновенно захлестнул его жаром, беспорядочно заплескав враз покрывшимися разноцветными пятнами листьями Куста. Жидкий огонь вошёл в его стебель через корни и не остывающей лавой растёкся по волокнам. Зрительные клетки ресничек затуманились, сделав пейзаж вокруг зыбким и расплывчатым.

- Погоди, шеф, я сейчас... - донеслось до Куста от ходившего ходуном Стебля. Он хотел что-то сказать, что-то приказать и даже что-то сделать, но остатки недавней голодной усталости, поддерживаемые алкоголем, сморили его, и Куст, развесив листья, расслабился...

////////////////////////////////////

...Пришёл он в себя уже в темноте, от ярко выраженного синдрома похмелья. Листья его скрутило в трубочки, всё болело и, казалось, трещало, как старый рассохшийся сучок.

- «Сейчас бы водно-солевого рассолу... - мечтательно подумал Куст. - Было бы самое то...»

Он выдернул корни из пьяной земли, чтобы поискать коллегу и вернуться на родной корабль, но от первого же движения его так замутило, что у него отпало сразу несколько листьев.

- Бр-р-р-р... - передёрнуло Куста от отвращения. - Надрался... Почти натошак...

С ночного неба фонарём светила яркая местная луна, и он сразу увидел Стебля. Тот был совсем уж хорош... Он и дома-то никогда не казался Кусту злостным трезвенником, а тут вообще, можно сказать, дорвался до бесплатного. Все его листья безжизненно лежали на земле, похоже, он был совершенно невменяем.

Куст, шатаясь от пьяного головокружения, с трудом подковылял к своему напарнику и попытался выдернуть его из пьяной земли. Тот забурчал что-то нетрезвое и нечленораздельное. Он уже не говорил, а попросту смердел - густо и разнообразно.

Всё-таки Куст вытащил его из податливого, разрыхлённого грунта и потащил в сторону корабля. Стебель вяло шевелился, иногда справляясь со своей речью, когда дело касалось крепких ругательств. От него жутко разило закисью азота.

- Засохни, зануда! - прорычал Куст, увёртываясь от вонючих слов Стебля. - Алкаш!

Стебель скрёб по земле листьями, желая немедленно лезть в драку, но он был слишком худосочен, поэтому развезло его вдрызг. Он лишь мешал Кусту себя тащить.

- Ну и оставайся тут!.. – разозлился наконец уставший от борьбы с ним Куст. - Пропойца!
Он сердито бросил вялую ветку пьяного напарника и поплёлся дальше один.
Стебель сзади закопошился.
- С–с–с-топ, ш–ш-шеф... - тухло изрёк он. - Я щ–щ-щас, как с–с-стручок... Я с-сей момент встан-ну на все сс-вои вос–с–с-емь...
Он, жутко шатаясь, поплёлся за своим начальником и затянул любимую песню:
- Цвела в саду прекрасная... - его заело на первой же строке, и он вернулся к её началу: - Цвела в саду...

Куст наконец выбрался с проклятого поля и остановился, чтобы слегка сориентироваться и передохнуть. Стебель плёлся за ним в темноте: - Цвела в саду... - он обливался от умиления пьяной росой, которая блестела в свете местной луны, но песня не двигалась, потому что он всё никак не мог вспомнить имя «прекрасной, цветшей в саду...»

- На брудершафт, шеф!.. По мизерной!.. По крошечной!.. – пьяно пробубнил Стебель, доползая до Куста. - За дружбу и уважение!.. Ты м–меня ещё ув–в–ва–жа-ешь?..

Он полез обниматься, они сплелись, запутавшись друг в друге, и долго не могли распутаться.

- Не–е–е-е... – решительно сказал Куст, яростно отпихивая пьяного и вонючего Стебля подальше. - Я вот так не пью... Лучше инди... ин–ди–ви–ду–аль-но...

- Прозит!.. - тут же вякнул Стебель и стал с готовностью зарываться корнями в дёрн.

- «А!.. - подумал Куст отчаянно. - Была - не была!.. От опохмелки ещё никто сразу не помирал!.. И мы совсем по махонькой... Чтоб маковка не сильно болела...»

Он с трудом стащил с пригорка застрявшего в густой траве Стебля, пытавшегося со словами: - Ну что же ты так заросла, глупая... Не доберёшься ведь до твоих цветков... - докопаться до земли, оттащил его подальше в поле, вгрызся своими трясущимися от нетерпения корнями в щедрую землю, и сделал долгий, жадный глоток...

////////////////////////////////////

...Очнулся он уже утром. В мозгах опять что-то болело, а в ветках - жутко трещало.

- «Снова перебрал...» - Куст мутным нетрезвым взглядом посмотрел по сторонам, но вокруг были только такие же пьянчуги из местных дикарей, как и он сам. Их отвратительно жирные листья, наполненные синюшной тяжестью, свисали до самой земли.

- «Ну и хари у вас тут... - с отвращением подумал Куст, глядя на дремучих аборигенов. - У одноклеточных водорослей они гораздо краше...» - Его передёрнуло от одной мысли о том, что он сам сейчас, наверное, выглядел не шибко лучше...

- «Неправильный образ жизни рано или поздно неизбежно превращается в её образину... - пьяно рассуждал он. - Очень может быть, что это грандиозный местный пивбар. Тогда как их цивилизации... Спились, похоже... И ни в чём их уже не убедишь... В винном погребе бессмысленно говорить о «сухом законе»...

Куст нервно встряхнул отяжелевшими ветвями, сбрасывая с себя хмель вместе с росой.

- «Да, - невесело подумал он, - трудно узнать норму, не познав крайностей...»

Он с натугой выдрал из сырой, пропитанной дурманом земли корни, и подковылял к лежавшему пластом Стеблю.

Помощник был пьян до полного своего одеревенения. Куст потоптался вокруг него, тщетно сясь вытянуть хмельного насквозь коллегу из спаивающего грунта.

- Ну, ты, сорняк недодёрганный!.. - свирепо плевался он в него ядовитыми зарядами хмельных фитонцидов.

- Пошли давай отсюда, зараза!.. Чтоб тебя тут голодные гусеницы съели!.. Чтоб у тебя тычинки отсохли вместе с клубнями!.. Чтоб!..

Он выдохся быстро - больше от собственной ругани, чем от дистрофических усилий. Куст плюнул на всё и нетвёрдой походкой поплёлся к кораблю, пытаясь найти свой блуждающий центр тяжести. Его часто и сильно заносило, он натёкался на собратьев если не по маразму, то, во всяком случае, по ботанике, пробовал говорить им стандартные слова извинений, но его фитонциды были настолько насыщены перегаром закиси азота, что ему самому становилось от них дурно.

- «Он так много пил, что даже от мыслей его несло перегаром... - уныло подумал Куст, выбравшись наконец с поля и оглянувшись на миллионы пьянствовавших рядом местных жителей. - Сначала они соображали на троих, потом... потом... потом уже ничего не соображали...»

Куст тяжело двинулся дальше. Он хотел всё-таки добраться до родного корабля, сделать себе гарантированную инъекцию азотного антидота и вернуться за Стеблем, но в лесу ему стало совсем худо... Его выворачивало наизнанку, с посиневших листьев брызгала мутная вонючая роса, и Куст, так и не добравшись до нужного места, вынужден был спешно вернуться, чтобы снова «слегка» опохмелиться. Он в нетерпении скатился с пригорка и, не глядя, торопливо воткнулся трясущимися от желания корневищами где-то между рядами местных алкоголиков...

////////////////////////////////////

...Куст ещё несколько раз пытался выбраться из хронического глубокого запоя, но концентрация нитратов в местной земле была слишком велика для его силы воли, поэтому он постоянно пребывал в полупьяном состоянии от одних ароматов.

Азот не отпускал. Куст чувствовал, что спивается и теряет рассудок, как, возможно, потеряли его и соседствовавшие рядом с ним автохтоны, понимал, что становится слишком зависимым от сильного наркотика, но уже ничего не мог с собой поделаться... Он обронил где-то свой зонд, а корабль, о котором он вспоминал всё реже и реже, терпеливо ждал его в глубине леса. Иногда желание вернуться вдруг вспыхивало в Кусте всё более слабыми искорками, однако тяга к азоту оказывалась значительно сильнее. Временами Куст переговаривался с осевшим рядом Стеблем, когда они одновременно и ненадолго трезвели. Они с удовольствием обменивались репликами относительно вкусовых качеств употребляемого ими азотного раствора, и своих субъективных ощущениях, но чаще Стебель раздражал шефа своим мощным храпом, который выводил того из блаженной пьяной дремоты. Они регулярно ругались и кидались друг в друга комьями земли вперемешку с непристойностями, сучьями и другими отходами своей жизнедеятельности, не доводя, правда, эти скандалы до полноценных драк. Подувшись друг на друга недолго, они мирились и снова говорили друг другу тосты...

И однажды Куст окончательно осознал, что им отсюда не выбраться, что даже если им и хватит на это сил, они уже не смогут ни жить, ни передвигаться в лишённой нитратов среде...

И он смирился с этим. Ему уже не хотелось ничего, потому что Куст имел здесь всё... И тёплый дом, и сытную еду, и, самое главное, крепкое питьё... Он отсушил ставший ему теперь без надобности помпажный стебель, основательно укоренился, лишив себя возможности передвигаться, и предался беспробудному пьянству...

...А на Земле, в совхозе «Светлый путь в...» наступила пора очередной прополки...

*Будьте сильнее
всех своих
слабостей!..*

* * * * *

«ЖЕМЧУЖИНА»

*Мир должен быть населён.
Вильям Шекспир*

Дождь разгуливался на широких просторах города, точно издеваясь над безоблачным метеопрогнозом. Он налетел на него из засады туч, застав врасплох наивных горожан, стабильно молящихся на синоптиков, и стегал их за слепую веру тугими холодными струями. Владимир жался к облезлой стене дома, но козырёк балкона над его головой как будто съёживался. Дождь менял угол падения, и всё глубже забирался под него, уже задевая жидкими пулями свою очередную жертву. Владимир был так поглощён игрой в прятки с дождём, что не замечал творящегося вокруг.

...ОНА возникла словно из ничего. Неведомо откуда взявшийся пёстрый зонтик вдруг качнулся прямо перед его глазами, и ОНА буквально выпрыгнула из-под него.

- Ты ЖДЁШЬ меня...

Это был не просто вопрос, это было абсолютно безапелляционное утверждение, точно они встречались на этом месте ежедневно и всю свою прежнюю жизнь.

Он метнул свой взгляд из дождливого пространства навстречу ЕЁ словам, и мгновенно попал в зону действия ЕЁ глаз...

По спине табуном проскакали мурашки. Это были не глаза, это были два обжигающих зелёных костра, две зелёные-презелёные планеты в бездонной глубине Космоса.

- Ты ждёшь МЕНЯ! - это уже был тон приказа, требовавший быстрого утвердительного ответа.

- Да... - сказал он тихо и покорно, хотя был абсолютно уверен в том, что они никогда прежде не встречались. Увидев такие глаза хотя бы раз, уже не выживают...

ОНА качнула свой зонтик чуть вперёд, приглашая и создавая защитную зону ещё для одного.

Владимир был уже порабощён: зелёные глаза тянули его к себе, они засасывали, как голодное топкое болото. Он обречённо шагнул под зонтик, точно на эшафот.

- Куда мы с тобой идём СЕГОДНЯ?.. - ЕЁ голос был соучастником ЕЁ убийственных глаз.
- А куда вам нужно?..
- На все четыре стороны!..
- Тогда нам по пути..
- Прекрасно! - ОНА не отводила взгляда, и он поволочился за ЕЁ глазами, как щенок на коротком поводке. Глаза его добивали, они доминировали на ЕЁ красивом лице, освещая его. Они не просто ярко светились днём, а полыхали двумя изумрудами, разбавляя пасмурную сумрачность зелёными солнечными зайчиками. Это были не глаза, а ядерные реакторы, и их излучение уже губительно пропитало насквозь всё существо Владимира. Это была Красота ОТ ГЛАЗ; они сами диктовали миру законы эстетики, навязывая их даже полному невежде.
- Пойдём в парк! - предложила ОНА.
- Пойдёмте... - покорно согласился он, тащась за НЕЙ по лужам на поводке ЕЁ взгляда.
- Ты сегодня какой-то странный... - ЕЁ голос выражал неподдельное удивление.
- Разве?.. - Он пытался вспомнить, каким был с НЕЙ бесконечно далёким вчера и, тем более, позавчера. Он уже согласился с тем, что они знакомы целую вечность.
- Да-да! - сказала ОНА. - Обычно ты веселее и разговорчивее! А сегодня... У тебя что-то случилось?
- У меня?.. - он нисколько не удивился этому вопросу, потому что не сопротивлялся этим глазам уже даже и мысленно. - Да так, ничего особенного. Дождь вот...
- Ну, это сейчас произошло почти у всех! - сказала ОНА весело. - И у меня тоже!
ОНА слегка поёжилась, точно от стужи, хотя была в плотной вязаной кофточке.
- Не выношу сырости и холода...
- Так лето ведь... - сказал он таким тоном, будто на дворе была середина лютой зимы.
- Какое же это лето?.. - сказала ОНА почти брезгливо. - Настоящего лета ты ещё не видел...
- Извините... ни... - стеснённо промямлил он, решив, что чем-то ЕЁ невзначай задел. Он костром сгорал от стыда за то, что не осмеливался спросить ЕЁ имя.
- Маргарита... - помогла ОНА ему, сразу догадавшись. - Проще - Рита... Ты стал ужасно забывчив, мой дорогой... Ты забыл не только меня, но даже и моё имя... - ОНА была искренно огорчена, и он уже решил, что где-то подцепил амнезию.
- Ну что... ты... - привычно смутился он. - Это так... Рассеянность... Не более того...
Они медленно шли по пустынной аллее парка. ОНА была лидером в разговоре и поведении, он - всего лишь ведомым. Он всё так же волочился за НЕЙ на прочном поводке.

Вдруг ОНА резко остановилась, коротко поглядела по безлюдным сторонам, и ему показалось, что в ЕЁ взгляде было что-то нетерпеливое и насторожённое.

- Ну, вот мы и пришли... - сказала ОНА странным тоном, в котором чувствовалось лёгкое волнение, и он понял, что погиб. Он был уже готов ко всему: к тому, что ОНА его пристрелит, зарежет или устроит пир каннибалки. Ему было уже всё равно: ЕЁ глаза отняли у него все силы и волю. Он смотрел в них, покорно дожидаясь своей участи, уже предчувствуя, что они не случайно оказались в этом безлюдном месте, и ЕЁ последние слова что-то предваряют. Тело его расслабилось, руки бессильно свисали с поникших плеч, и даже сердце, казалось, пугливо замерло в груди.

ОНА взяла его за вялые, слабые плечи, привстала на цыпочки, и приблизила к его лицу своё почти прекрасное лицо. Глаза в глаза. Глаза ЕЁ быстро разгорались, заполняя бушующей зеленью весь мир, они разрастались, быстро поглощая пространство вокруг, они надвигались на Владимира двумя зелёными планетами, к которым летел его космический корабль. Вторая планета ушла из поля зрения, и осталась только одна. Владимир уже различал на ней материки, горы и моря. Она наваливалась на него, заключая в свои гравитационные объятия.

...Что-то со звоном разлетелось перед ним, будто лопнуло абсолютно прозрачное и потому невидимое стекло, и он провалился в Бездну... Ветер засвистел в его ушах, налетев с ощущением быстрого падения. Тело разворачивалось набегающими потоками воздуха, и Владимир вынужден был раскинуть руки и ноги, чтобы не сорваться в штопор.

Страх близкой гибели почему-то не сковал его душу. Что-то щадило его зажатую психику. Или кто-то щадил... Он ясно чувствовал, что не разобьётся о приближающуюся землю, слегка запачкав её наплывающую зелень красным. Счастливый исход был дарован ему изначально, и осознание этого сидело почти в его генах.

...До поверхности планеты было уже не больше километра. Скорость падения резко упала и какие-то силы, неподвластные Владимиру, перевели его в планирование. Он летел над бескрайним цветастым лугом к притаившемуся за горизонтом лесу. Небо было безоблачным и сказочно голубым, а перед самым лесом сверкала рябью вода.

...Человека Владимир увидел на самом подлёте к берегу. Тот стоял у воды и бешено размахивал руками, точно опасаясь, что летающий гость станет искать другой аэродром.

Владимир сделал управляемый кем-то другим изящный вираж над песчаным пляжем; тело развернулось вертикально, и он твёрдо встал на ноги метрах в десяти от ожидавшего его мягкой посадки.

Это был мужчина примерно одного с Владимиром возраста и роста. Он стоял, широко расставив крепкие ноги, и приветливо улыбался. Загорелый, русоволосый, мускулистый. В белой безрукавке, пенсионного возраста джинсах - шортах, и не менее древних кроссовках.

- С прибытием! - жизнерадостно сказал он и, тяжело шагая по глубокому прибрежному песку, пошёл навстречу.

- Мерси... - ответил Владимир вежливо, делая попытки сориентироваться на незнакомой местности.

- Здесь больше никого нет! - обрадовал его мужчина. Он сказал это почему-то громко, хотя был уже рядом.

- Только мы двое! Ты и я! Я Робинзон, а ты - Пятница!

Он подошёл вплотную и протянул только что прибывшему широкую ладонь.

- Виктор!

- Победитель... Хорошее имя. А я Владимир.

Они обменялись крепкими рукопожатиями, по-мужски проверяя друг друга на прочность.

- Тоже подходящее имечко. Владеющий миром... Что ж, владей! Сколько хочешь!

- Где это мы? - Владимир не узнавал ни пейзажа, ни даже его климатического пояса.

- А кто его теперь знает! - Виктор сел, снял кроссовки, и принялся вытряхивать из них мелкозернистый жёлто-белый песок. - Но, вроде, не на нашей Земле. Я тут уже второй день обитаю и оглядываюсь. Солнце очень похоже на наше, но звёзды явно чужие. Я плохо в них разбираюсь, но что-то в этих звёздах не так...

- Ты-то как сюда попал?

- Да так же... - сказал Виктор, чему-то нахально ухмыляясь. - С неба свалился...

- А перед этим?... - Владимир не стал договаривать, не давая подсказки. Он хотел услышать чужую версию.

- А перед этим были зелёные глаза... И всё остальное - прочее... - загадочно сказал Виктор.

Владимир обидно хихикнул.

- И ты туда же... Бабник...

- Нет, - тут же возразил Виктор. - Туда же - это, братец, ты. А я был первым.

- Не говори ГОП! А я так полагаю: не ты - первый, не я - последний. И, скорее всего, меня тебе сюда сознательно подкинули. Чтобы, как говорится, вдвоём нам было веселее.

- Вполне возможно, - легко согласился Виктор. - А вообще тут довольно уютно и даже гостеприимно. На деревьях съедобные плоды, листья и трава тоже не ядовиты. И вода в одном из ручьёв по вкусу напоминает хорошо настоянный компот.

- Давно пробовал?... - Владимира интересовали результаты рискованного эксперимента.

- Вчера! - понял Виктор, показав ему розовый язык. - И, как видишь, живой пока! И ничего субъективного или объективного - ни глубоко внутри, ни даже совсем снаружи...

- Не говори ГОП! - опять предупредил Владимир. - Может, у них тут длительный инкубационный период. Вот как схватит сейчас за какое-нибудь место! И не вырвешься...

- И откуда ты такой умный?! - всю веселясь, спросил Виктор. - И желчный...

- Оттуда же...

- И кем ты был? ТАМ?..

- Писателем. А ты?

- Биофизиком. Кандидатом наук.

- Понятно, - сказал Владимир без особого энтузиазма. - Интеллектуальная элита... И чего ей от нас нужно?!

- Кому? - не понял Виктор.

- Зеленоглазке! Зачем она нас сюда затащила?!

- Вот именно - затащила! - согласился Виктор. - Засосала, заволокла, заглотила... Глазки у неё, конечно... Наверное, хочет рожать от нас здесь многочисленных детей. Красивых, здоровых и, разумеется, умных. В общем, разносторонне развитых.

Владимир фыркнул.

- Гарем, значит... Мужской... Тогда будут ещё любимые и любящие мужья... Из разных отраслей промышленности, областей науки, видов культуры и искусств...

- Знойная женщина. Мадам Грицацуева!

- Веселишься, - сказал Владимир, нахмурившись. - Смешно дураку, что нос на боку! Дуракам...

- Тогда давай будем рыдать, - предложил Виктор. - Дуэтом. Я первым голосом, ты - вторым. Зеленоглазка, конечно, неплохо разбирается в психологии совместимости. Мы с тобой гармоничная пара: я совсем оптимист, ты - слегка пессимист.

- И, всё-таки... - успокоившись, сказал Владимир. - Зачем всё это? Это похищение... Этот десант на чужую планету...

- Во всём должен быть высший смысл, Вова, - Виктор сорвал травинку и стал её задумчиво жевать. - Определённо перед нами поставлена какая-то цель, нам пока не ясная и не объяснённая. Возможно, из нас хотят сделать некую активную боевую единицу, и очень может быть, что мы с тобой только малая её часть...

Он посмотрел на небо.

- Если я прав, надо ждать новых парашютистов. Думаю, очень скоро всё станет простым и понятным. Перед нами непременно поставят чёткую боевую задачу. Или брать штурмом ближайшую неприступную крепость, или даже всю планету.

- Первое проблематично, - сказал Владимир. - А второе... Молочные реки... Кисельные берега... Подножный корм...

Он пнул ботинком песок.

- А это ты на вкус не пробовал? Очень похоже на пшённую кашу... Уж больно всё это подозрительно, Витя. Слишком уж идеальные условия для колонистов...

- Или роскошный хлебосол для гостей.

- Не думаю. В гости не приглашают столь экстравагантным способом. Мы кому-то позарез нужны, Витёк! Так нужны, что даже не спрашивают нашего желания! Хотя... Предложи она мне всё это, я бы задумался, прежде чем наотрез отказаться. Боится упустить время?..

- Ну... - не согласился Виктор. - Тогда народ сыпался бы сюда с неба градом!

- Селекция?.. - предположил Владимир.

- Увидим, Вова. И думаю, что скоро. Но очень похоже на то. Другие варианты хуже.

- Тогда должны быть и... - Владимир приложил к своей груди два сжатых кулака.

- Это уж обязательно! - улыбнулся крайне оптимистичный Виктор. - Не будем же мы плодиться вегетативным способом!

- Ах, Рита - Маргарита... Жемчужина - жемчужинка... Что за чудо, а не женщина! Зеленоглазая «Жемчужина». И планета эта - тоже жемчужина. Зелёная Жемчужина Вселенной. Слу-у-шай... - протянул Владимир, озарённый внезапной догадкой. - А может, это были глаза самой планеты? Может, это она нас таким странным способом вербовала? Создала прекрасный мир, но вот не получился у неё разум для его покорения, и тогда она позаимствовала его из другого мира...

- Кто её знает... - задумчиво сказал Виктор. - Но, надо признать, в женском образе она была чрезвычайно хороша собой... Стройна, как Венера и крепка, как кариатида. На таких женщинах хорошо держатся не только балконы, но и семьи.

Он опять глянул на небо.

- Во! - вырвалось у него радостное. - Я же тебе говорил! Легки на нашей помине!

Владимир с готовностью посмотрел туда же.

...Из синей глубины стремительно падали две крошечные человеческие фигурки. Они летели к земле почти рядом, и уже ясно было, что это молодые женщины. Одна была с короткой стрижкой и в джинсах, другая в развевавшемся на ветру платье и с длинными волосами.

- Ну, вот и ответы на все вопросы, - сказал Виктор, обращаясь к самому себе. - А что, это даже интересно! Осваивать девственную планету! Чего молчишь, графоман?! Начинать нашу летопись!

...Пышноволосяя, придерживая руками непослушное платье, уже почти целеустремлённо шла на посадку; вторая, в джинсах, плавно выходила на глассаду их пляжа.

- Красивые... - сказал Виктор восхищённо.

- Ты же знаешь, у нашей зеленоглазки хороший вкус.

- Нет... - возразил Виктор. - Думаю, что на этот раз с зелёными глазами был уже мужчина...

*Чтобы обрести
свою Судьбу,
нужно стать
чужой.*

* * * * *

УДАЧА

Мало быть первым. Надо быть первым вовремя.

Эмиль Кроткий

Громада искорёженного металла, слабо освещённая далёкими звёздами, скорбным похоронным катафалком проплывала мимо. Оссон чуть прибавил скорости, магнитными присосками осторожно пристыковал лёгкую госпитальную шлюпку прямо к измятому боку чужого звездолёта, и первым выбрался наружу.

- Показывайте! - нетерпеливо велел он сопровождавшему их патрульному. - Куда тут у вас?..

- Да можно в любую понравившуюся вам дырку, док! - сказал офицер. - Он весь - как решето после хорошего пулемётного обстрела! Вляпался в какой-то крупнокалиберный метеорный поток, да ещё без необходимой на такой случай защиты!

- Нет, вы всё-таки показывайте. - Оссон замер у огромной дыры с рваными, вывороченными наружу краями.

- Вы его нашли, не раз бывали внутри, поэтому гораздо лучше знаете тут дорогу.

- Ну, хорошо, док, будь по-вашему, - патрульный послушно нырнул в тёмное нутро погибшего корабля. Оссон, не оглядываясь на поотставшего Пиипа, полез за ним.

- Как вы уже, наверное, догадались, - продолжал патрульный, - это опять колымага всё тех же четырёхконечных с выведенным из тела в отдельный орган мозгом.

- Шустрый, однако, народец, - сказал Оссон с нескрываемым уважением. - Смотреть ведь не на что, разума едва ли больше, чем инстинктов, корабли их слишком похожи на многоместные летающие по кладбищу гробы, а, поди ж ты, пол-Галактики уже облазили! Скоро нас начнут поджимать, а нам тут и без них тесно.

- Зато, какой страшной ценой они этого добились! - Пиип тащился где-то сзади, рассеянно оглядывая то, что попадало под узкий луч его фонаря. - Из ста найденных нами раздолбанных кораблей девяносто пять принадлежит именно им.

- Ослабленный инстинкт самосохранения, - поставил Оссон уверенный диагноз. - Это не слишком хорошо для вида в смысле его жизнеспособности, зато такое отклонение с лихвой компенсируется повышенной активностью. У нас с ними будет ещё немало хлопот.

Оссон неподвижно завис в центре огромного зала и принялся рыскать по нему лучом.

- Так где же обещанный вами богатый урожай, уважаемый? Я что-то не лицезрею...

- Их было шестеро, - сказал патрульный, оглябая летавшие по отсеку обломки и всевозможные вещи погибшего экипажа. - Это, как мы поняли, каюткомпания, и здесь мы обнаружили троих.

Он направил луч своего фонаря в угол разгромленного давней катастрофой помещения.

- Ага, вижу! - сказал Оссон обрадовано. - Так... Первый... Отсутствует орган с мозгом... Очевидно, это его осколком, которых здесь было предостаточно... Уж больно тонкая у них перемычка, соединяющая его с основным телом! Нет, не ищите! Это у меня уже было, так что не утруждайте себя! Дальше... Второй... Разорван скафандр, сильно повреждены внутренние органы... Для них это, как ни странно, тоже смертельные раны... Знаю, сталкивался... Кто там у вас ещё? Ах, этот! Оторваны две конечности, погиб, скорее всего, от сверхнизких температур Космоса... Тоже неинтересно...

Оссон огляделся.

- Это всё? - спросил он разочарованно.

- Здесь - да, - сказал патрульный. - Есть ещё двое в рубке, с сильно повреждёнными скафандрами.

- Нет, туда мы не пойдём! - Оссон махнул суставчатой лапой. - У меня всё это уже было и даже не раз! А где шестой?

- Последний член экипажа находится в двигательном отсеке. Обуглен и радиоактивен.

- Тоже полнейшая рутинка... - откровенно расстроился Оссон. - Через меня этих излучающих угольков прошло уже столько, что я и со счёта давным-давно сбился!

- Больше у нас тут ничего такого нет, док, - сказал патрульный, сильно огорчённый тем, что ничем не смог порадовать лучшего хирурга - травматолога Госпиталя.

- Жаль, жаль... - Оссон больше не пытался скрыть своей досады. - Я всегда жду от этих случаев чего-нибудь неожиданного, экстраординарного, однако удивительные случайности до обидного редки. Поверьте мне на слово, коллега, - обратился он к Пиипу, - основные успехи хирургии приходятся как раз на экстремальные ситуации. Аварии, войны, стихийные бедствия... Честно говоря, наша хирургия исчерпала себя давно, поскольку ничего нового в деле спасения себе подобных придумать уже в принципе невозможно. В этом деле мы добрались до абсолютного совершенства, именно поэтому так интересно познавать секреты чужой биологии и физиологии. Не буду хвастаться, но на десятке обитаемых планет, не считая нашей, обо мне, как о хирурге, можно было бы слагать легенды...

Оссон ещё раз посветил фонарём на изувеченные Космосом тела чужих космонавтов.

- Давайте не будем возвращаться прежним путём. Тут опасно: летает слишком много всякого хлама, можно ненароком натолкнуться на что-нибудь острое. Лучше выберемся наружу по прямой. - Он двинулся к ближайшей дыре в борту корабля.

...Отлетев подальше от давно погибшего чужого звездолёта, Оссон повернулся к Пиипу и чуть отставшему патрульному офицеру. Луч его фонаря случайно скользнул по дырявому борту мёртвого поглотителя бесконечного пространства.

- А это что такое, позвольте вас спросить?! - Оссон зафиксировал световое пятно на одном месте.

Патрульный тоже обернулся.

- Ох!.. - сказал он смущённо, увидев большую красно - коричневую кляксу на блестящем борту чужого корабля. - Виноват, проглядели! Это, как я понимаю, седьмой член экипажа, которому повезло ещё меньше, чем всем остальным. По всей видимости, был сильный взрыв в баке с горючим, и его просто разбило о корпус.

- Нет, вы посмотрите, какая прелесть! - расцвёл Оссон. - Коллега, это же редкостная удача! Мокрое место и ничего больше! Великолепно! Да каждый уважающий себя травматолог просто обязан мечтать о подобном клиническом случае!

Он нетерпеливо посветил фонарём на непонятно и долго задумчивого Пиипа.

- Так что, коллега, берёмся?!

- Можно попробовать... - неуверенно сказал Пиип. – Попытка никогда не бывает пыткой...

- Не можно, а нужно! И должно!

Оссон переметнулся лучом фонаря на почтительно выжидавшего патрульного.

- Послушайте-ка, милейший. Вы это всё, пожалуйста, тщательно соскребите, и быстренько ко мне в главную операционную! Можно даже вместе с краской!

////////////////////////////////////

...Келли отключил перегревшийся меданализатор и снял с потной головы мнемощлем.

- Слазь, симулянт! - сказал он, не скрывая презрения к своему низкому медицинскому профессионализму. - Ничего я у тебя не нашёл: ни внутри, ни снаружи! Хоть бы синяк какой, или царапинка!.. У тебя в прошлый приём проблем со здоровьем было больше...

- То-то и оно! - Корин слез с диагностического стола и стал натягивать на себя рубашку. - Прямо чудеса какие-то! Помню взрыв, когда работал за бортом корабля, потом жуткий удар - это когда меня шарахнуло о борт... Ещё помню, что сразу отключился...

- И всё?..

- Да ни молекулы больше! Очухался оттого, что спасатели вскрыли анабиованну, в которой я, как они божатся, провалялся аж два года... Как я туда попал - сам в бессознательном состоянии забрался или кто из экипажа меня засунул - не знаю, и не узнаю уже никогда. Некому мне об этом рассказать - загнули все. Страшно загнули...

- Видать, ты везучий, - сказал Келли. - Какая редкая удача! Весь экипаж погиб, а ты отделался лишь лёгким испугом...

Мысли

*о слишком хорошем
чужом здоровье
только усугубляют
наши собственные
болезни...*

* * * * *

ЗАГАДКА

В истории остаются фразы максимум из семи слов.

Хуго Штейнхаус

- Там что-то есть... - Мишин остановился, и показал свободной рукой на бархан невдалеке.

- С чего ты взял? - Брайтон закрылся ладонью от низкого вечернего солнца и внимательно всмотрелся. – А, по-моему, это всего лишь типичный буревой нанос.

- Следы... – упорно не согласился с ним Мишин. - Слишком много ведущих к нему следов. Местная живность явно облюбовало это местечко, а она ничего здесь не делает просто так.

- Значит, там есть какое-то открытое поверхностное месторождение, - предположил Брайтон. - Или старая железяка, оставшаяся после первых пилотируемых экспедиций на Марс, и живность грызёт эту ржавчину с постоянной минеральной голодухи.

- Глянем?

- Ты ещё не насмотрелся тут на ржавые железяки?

- Это явно не то! - сказал Мишин с воодушевлением. - Район-то удалённый, здесь и прежде не было ни баз, ни автоматических станций наблюдений! А вдруг это НЕ НАШЕ?!

-Ха! - Ха! - Ха! - едко сказал Брайтон. - Сейчас пойдём и откопаем летающий гроб сдохлыми инопланетянами. За мной! - он двинулся к бархану первым.

Чем ближе они к нему подходили, тем больше видели следов. Он действительно был эпицентром странного внимания немногочисленных представителей марсианской фауны, и это казалось слишком уж подозрительным. Что они и в самом деле могли там найти?

Бархан оказался раскопанным и походил на крохотный угмонившийся вулканчик.

- Ты был прав, - сказал Брайтон, глядя в маленькое жерло. - Там действительно что-то есть...

Мишин опустился на колени, достал из поясного чехла походную лопатку и копнул.

- Железяка, - сказал он немного разочарованно. - Старая ржавая земная железяка...

Брайтон достал и свою лопатку.

- Раз уж начали, надо определиться до конца, - он сгрёб песок в сторону, обнажая метровый сфероид, наполовину утонувший в грунте. Сфероид был сильно обглодан временем и вечно голодными зубастиками.

- Это сильно смахивает на автоматический навигационный маяк.

- Или на оторванную деталь чего-то...

- Тут я с тобой не во всём соглашусь, коллега, - сказал Брайтон. - Конструкция явно функционально законченная. Интересно, что бы такое это могло быть?

Он копнул глубже.

- О! А тут какая-то надпись! - воскликнул он радостно. - Поздравляю, коллега, ты был в принципе не прав! Это не инопланетное, а наше что ни на есть родимое! Вот, любуйся!

Мишин обошёл сфероид кругом.

- Тут аж на двух языках, - сказал он удивлённо. - «Сделано в СССР»... - Это, вроде, по-русски...

- И ещё «Made in USSR»... - добавил Брайтон. - А это уже определённо по-английски...

- И что это значит?.. На обоих языках?..

Брайтон озабоченно почесал макушку своего шлема.

- Название, наверное...

- Чего?

- Сделавшей аппарат фирмы или запустившей его страны, - сказал Брайтон неуверенно. - Раньше это обожали делать. Когда на Земле было очень много государств...

- Но только не название страны! - возразил Мишин. - В русском слове нет слов, состоящих подряд из четырёх согласных...

- Тогда это аббревиатура.

- Может быть, - почти согласился Мишин. - Но, скорее всего, не названия страны. Я о такой прежде и не слышал! Даже среди давно исчезнувших. Древний Рим знаю, Лаконию знаю, Спарту знаю. А СССР?.. Нет, не припомню такой...

Ум – хорошо,

а два – ещё

хуже...

* * * * *

ТЫСЯЧА ВДОХНОВЕНИЙ

У каждой недоработки есть имя и фамилия.

Серго Орджоникидзе

Сутырин проводил взглядом уже слегка выпрямленную спину очередного посетителя, уходившего от него с хорошими советами, дождался, когда за ним закроется белая, захватанная множеством потных от волнения рук дверь, уронил взгляд себе под ноги, опустил тяжёлые веки и расслабился, делая плановую паузу.

Усталость подкрадывается медленно, но неотвратимо, и редко кому в конце рабочего дня не кажется, что он сильно ошибся в выборе профессии на всю жизнь.

Психиатр - не отоларинголог, ему непозволительны синюшные мешки под усталыми глазами, красная склера и серый цвет лица. Люди с больной психикой приходят к нему, прежде всего, для того, чтобы увидеть здоровое тело, в котором непременно обретает здоровый же дух. Психиатр просто обязан ВЫГЛЯДЕТЬ, его способность ещё и лечить традиционно считается второстепенной.

Искусство длительно сохранять форму или хотя бы создавать её видимость даруется врождённо или приобретается длительными тренировками. Сутырин не родился гением абсолютного здоровья и был достаточно ленив для регулярных спецзанятий. Природные запасы его выносливости уже начинали истощаться, давая первый предупредительный звонок, однако Сутырин пока оставался глух к этим сигналам. Как большинство людей, он дождался третьей сирены.

Сутырин открыл глаза и нажал кнопку вызова следующего посетителя. Пауза не должна быть слишком продолжительной. Клиентура психиатра — народ нервный, как приснопамятная очередь за дефицитным товаром; она так же взрывоопасна и труднопредсказуема.

И в то же время пауза необходима, она создаёт определённую атмосферу. Тело можно лечить и конвейером, к этому людей приучили, но Душа требует особого, индивидуального подхода. Клиент должен внушить себе, что врач не гонит толпу, а после каждого посетителя какое-то время отдыхает от него и готовится к новому.

...В дверь постучали: осторожно, просительно...

— «Из тихих...» — поставил Сутырин предварительный диагноз. Параноик выламывает дверь в другую сторону, шизофреник не входит без стука об неё головой. А этот ещё сам не решил, к какой из категорий психов себя отнести, ждёт квалифицированного совета врача...

— Войдите! — приказал Сутырин твёрдым, решительным тоном. Психопаты любят стенторов с командными голосами. Слабая психика обожает подчиняться чужой воле, это избавляет её от нервных усилий: по чужой указке жить значительно легче, чем по собственной инициативе. Псих с инициативой - это в большей степени миф, нежели реальное лицо, таких слишком мало, это уже признаки паранойи.

Дверь открылась, и он вошёл.

С первого взгляда было видно, что человек психически вполне здоров. Очень многие по ряду причин делают из себя психопатов, не являясь таковыми. Эти - из самых трудных. Легче дурака убедить в том, что он умный, чем уверить умного в том, что он не дурак. Мнительность - самая тяжёлая и трудноизлечимая болезнь. Если человек сам навесил себе на уши всяческих синдромов и симптомов, редкий академик от медицины способен стряхнуть с них хотя бы часть этих спагетти.

Посетитель торопливо покрыл расстояние от двери кабинета до рабочего стола врача и, не здороваясь, сел, громыхнув стулом. Лицо его было искусственно спокойно, но пульсировавшая под левым глазом жилка чинила предательство.

— Вы давно практикуете, доктор? — в голосе пациента прятался вызов и почти презрительное недоверие.

— Пятнадцать лет, — сказал Сутырин, профессионально улыбаясь. — Вы считаете, что этого недостаточно?

— Не знаю... Не знаю... Возможно, и мало...

— Специалиста с большим, чем у меня, стажем вы здесь не найдёте, но мы при необходимости можем и суммировать наши коллективные знания, собрав представительный консилиум.

— Такие вещи как профессиональный опыт редко суммируются... — вызов в голосе посетителя опять стал всплывать на поверхность. — Особенно у врачей-психиатров. Большой всегда пытается нейтрализовать меньший. Эффект кукушонка...

Сутырин окончательно уверился в психической полноценности клиента. Развитое чувство юмора - это один из самых главных признаков здоровой психики.

— Ну, хотя бы испытать меня в деле вы согласитесь? — просительно сказал Сутырин.

— Мне ничего другого не остаётся, — сдался посетитель. — Всё равно другим я не буду доверять больше, чем вам.

— Но так же нельзя, дорогой вы мой, — попытался Сутырин быть нравоучительным. — Как известно, эффективность лечения находится в прямой зависимости от доверия к лечащему врачу.

— Возможно, вы и правы... — посетитель потрогал скачущую жилку под глазом; она его явно отвлекала. — Хотя все эти постулаты верны лишь применительно к кому-то. Но не к себе самому! Больной, как правило, считает себя грамотнее врача, и талант лекаря заключается именно в том, чтобы разубедить его в этом.

— Давайте попробуем... — сказал Сутырин опять просительно. — Может, у нас что и получится...

— Да, в этом что-то есть... — не сразу согласился пациент. — Одно из двух: либо вы меня вылечите, либо я вас заражу. Попсихуем вместе, вдвоём это, по-видимому, будет гораздо веселее.

— Вот и ладушки! Вот и договорились! — Сутырин почувствовал, что дебют ему удался. Теперь не спасовать в миттельшпиле, и тогда эндшпиль получится сам собой. — Итак?..

Посетитель вдруг резко встал, снова громыхнув стулом, и метнулся к двери.

Сутырин слегка опешил от неожиданности. Это слишком уж походило на бегство. Так всё хорошо шло и вдруг... Неужели его подвёл-таки опыт и человек действительно серьёзно болен? Такое со Сутыриным случалось, но очень давно, ещё на заре его врачебной практики. Сейчас это можно было бы смело назвать его профессиональным фиаско.

В коридоре что-то хлопнуло, и посетитель вернулся в кабинет, нагруженный кипой папок.

— «Графоман... — наконец определил Сутырин. — Да, тяжелейший случай... Такие почти неизлечимы... Это как рак: вроде и вырезал, но через некоторое время появляются метастазы...»

— Простите великодушно, но я, к сожалению, не редактор, — сказал Сутырин извиняющимся тоном.

— А, не прибедняйтесь! — парировал пациент, сваливая груды своих папок на стол врача. — В вас очень много общего, потому что вы оба имеете дело с патологией...

Он сел и нервно заелозил на стуле.

— И чего же вы от меня ждёте? — спросил Сутырин, косясь на внушительного вида горку макулатуры. — Исправления грамматических и стилистических ошибок? Оценки литературного качества? Сотрудничества? Соавторства?

— Нет, всего лишь объяснений, мне понятных. Дело в том, что всё это не моё...

— Как - не ваше?.. — снова опешил Сутырин. — А зачем же тогда вы это сюда?..

— Я тоже очень хотел бы знать, зачем... — посетитель устало провёл рукой по своему украшенному красивыми залысинами лбу. — Кому же всё это нужно?..

— Объясните, ради Бога! — попросил Сутырин. — А то я уже начинаю путать, кто из нас кто.

— Я тоже вконец запутался, доктор, - уныло сказал мужчина. - Нет, я не совсем правильно выразился. Написано всё это, конечно же, мной. Точнее - моей рукой. А вот в остальном...

Сутырин снисходительно улыбнулся, уже слегка сориентировавшись в ситуации.

— Это совсем не то, о чём вы думаете, дорогой вы мой! Спросите любого стоящего писателя, и он попытается объяснить вам, что такое вдохновение. Надо только радоваться, что на вас иногда «находит». Многим это не дано вовсе.

— Да знаю я, что такое вдохновение! — отмахнулся посетитель. — Не без искры божьей, пописывал когда-то стишочки! Но это совсем другое, доктор! Это больше похоже на чужую волю, или даже на насилие. Голова вдруг до отказа забивается каким-нибудь сюжетом, причём, уже хорошо продуманным от начала и до конца, тело парализуется, лишаясь моего контроля, функционирует только правая рука с авторучкой... Это продолжается до тех пор, пока не ставится последняя точка. А потом меня отпускает... В голове пустота, в теле слабость, как после тяжелейшей физической работы. И это вы называете вдохновением? Тогда уж назовите его навязанным, наведённым вдохновением. Скажите, такое возможно?

Сутырин взял из бумажной кучи на своём столе самую верхнюю папку, раскрыл её, пробежал взглядом по торопливому, мелкому, но вполне разборчивому тексту.

— В принципе - да, возможно. Допустим, если рядом с вами в комнате или в соседней квартире находится мощный экстрасенс или гипнотизёр, не лишённый и хорошего литературного дара. Но только мне тоже трудно понять, зачем всё это? Придумавший и хорошо продумавший идею, мог бы сам её тут же и записать.

— А если у него нет рук?.. — с надеждой спросил посетитель, ухватившись за спасительную идею, избавлявшую его от угрозы собственного помешательства.

— Можно продиктовать текст на магнитофон.

— А если он вдобавок и немой?..

— И глухой, и слепой, и неподвижный... — Сутырин сейчас совершенно не склонен был иронизировать, это получилось спонтанно, вытекая из темы разговора.

— А почему бы и нет? Талантливый человек, но нет исполнительных механизмов для реализации способностей.

— Правдоподобно, — не сразу согласился Сутырин. — Но ведь такие люди, как правило, совершенно не способны существовать без чьего-либо серьёзного присмотра. И у них всё же существует какой-то примитивный канал связи с внешним миром.

— Доктор, не смешите моих блох! — пациент забрал у Сутырина рукописи и запихал их обратно в засаленную папку. Он сделал это вполне по-хозяйски, и Сутырин про себя тут же отметил, что, объявившись сейчас здесь истинный автор идей этих произведений, ему уже пришлось бы оспаривать своё право на них. — Ну что такое азбука глухонемых?! А тут ведь почти полноценная самореализация!

— Вы склонны думать о гипнозе?

— Как вам сказать, доктор... Вы подбросили мне сейчас неплохую и оригинальную идею, но в ней имеются существенные изъяны. Я пишу в одиночестве, и среди моих соседей нет инвалидов. Во всяком случае, я таких не припоминаю.

— Вы всех их так хорошо знаете? — засомневался Сутырин. — При нынешней-то разобщённости?

— Соседей я знаю неплохо, но дело даже не в них. Понимаете, «находит» на меня не в городе, а на даче. По-видимому, моему спарринг-партнёру и соавтору мешает город с его шумом и суетой.

— А на соседних с вашей дачах тоже нет инвалидов... — подытожил Сутырин.

— Инвалиды живут в городах, поближе к врачам, — наставительно сказал пациент. — Особенно зимой. А у меня это уже целый год, без отпусков и каникул. Я пытался как-то сопротивляться, но всё это значительно сильнее меня. Прежде чем прийти к вам, я испробовал массу способов самоизлечения, но всё это обычно завершалось новым рассказом или даже повестью. Меня попросили с работы, потому что я исчезал с неё в самые ответственные моменты, поработанный новой идеей. Кто потерпит такого работника? Сейчас подхалтуриваю в разных местах, но только там, где возможен свободный график работы.

— Жизнь у вас несладкая... — согласился Сутырин. — Вы кого-нибудь подозреваете?

— В таких случаях подозревают даже самих себя, уважаемый вы мой доктор. А гипнотизёром или доморощенным экстрасенсом сейчас может стать практически любой, как, впрочем, могу всё-таки оказаться психом-графоманом и я сам.

— Чего вы хотите конкретно от меня? — в лоб спросил странного пациента Сутырин.

— Какой-нибудь ясности, доктор. Я страшно устал от всего этого нескончаемого безумия, и мне хотелось бы знать, что я должен делать: лечиться или искать защиты?

— А печататься вам не хотелось? - вдруг спросил Сутырин. - Всё-таки такой багаж...

— Я этого захочу, когда пойму, что это не бред сумасшедшего, носящего мою фамилию...

— И каким образом я смогу вам в этом помочь? — Сутырин ещё не вышел на финишную прямую логики пациента. — Признаюсь честно: внешне вы производите весьма приятное впечатление. И не только с точки зрения психиатрии.

— Это всё поверхностно! А нужно забраться вглубь, в самую сердцевину. Вы психиатр, значит, в какой-то степени невропатолог, психолог и так далее, и тому подобное... Гипноз, видимо, тоже входит в длинный список ваших профессиональных возможностей?

Входит, — подтвердил Сутырин. — Значит, вы хотите, чтобы я вас загипнотизировал и прозондировал?

— Да, хочу! Хуже мне всё равно не будет, куда уж дальше, а надежда на лучшее меня пока не покидает.

— Вам так не нравится ваше творчество? — искренне удивился Сутырин. — Подумайте хорошенько! Многие отдали бы очень многое за такой редкостный недуг! Какая, в сущности, разница, откуда это приходит? Оно есть и надо радоваться такому подарку! И извлекать из него выгоду: моральную, материальную, духовную.

— Это я решу сам! — резко сказал пациент. — Потом, когда узнаю наконец правду или хотя бы её часть. Тогда я смогу сделать выводы. И сознательный выбор.

— Как знаете... — уступил Сутырин. — Дело, разумеется, хозяйское. Признаться, и меня разбирает сильное любопытство. Вы - первый подобный случай в моей практике. Бывали и психующие графоманы, и пишущие психи, но все они были уверены в своей гениальности и попадали к нам не по собственной инициативе, а приводились под белы ручки утомлёнными родственниками.

— Что ж, — нервно сказал пациент. — Тогда я для вас - сущий клад, и вы смело можете надеяться на научную сенсацию. Даю вам прекрасный шанс войти в анналы мировой психиатрии в обмен на определённую информацию. Согласны?

Сутырин покусал нижнюю губу.

— А знаете... — сказал он с нарастающим воодушевлением. — Это неплохая сделка. В принципе, если кто здесь и рискует, то только вы, я же в любом случае выигрываю в информации. У меня уже выкристаллизовывается сюжет статьи в спецжурнал...

— Я чрезвычайно рад за вас, доктор, — сказал пациент, отодвигая в сторону стопку своих творений. — Мировая психиатрия будет вам громко рукоплескать, и пускать реки слюней от зависти. Так не тяните же, и начинайте решающий эксперимент!

— Да! — сказал Сутырин, переполненный решительностью. — Пожалуй, экспромт в данном случае предпочтительнее всего. По горячим, так сказать, следам.

— Только учтите, уважаемый доктор, — предупредил пациент. — Я довольно устойчив к традиционному гипнозу и вам придётся со мной изрядно повозиться.

— О, не извольте беспокоиться! — Сутырин торопливо открывал многочисленные ящики своего монументального рабочего стола, и заглядывал в них, отыскивая что-то. — Я уже давно не полагаюсь только на собственные способности в таких сложных случаях, поэтому предпочитаю технику с гарантией. Наука движется...

Он достал маленькие наушники, под которыми висела чёрная коробочка размером со спичечную.

— Возьмите, — он протянул наушники через стол. — Это как раз то, что вам нужно.

Пациент взял хрупкое на вид творение человеческого гения, и нацепил наушники на уши.

— Сожмите слегка коробочку двумя пальцами, — объяснил Сутырин. — Вы услышите в ушах слабый пульсирующий звук. Держите пальцы сжатыми до тех пор, пока у вас в глазах не забегают яркие светлячки. Это будет означать, что прибор самостоятельно вышел на основные энцефалоритмы вашего мозга. Отпустите пальцы, когда до этого дойдёт — дальнейшее прибор сделает уже сам.

Пациент взял коробочку в пальцы, лицо его сделалось напряжённым. Так продолжалось с минуту. Сутырин внимательно смотрел ему в глаза, и засёк тот момент, когда из них ушло осмысленное выражение. Веки пациента медленно опустились, коробочка с лёгким стуком упала на стол. Голова загипнотизированного плавно склонилась на плечо, дыхание сделалось ровным, рефлекторным.

Сутырин не торопился. Он осторожно снял со спящего наушники, и спрятал приборчик в стол. Выводить пациентов из состояния гипноза он умел сам, это было дело нехитрое. Сутырин смотрел на лицо посетителя и думал, с чего начать зондаж его сознания.

—...Доктор, не суйтесь не в своё дело!!!

Сутырин чуть не подпрыгнул на скрипучем стуле. Губы спящего шевелились, но голос его мало походил на предыдущий и тембром, и тем более интонацией.

— Но вы же сами просили...

— Я ВАС НЕ ПРОСИЛ!!! — голос загипнотизированного был груб до крайности.

— Но, позвольте... — возразил Сутырин. — Не далее как десять минут тому назад...

— Повторяю для непонятливых! Я вас ни о чём не просил и не прошу! Просил ОН!

— Он?... — Сутырин удивлённо огляделся и снова посмотрел на безмятежное лицо спящего.

— Я... кажется... начинаю... понимать... — сказал он с осторожностью. — Значит, это ВЫ?..

— Вы делаете заметные успехи, доктор! Приятно иметь дело с умным человеком!

— Вы используете ЕГО в качестве ретранслятора? — спросил Сутырин ещё осторожнее.

— Конкретно сейчас - да, а вообще - не только в этом примитивном качестве!

— Понимаю... — сказал Сутырин и покосился на закрытую дверь своего кабинета. — «Неужели ЭТОТ пришёл сюда вместе с пациентом, и сидит в коридоре?..» — Так кто же вы?..

— Я?! — губы спящего сложились в гримасу величайшего презрения. — Я Натан Светов!

— Светов?.. — поразился Сутырин. — Но вы же, кажется, умерли лет десять назад?.. В расцвете, так сказать, творческих сил, как писали тогда многие газеты...

— Именно так - в самом расцвете! Вы представить себе не можете, как это обидно для творческого человека - выйти на необходимый уровень своих потенциальных созидательных возможностей, и не реализовать их в полной мере! Это чудовищно обидно!

— И вы?..

— Да, я не смирился с этим! Здесь у нас хватает таких, не смирившихся, желающих добиться чего-то, если не при жизни, так хоть после смерти. И мы ищем в вашем мире соавторов!

— Но вас же там безумно много! — ужаснулся Сутырин, по инерции подыгрывая, но уже слегка сомневаясь в своих первоначальных выводах. — От тьмы веков!

— Именно так!! Гораздо больше, чем живущих у вас, поэтому конкуренция у нас тут жуткая! Физики, химики, поэты, художники, композиторы, писатели... Все ваши люди с задатками хоть каких-то выраженных способностей буквально нарасхват! И каждый из нас пытается войти с ними в контакт по-своему!

— Менделееву его периодическая система химических элементов якобы приснилась... — Сутырин рылся в своей памяти. — Эйнштейн, кажется, был в школе двоечником по математике, а композитор Бородин был вдобавок ещё и химиком...

— А Лермонтов - художником! Это уже издержки дефицита! Гении - суть не фиксированная, а многоплановая, его можно использовать одновременно по нескольким каналам!

— А зачем вам всё это нужно? - изумился Сутырин. - Ведь это уже НЕ ВАШЕ...

— Вот поэтому лично вас, доктор, никто из нас и не трогает... И не тронет...

— Как?.. — переспросил Сутырин.

— Так...

Сутырин онемел от неожиданности.

— Давайте закругляться, доктор! Буду с вами предельно откровенен! При жизни я мечтал написать тысячу произведений, но внезапная смерть оборвала мои труды на третьей сотне! С соавтором я сделал ещё уже почти сотню, и не собираюсь останавливаться на достигнутом! Будите его, мне не терпится продолжить! Поверьте, он очень скоро смирится со своей участью, и больше не будет обращаться к вам за помощью! Вдохновение невероятно заразительно, даже если оно и навязано! Он скоро войдёт во вкус! Помучается, поработает какое-то время в стол, а потом не выдержит и понесёт НАШИ рукописи в какое-нибудь издательство. Если Мы будем достаточно упорны и настойчивы, НАС рано или поздно начнут печатать. А потом придёт признание, и это будет наш общий успех! И читатели станут говорить, что ОН очень похож стилем на МЕНЯ. Забавно, не правда ли?..

— И вам его совсем не жаль?.. — Сутырин посмотрел на отрешённое лицо спящего пациента. — Ведь ему так тяжко, он безумно мучается, бедный, страдает...

— Это пройдёт, и очень скоро, поверьте уже прошедшему однажды через всё это! Потом творчество превратится для него в потребность Души! Будите его, доктор, будите! Я отключаюсь!

Губы спящего сомкнулись. Сутырин смотрел на лицо напротив и размышлял. Он уже был склонен поверить всему услышанному. Много ли мы пока знаем о формах существования Материи и Души?.. И написанное странным пациентом действительно напоминало стилем произведения покойного Светова, которого Сутырин когда-то читал. Поначалу обидевшись на замечание о своей неприкосновенности, теперь Сутырин уже не знал, огорчаться ему или радоваться.

У Светина в запасе целая Вечность. Где гарантия того, что, написав тысячу произведений, он не захочет написать миллион?..

*Талант
всегда пробьётся
если не в Рай,
то хотя бы
в Ад...*

* * * * *

«ИДУ НА ВЫ...»

Что стало смешным, не может быть опасным...
Вольтер

07.16. 2016. Аресибо. Пуэрто-Рико. Центр слежения.

2 : 16 AM
=====

-...Позволь с тобой слегка не согласиться, Джонатан! Я с блеском окончил Кембридж! Заметь - Кембридж, а не какой-то там, занюханный тараканами колледж где-нибудь в Индианаполисе! Это о чём-то тебе говорит, многоуважаемый коллега?! И, ещё заметь, с отличием окончил! Мне прочили самое великое будущее, Джонатан! Сам ныне покойный Карл Саган страстно жал мне вот эту руку!

Портер сонно жевал остывающую пиццу и то кивал головой, то криво улыбался, без особого усердия стараясь синхронизировать всё это с заунывным нытьём Тома.

-...Нет, ты не прав, Джонатан! Не прав снова и снова, хотя как всегда молчишь! Молчание - извечный знак несогласия! Ну, скажи, чего я добился здесь за эти пятнадцать тухлых лет?! Я же классный радиоастроном, Джонатан, а здесь мне кажется, что нас просто поставили сторожами при этой тысячефутовой ржавой кастрюле!

Портер кивал. Спорить с Томом было бесполезно: он относился к той категории абсолютных зануд, для которых нытьё стало образом и главным смыслом жизни.

-...Нет, Джонатан, я здесь долго не продержусь! Что я тут сделал и что смогу сделать?! Да, Джонатан, работать надо не в якобы эпицентре мировой науки, а на ма-а-а-аленькой ведомственной обсерваторийке в какой-нибудь Богом забытой дырочке!..

Портер мученически млел. Морган нудил тут уже четыре последних года, утомив собой весь многочисленный персонал обсерватории. Он довёл всех до такого жуткого состояния, что служащие ежемесячно скидывались на так называемый «антиморганический фонд» и закупали партиями пиво для тех бедолаг, которым выпадало несчастье дежурить с Томом, чтобы те могли использовать напиток в качестве противоядия.

-...Ухожу, Джонатан! Сматываюсь! Это уже окончательно и бесповоротно решено! Держусь до Рождества и ухожу! Тебе меня никогда не понять! Ты намертво прирос своей откормленной задницей к этому фирменному стулу, и пустил в него глубокие толстые корни! А я хочу большего, Джонатан! Большого!

Портер страдал и морально, и физически. До конца этой экзекуции было ещё почти шесть часов, а пива уже не осталось ни единой банки! Том сегодня был как никогда в ударе. Вместе с жарой. И нейтрализовать их обоих больше было нечем...

-...Всему есть предел, Джонатан! И моему бездонному терпению - тоже! Я ещё не встречал более скучного и унылого места, чем этот центр передовой науки! Хватит, Джонатан! Хватит!

Том отодвинул подальше от себя пустую тарелку, встал, слишком громко громыхнув стулом в пустом кафе, и, не дожидаясь коллегу, пошёл к себе на пост. Портер облегчённо вздохнул, дождался, когда Морган отойдёт подальше, встал из-за стола, и со сладострастным выражением на лице пнул вслед уходящему воздух...

2 : 25 AM
=====

Вернувшись из кафе, Том приподнял замысловатый ворох бумаги на полу, нашёл конец ленты древнего регистратора, и, прежде чем намотать её на застрявшую бобину, стал смотреть, что престарелый, но пока вполне работоспособный прибор наывадал за время его получасового отсутствия. Узкая лента быстро скользила между пальцами; почти ровная линия на ней лишь иногда искажалась короткими пологими извилинами и редкими всплесками фоновых помех.

Хоп! Лента застряла в инстинктивно сжавшихся пальцах. Том натянул бумагу.

Буквально за минуту до его прихода из буфета красная черта точно взбесилась! Ничего подобного Тому за его службу в Аресибо ещё не приходилось видеть. Всё это весьма напоминало сейсмограмму близкого и

мощного землетрясения, и этот катаклизм продолжался: рейсфедер носился по всей ширине ленты, рисуя на ней нечто невообразимое.

Первой у Тома возникла мысль о том, что точный прибор попросту сломался, но, глянув на экран осциллографа, он тут же отбросил далеко прочь это глупое предположение. Контроль ситуации в Космосе вёлся одновременно по двум параллельным, независимым каналам, поэтому парная ошибка здесь абсолютно исключалась.

Том быстро сел за пульт и подключил одуревший от жары регистратор к первому попавшемуся компьютеру. Тот тут же услужливо изобразил на экране монитора что-то из области фантастики. Тогда Том решил связаться с дежурным.

- Джонатан, - сказал он встревожено. - Будь добр, подключи блок СИ - Шестнадцать к своему анализатору. У тебя машина помощнее, а моя, похоже, днём сильно перегрелась на солнышке.

- Что там у тебя опять стряслось?.. - недовольно проворчал Портер, ещё не опомнившийся после кафе.

- Да, понимаешь... - растерянно проговорил Том. - Получается, что кто-то на полных парах прёт к нам из дальнего Заплутонья и звонит об этом во все колокола!

- По-моему, перегрелся ты, а не твой шестнадцатый блок... - мстительно съязвил Портер. - Ладно, сейчас проверю...

Он долго молчал. Том ждал, заморожено глядя на уродующий ленту, судорожно дёргающийся рейсфедер.

- Надо доложить начальству... - сказал наконец Портер. - Что бы это ни бы- ло...

07. 16. 2016. Майами, штат Флорида. Центр Управления.

2 : 56 AM

=====

...Генерала Брейкли разбудил телефон. Он настойчиво пищал в душной непроходимой темноте; красный индикатор тревожно мигал, на мгновения обливая кровью белый аппарат.

- Брейкли у телефона... - сев на кровати, сказал генерал хриплым, ещё не отделившимся от сна голосом. Он слушал и быстро терял сонливость, точно пытавшийся поддержать кондиционер и гонявший горячий воздух из одного угла комнаты в другой вентилятор сдувал с него эту сонливость. Брейкли поёжился: ему показалось, что похолодало.

- Ждите меня... Я скоро буду... - сказал он, не перебивая, дослушав доклад до конца.

Брейкли торопливо оделся и вышел на террасу своего дома. Ночь была безлунной и безоблачной. Яркие и близкие звёзды на тёмном небе тяжело мерцали от застойной жары. Было тихо, молчали даже ополоумевшие от духоты цикады. Царило спокойствие, и только антенны расположенного в полумиле от дома генерала Центра не вращались, как обычно, а тревожно смотрели в одну сторону.

Брейкли глянул туда же.

- «Нет, - подумал он сонно. - ЕГО пока не видно ни в один земной телескоп, ЕГО пока только слышно. Но при такой скорости ОН уже к вечеру будет здесь...»

07. 16. 2016. Вашингтон, федеральный округ Колумбия. «Белый дом».

4: 22 PM

=====

...Президент Холл напряжённо думал. Почти все давно разошлись, уже полчаса он сидел в своём кабинете, молчал, словно забыв о присутствии Брейкли, и думал. Перед его глазами на столе лежала большая карта звёздного неба с нарисованным красным фломастером крестом в центре созвездия Скорпиона. Холл не мигая смотрел на него и ему казалось, что крест медленно движется, продолжая начерченную за десять часов наблюдений черту, и увеличиваясь при этом в размерах...

- Значит, это чужой корабль... - сказал он, наконец, не глядя на генерала, сказал скорее не ему, а самому себе, точно пытаясь убедить самого себя в том, в чём ещё совсем недавно его пытались страстно убедить или разубедить многие другие.

- Надо для подстраховки готовиться к худшему, - Брейкли был хмур. - Он уже миновал орбиту Сатурна и часов через десять, если не погасит свою высокую скорость, достигнет Земли. У нас слишком мало времени на серьёзную подготовку...

- Ошибка при расшифровке текста его послания действительно исключена? - в который уже раз уже спросил Холл.

- Абсолютно! В других странах применили свои методы декодирования сигнала и получили те же результаты. Есть, конечно, нюансы, но суть и основной тон ясны всем.

Холл задумчиво сгорбился в ставшем вдруг ужасно неудобным мягком кресле.

- У вас есть дети, генерал?

- Да. Сын и дочь. Оба совсем взрослые. В ближайшие дни готовлюсь стать дедом. Готовился...

Холл отодвинул от себя слишком заворазивавшую взгляд карту звёздного неба.

- А у меня уже есть маленькие внуки, и я страшусь мысли о том, что завтра они могут не увидеть солнца... Мы с вами достаточно пожилы на этом свете, генерал, для нас смерть уже ближе, чем рождение, а как же наши дети, наши внуки?..

Брейкли промолчал, слегка скованный собственными мыслями. Он тоже думал о близких, и ещё о том, что его пока не родившийся внук обладает перед ним определённым преимуществом, ибо ему нечего будет бояться и не о чем жалеть...

Холл убрал карту в стол.

- А что лично вы, генерал, думаете обо всём этом?

Брейкли ответил не сразу.

- Я думаю, они прилетели СЛИШКОМ РАНО...

Холл нервно заиграл сухими желваками узких скул.

...Планета бурлила. Миллионы людей торопливо вооружались оптическими приборами различных калибров и мастей, и лихорадочно искали ЕГО на ночном небе. Радиостанции всего мира захлёбывались от восторга, расписывая подробности обнаружения чужого звездолёта, и прогнозируя его возможные дальнейшие действия. Том Морган пожинал невиданные лавры, готовясь со своим рейтингом мировой популярности войти в очередное издание книги рекордов Гиннеса.

Все ждали встречи с братьями по разуму, и лишь немногие знали ВСЮ правду. Пока немногие... Президент Холл прекрасно понимал, что отсрочка кратковременна: через минуты или часы правда вырвется на свободу и тогда ситуация выйдет из-под контроля...

Холл достал из папки для правительственных документов листок с дешифровкой непрерывно передающейся и постоянно повторяющейся фразы, идущей из глубины Космоса.

Там было всего три слова:

- «ИДУ НА ВЫ»...

17.07.2016. Озеро Колтан - Нур. Прикаспийская низменность.

8 часов 44 минуты утра

=====

...Корабль садился. Он выдавливал пространство над озером, выталкивая его, и заполняя освобождавшееся место своей необъятной тушей. Становилось тесно. Неведомые силы заворачивали болотистый горизонт, поднимая его вверх в каком-то непостижимом оптическом эффекте. Лёгкие, высушенные жарой облака, бессильно ткнувшись мягкими лбами в прозрачную броню окутывавшего корабль защитного поля, испуганно шарахались и, растекаясь, обходили его стороной.

Ближний Капустин Яр молчал: или там истратили весь запас имевшихся боевых ракет, или не рисковали использовать термоядерные заряды в атмосфере.

Из длинного китообразного облака, пугливо жавшегося к горизонту, вынырнуло звено МИГ-45, торопливо взлетевших с военно-воздушного полигона в Ахтубе. Два сверхзвуковых самолёта пошли на разведывательный облёт потенциальной цели, а третий нахально попытался чуть сблизиться с чужим кораблём.

...Перегрузки, с которыми защитное поле инопланетного звездолёта отшвырнуло лёгкий земной скоростной самолёт, и смяло его композитный планер, брызнув в разные стороны обломками коротких крыльев, были поистине чудовищными... Но машина ещё жила! Лётчик, чудом не потерявший сознание, включил форсаж, чтобы опереться на жалкие остатки плоскостей и не дать МИГу сорваться в смертельный штопор, и рванул в сторону родного аэродрома.

Но самолёт был обречён. Внезапно он клюнул носом, войдя в гибельное коловращение и, расшвыривая в стороны остатки крыльев и хвостового стабилизатора, сверлом вошёл в болотистую землю. Пилот крылатой машины так и не катапультировался...

Уцелевшие МИГи тут же опасливо ушли в облака, и вокруг чужого корабля снова образовалась обширная пустота. Он так и не ответил на тот «горячий» приём, который ему устроили в околоземном пространстве. Его почти «под ручки» вели от самого Юпитера. Ещё живой орбитальный «Хаббл» сделал достаточно

чёткие снимки чужака, и после тщательной обработки изображений на суперкомпьютерах стало ясно, что это мощный боевой крейсер. Загадочный текст послания, которое он непрерывно передавал Земле, приобрёл свой настоящий, вполне зловещий смысл. Корабль не отвечал на запросы земных передатчиков и тогда на расстоянии в три миллиона километров, далеко за орбитой Луны, его «радушно» встретил плотный термоядерный заградительный огонь землян.

Били не по нему - заряды взрывались по курсу корабля. Это было всего лишь предварительное предупреждение.

Чужой Корабль прошёл сквозь плотное облако бушующей раскалённой материи так пугающе легко, будто это была отошавшая после обильного дождя тучка...

Тогда земные батареи дали прицельный залп. Звездолёт утонул в море огня, его передатчик впервые умолк, и Земля замерла с надеждой в душах миллиардов...

...Он вынырнул из пылавшего на ночном небе рукотворного Солнца, и вновь ожили все ненадолго замолчавшие радиоприёмники. Крейсер не погиб и даже не остановился. Он опять не ответил на обстрел и упорно шёл вперёд, к близкой уже Земле.

Это была откровенная демонстрация. Демонстрация силы, демонстрация неуязвимости, демонстрация непобедимости. Крейсер приближался к беззащитной Земле, и в его непробиваемости было что-то неотвратимое... Он смял хваленую земную оборону, как редкий строй оловянных солдатиков. Трудно было сказать, обитаем ли он, или это всего лишь автоматический боевой корабль. Он шёл напролом к своей цели, и ничто не могло заставить его свернуть с этого пути.

Планета сжалась в комок от животного страха, она ждала своей незавидной участи...

...Крейсер завис над озером: металлическое чудище длиной почти в пять километров и диаметром в два. Он медленно поворачивался вокруг оси, словно показывая всем тем, у кого хватало смелости смотреть, свою боевую экипировку.

МИГи улетели, так и не рискнув дать залп в упор. Земля ждала следующего хода своего противника...

Гость не сел, да он и не смог бы сделать этого, не продавив при этом болотистую поверхность и не провалившись в неё. Он повисел над озером на подушке невидимого поля в гигантской чаше закрученного им же пространства или изогнутых лучей света, и стал медленно подниматься. Из люка в его необъятном брюхе выпал блестящий сфероид и канул в выглаженную могучим силовым полем поверхность озера.

Горизонт медленно опадал. Грандиозная боевая машина важно пошла вверх и в полной тишине, не нарушаемой даже пением птиц, ушла за пределы земной атмосферы...

18.707.2016. Москва. Академия наук.

22 часа 47 минут

=====

...Воронов внимательно слушал, с силой прижав трубку телефона к самому уху, и односложно повторял: - Да... Да... Да... - потом отключил аппарат, и устало сел.

Напряжение последних часов всё ещё не спадало. Он не спал уже третьи сутки, хотя врачи упорно настаивали на необходимости хотя бы кратковременного отдыха.

Но вынужденная бессонница одолевала не только его одного. Невиданная паника охватила всю планету, и с этим поскорее что-то нужно было сделать, иначе она грозила породить необратимый в своих последствиях хаос. Земля совсем недавно находилась на краю гибели, она и сейчас лишь слегка отошла от этого края. Чужой крейсер улетел, он уже миновал орбиту Урана, а планета пока так и не могла понять, что же всё-таки произошло вчера, и чего ей следовало ожидать завтра.

Специалисты расшифровали послание из сферического контейнера, выловленного в Прикаспийском озере, и, не поверив себе самим, обратились за помощью к учёным всего мира. Результаты были сходными, и это ещё больше усугубило ситуацию.

Суть послания заключалась в следующем. Некая Галактическая Федерация объявляла смертельную войну Земле, жители которой самовольно расплодились на чужой запретной территории, и теперь истинные хозяева Солнечной Системы предъявляли землянам свои неоспоримые права на неё. Крейсер был кораблём внеземного посла, уведомлявшего о предстоящих боевых действиях. Однако, убедившись в небоеспособности противника, Федерация, из соображений этики не желая превращать поединки в банальное избивание, давала землянам время на подготовку.

И вот в этом-то была главная загвоздка! Указывался конкретный срок в несколько галактических импульсов, но сколько это будет в переводе на земное время? Над разгадкой бились тысячи учёных всего мира, но пока безрезультатно.

Это вполне могло быть и несколько тысяч лет, и в равной мере несколько дней...

07.19.2016. Вашингтон. Федеральный округ Колумбия. «Белый дом».

6 : 27 PM

=====

...Президент Холл нервно выхаживал по своему «овальному» кабинету, ожидая обещанного звонка. Он уже несколько раз в нетерпении порывался набрать нужный ему телефонный номер, но усилием воли останавливал себя, понимая, что ему сообщат сразу же по получению результатов. Нервишки явно сдавали, и было отчего.

С улицы доносились истерические крики обезумевших от страха людей, а предупредительные выстрелы полицейских и солдат лишь усиливали панику, ядовитой, убийственной плесенью покрывшей все континенты, и яркое Солнце на безоблачном небе напоминало о всеуничтожающем пламени возможного Армагеддона...

Холл не мог скрыть своего раздражения. Происходящее казалось ему чьей- то глупой и жестокой шуткой. Он очень хотел бы, чтобы всё это оказалось лишь бредовым сном. И не только он.

...Звонок телефона ударил по перетянутым струнам нервов. Холл рванул трубку к уху, услышал короткую фразу, и облегчённо опустил руку с трубкой вниз.

Сорок восемь лет... Минимум... Неточность только в плюс... Но это было уже не столь важно. Главное - Земля имела почти гарантированный запас времени в полвека. Если не произойдёт ничего непредвиденного, у человечества есть шанс...

26.07.2016

=====

- «Полстолетия: много это или мало?! Что можно сделать за пять десятилетий?!»
«Daily News»

- «Это кара Господня! Будем же молиться в ожидании неизбежного Страшного Суда!..»
«Radio Vaticano»

- «Новые жертвы! Паника в Триполи привела к гибели двух тысяч шестисот четырнадцати человек!.. Число погибших за минувшую неделю приближается к десяти тысячам! Полиция и армия пытаются справиться с вандализмом и мародёрством!..»
«Felicita»

- «Крупнейшие радиотелескопы мира работают только на передачу! Земля вызывает Галактическую Федерацию!..»
«Science report»

- «Над всеми нами подшутили! Ха! Ха! Ха!!!»
«Liberty Bell»

- «Личные атомные убежища переживают новый бум покупок! Фирма «Hause» воспрянула из небытия на пороге небытия!..»
«Freitag»

- «На двадцать седьмое июля назначено чрезвычайное заседание ООН! Что мы решим?!»
«Московские новости»

- «Том Морган принёс самую трагическую весть за всю историю человечества!..»
«Fate»

19.04.2017

=====

- «На «Мир-2» доставлен новый смешанный экипаж! Отныне вся информация о развёртывании земных противоракетных систем по московской программе СОИ становится достоянием гласности! На очереди – международная станция «Фридом!»
«*Science report*»
- «Американский «Сатурн–5»: второе рождение?! Справится ли одна российская «Энергия»?!»
«*The New York Times*»
- «Единый координационный центр «Спасение» начал свою работу! Весь мир с надеждой смотрит на Дели!..»
«*Evening Star*»
- «На счёт «Фонда Надежды» в швейцарском банке поступило уже шестьсот тридцать четыре миллиона долларов! Немалая сумма, если разобраться! А сколько нужно?!..»
«*The Times*»
- «А если ОНИ придут раньше?..»
«*Trybuna Ludu*»
- «На помощь «Бурлакам» и новым «Шаттлам» приходит ещё и «Альбатрос»! Сборочный комплекс Тюратама работает круглосуточно!..»
«*Известия*»
- «Переполюх в Уссурийске был вызван сбоем в работе компьютера! ОНИ ещё не идут!..»
«*The Look*»

29.09.2026.

=====

- «Космос упорно молчит в грязную тряпочку... Аресибо вот уже десять лет работает только на передачу, а Зеленчук – только на приём. Нас что, не хотят слушать?..»
«*Evening Moon*»
- «На околоземную орбиту доставлен ещё один блок космической крепости «Safety». Испытания намечены на середину октября...»
«*Space Week*»
- «Европейский ЦЕРН не зря ест мировые деньги: синтезирован уже шестой килограмм антижелеза!..»
«*Neues Leben*»
- «Экипаж первой пилотируемой марсианской экспедиции завершает предстартовую подготовку на орбитальном комплексе «Теллус»! Старт - через неделю!..»
«*The Georgian*»
- «Луна празднует новый успех! Со ступеней Лунаполиса сошёл первый крейсер класса «Дельфин»!..»
«*Flieger Revue*»
- «В Якутии снова собран хороший урожай зерновых! Орбитальное зеркало творит чудеса!..»
«*Нива*»
- «Президент Харрингтон завершил своё многодневное турне по Объединённым мировым. Это последнее путешествие президента перед глобальными выборами...»
«*The Business Week*»

10. 12. 2031

=====

- «Построенные убежища уже способны вместить почти шесть миллиардов землян! Куда денутся остальные?..»
«*The Washington Post*»

- «Марс опять жалуется на хронически недостаточное финансирование. Нам тоже много чего не хватает, но мы по этому поводу не поднимаем жуткого крика...»
«*Лунные новости*»

- «В Институте Космических Исследований под Москвой началась сборка экспериментального гравилёта. Полетит ли первая ласточка? Доктор Шухов утверждает, что да!..»
«*The Live*»

- «Группа террористов снова захватила рейсовый спейсбус Земля - Луна! Требования прежние: - «Долой проклятый космополитизм! Назад – к государствам!..»
«*Вечерняя планета*»

- «Новая орбитальная крепость «Saving» учится стрелять! Из шести выстрелов по астероиду Веста наблюдатели зафиксировали лишь два попадания. Конечно, с Луны стрелять легче!..»
«*The Military Moon*»

- «Проведены очередные учения гражданской обороны. Земля легко уложилась в контрольный срок. Восемь миллиардов троглодитов - такого ещё не бывало!..»
«*Comment ca va?*»

- «Лион Бергер из Амстердама утверждает, что установил телепатическую связь с Галактической Федерацией! Они уже приближаются... Снова шарлатанство?..»
«*The Monday*»

06. 04. 2040

=====

- «Ох уж этот форсмажорный Пояс Астероидов! Опять у них там авария! Это уже начинает входит в систему! «Джон Кеннеди» сломя голову летит на помощь!..»
«*Mars News*»

- «Наконец-то Земля за якобы надёжным щитом!!! Вчера завершён монтаж последнего генератора антигравитации, он включён в общую околоземную цепь! Теперь мы в полной безопасности?..»
«*Эхо планеты*»

- «Закончились всемирные выборы. На пост Президента Планеты Земля избран бывший Генеральный Секретарь ООН Шарль Дюпон. Не правда ли, это символично?..»
«*Sunday Times*»

- «Папа Римский Пий-Шестой посетил Луну. Церковь благословила боевые базы на святое дело. Папа не оригинален: церковь благословляла и на несправедные...»
«*Mooning nNews*»

- «Юпитер срывает график! Сильная тмосферная буря опять снесла «Galileo» в зону радиотени! Испытания квантового дезинтегратора затянулись уже на лишние три месяца!..»
«*Space Flight*»

- «Население Внеземелья достигло шестидесяти миллионов человек! Лидирует Луна – сорок четыре миллиона. Приземелье – десять миллионов. Марс – четыре миллиона. В Поясе Астероидов число жителей приближается к полутора миллионам. Меркурий и его окрестности - четыреста тысяч человек. Привенерие – пятьдесят пять тысяч. Зона Юпитера – пять тысяч. Зона Сатурна - две тысячи. Уран пока последнее место: на базе Кронос всего шестьдесят пять человек...»
«*Statistic Book*»

- «Прошло двадцать четыре года! Осталось столько же?.. Мы достигли очень многого! Мы добрались до Урана! Мы накрыли Земли антигравитационным щитом! В Поясе Астероидов идёт интенсивное строительство Внешнего Защитного Кольца! Уже два года ведётся постоянное боевое патрулирование

в пределах орбиты Марса! Успеем ли довершить всё остальное?! А если в расчёты сроков вкралась ошибка?..»

«Марсианские дюны»

17. 09. 2043.

=====

- «Мы уже на Нептуне! «Юрий Гагарин» вышел, наконец, на его околопланетную орбиту, «Джон Гленн» прибудет туда ещё через два дня! До Плутона – рукой подать!..»

«The Earth News»

- «Лунные базы откровенно не справляются с повышенной нагрузкой. Профсоюзы требуют прислать туда новую партию специалистов. Легко сказать! Все требуют!..»

«Jove Satellite»

- «Проведены первые и весьма успешные испытания аннигилятора класса «Мастодонт». Астероид X-64 больше не существует! Часть энергии взрыва поглощена накопителями. Руководитель проекта Генри Криггс недоволен: диаметр уничтоженной цели всего лишь шесть километров! Плохо работают учёные, из рук вон плохо!..»

«The Military Month»

- «В кольце Сатурна потерпел аварию пилотируемый разведывательный бот. Погибли шестнадцать человек... Система Сатурна объявила трёхдневный траур...»

«Stern»

- «Сенсация года?! Загадка Плеяд! Обнаружены оптическая, гравитационная и инфракрасная аномалии!!! Сфера Дайсона?! Галактическая Федерация или очередная утка?!..»

«Время»

- «Накануне двадцатипятилетия Всеобщего Объединения организация «Старый Свет» вышла из подполья. Партия националов само распустилась. Наконец-то!!!»

«The Political Size»

- «Том Морган готовится отметить своё семидесятипятое. – «Я сейчас гораздо больший оптимист, - говорит он, - чем двадцать пять лет назад! Мы отобьёмся!..»

«Поцелуй Фортуны»

- «Где «Эйнштейн»?!. Два месяца назад он включил свой антиграв на форсаж и пропал... Куда делся корабль?.. Взрыв не зафиксирован, неужели, это долгожданный прорыв в подпространство?! В уже готовый к старту «Лобачевский» толпой рвутся добровольцы! Разрешат ли пилотируемый полёт?..»

«Русское слово»

10. 03. 2059.

=====

- «Базисная пушка на Плуtone и Хароне прошла боевую обкатку. В кометном облаке Оорта чётко зафиксированы сразу две зоны наведённой аннигиляции...»

«Special News»

- «В Плеядах определён что-то происходит... Это всё-таки ОНИ или просто обитаемая система?..»

«Astra»

- «Лобачевский» стартовал к Земле! Сигнал - прокол принят на станции «Ио»! В системе Альфа Центавра оставлен вымпел Объединённого Человечества!..»

«The Galactic»

- «В атмосфере Марса зафиксирован первый процент инициированного кислорода! Оксидеры работают на полную мощность, скоро там можно будет дышать!..»

«Сфера»

- «Юпитер готов почти к рукопашному бою – «Супер-Геркулес» опробован в инертном режиме!!! Джуп - это крайняя мера... Вся его атмосфера уйдёт в многонаправленное излучение, последствия чего почти непредсказуемы... Юпитер - это наша последняя граната... Будем надеяться, что она нам не понадобится...»

«*Jovis Satellite*»

- «В ходе очередной своей официальной инспекционной поездки президент Сингх посетил крейсера-носитель «Титан», находящийся в доке базы «Суперэклиптика». Главе Солнечной Системы продемонстрированы некоторые из боевых качеств нового корабля...»

«*The Interplanetary Press*»

- «Заводы антиматерии на астероиде Паллада работают с опережением плана...»

«*The Business Week*»

- «Том Морган скончался от инсульта в госпитале курорта Палм Бич. Ему повезло – он так и не дождался...»

«*Together*»

27.11.2061.

=====

... «Чужого» заблаговременно засекли ещё за Трансплутоном – очень чётко сработали все системы обнаружения и оповещения. Он шёл от кометного облака и уверенно направлялся к центру Солнечной Системы. Высланные на перехват автоматические «корсары» осторожно сблизилась с ним, и взяли чужака на бордаж. Аппарат длиной в сто тридцать метров к всеобщему удивлению оказался невооружённым; это был, по сути, просто контейнер с двигателем и начинкой, состоявшей из уже печально известного сфероида. Его с огромными предосторожностями вынули и занялись расшифровкой содержавшегося в нём послания...

В Системе была объявлена готовность «ZERO». Обитатели Земли покинули свои жилища и укрылись в глубоких подземных убежищах. Орбитальные генераторы поля Ши окутали планету защитной оболочкой. Луна выпустила армаду барражных аннигиляторов, они охватили Приземелье мощным арьергардным кольцом. Марс спешно просчитывал все возможные варианты атак чужой армии и шансы на их отражение. Энергетические установки Пояса Астероидов замкнулись в кольцо, готовые отдать всю свою колоссальную мощь излучателям Риччи.

Человечество готовилось к смертельному бою... На орбите Плутона лихорадочно вращали антеннами «слухачи», обшаривая каждый квадратный градус небесной сферы.

Люди ждали...

28. 11. 2061.

=====

...Президенту Сингху трудно было начать свою речь. Он знал, что все десять с лишним миллиардов обитателей Земли, Луны, Марса и других населённых миров Солнечной Системы с нетерпением ждут его слов и, затаив дыхания, готовятся услышать от него окончательный приговор человечеству. Все были на прямой связи, каждый мог задать Президенту любой вопрос, но люди молчали: он слышал слитный шум их дыхания.

- Дорогие соотечественники... - наконец начал Сингх. - Я не стану говорить вам вступительных слов, а сразу прочту текст только что расшифрованного послания...

Он сделал паузу.

Эфир дышал...

- ...»Уважаемые жители Системы Жёлтой Звезды. Галактическая Федерация приносит вам свои глубочайшие извинения. По досадному недоразумению посольский крейсер попал не в ту область Галактики, и, к величайшему сожалению, ошибка была выявлена только по прошествии какого-то времени. Ещё раз просим принять наши искренние сожаления, а также готовность Федерации компенсировать вам моральный и материальный ущерб, причинённые досадным инцидентом...»

Президент замолчал.

...Эфир дышал... Десять с половиной миллиардов людей, давно уже готовых ко всему, онемели...

...И вдруг в эфире возник новый звук...

Люди так и не узнали, кто из почти одиннадцати миллиардов первым родил смех. Да это было и не столь важно! Его тут же подхватили, и через минуту эфир был буквально забит гомерическим хохотом! На всех диапазонах творилось одно и то же. Волна всеобщего веселья катилась от Земли, где в своём кресле катался обессилевший от смеха Президент, и со скоростью света неслась к перифериям Солнечной Системы, сметая на своём пути всё новые и новые бастионы Страха...

*Ошибки заслуживают
даже того,
чтобы их рано или поздно
исправляли...*

* * * * *

СОРВАЛОСЬ...

*Ничто так не возбуждает самолюбие, как трубы чужой славы.
Балтасар Грасиан*

Ягод было до безобразия много. Они нагло алели в буйной зелёной траве, завораживая даже привычный ко всему взгляд коренного жителя таёжных краёв, они источали плотный в неподвижном воздухе слюногонный аромат, они провоцировали на сбор их не в какое-то там лукошко, а напрямиком в ненасытный рот. Васька старался не слишком наглотать. Дело давно проверенное: если сразу нажраться, то сборщик ягод потом из тебя станет аховый. Стимула, как говорится, уже нет, и не будет. Лучше чередовать посуду, отдавая предпочтение лукошку. Ну, а потом...

...Тихий тонкий свист внезапно оборвал аппетитные Васькины грёзы. Сначала он подумал, что потерялся родной брательник и ищет в чаще пеленг, однако свист был каким-то странным: слишком продолжительным и потому не соответствовавшим жидкому объёму Колькиных дошкольных лёгких. И шёл он как будто сверху...
Васька с любопытством задрал голову.

...С неба на землю стремительно падал круглый плоский аппарат явно инопланетного происхождения, похожий на гигантский спортивный диск, брошенный неизвестно куда могучим великаном. Метрах в десяти от поляны он резко остановился в воздухе, видимо, насвистевшись до отвала, повисел несколько секунд, покачиваясь, точно на ветру, а затем медленно и почти бесшумно сел, вывалив из своего брюха вполне по самолётному четыре подковообразных шасси. Диск теперь стоял посреди богатой ягодами поляны и тарачил на Ваську круглые мелкие иллюминаторы, тёмной цепочкой шедшие по ободу аппарата.

Васька призывно свистнул братана. Нужно было срочно собраться на военный совет. Шестилетний Колька, скособочась, вынырнул из кустов, волоча за собой своё безразмерное лукошко, и, узрев странную конструкцию, замер рядом с братом.

- Это чё такое?.. - удивлённо осведомился он и тут же предупредительно нырнул за Васькину спину.
- Это?.. - Васька с важным видом поставил на землю свою корзинку и ладонью пригладил непослушный чуб.
- А это, брат ты мой, инопланетяне! И сейчас они будут вступать с нами в контакт!

На вершине только что севшего диска с нетерпеливым ржавым скрипом широко распахнулся люк, выплюнув вверх что-то круглое, маленькое и розовое. Предмет описал в воздухе пологую дугу и, гукнув, плюхнулся в траву почти возле Васькиных ног.

Это было удивительное существо размером чуть больше стандартного футбольного мяча, состоявшее фактически из одних, плотно натканых щупальцев. Приземлившись, оно пошевелило немного своими конечностями, точно прихорашиваясь и собираясь с главными мыслями, а затем слегка присело и, делая из стороны в сторону непонятные ритмичные движения, похожие на многосерийные реверансы, разразилось длинной трелью глиняной ярмарочной свистульки.

- Это чё он делает-то?.. - поинтересовался Колька, опасливо выглядывая из-за братовой спины. - Чё за блин?..

- Это?.. - Васька встал в дипломатическую позу. - Это он уже вступает с нами в контакт! Он хотел обратиться долгожданному гостю из Дальнего Космоса с пламенной ответной речью правомочного землянина, но тут сверху опять засвистело...

Мгновенно забыв о пришельце, братьевья синхронно переключились на очередной свист.

...На вырубку кирпичом падал ещё один диск - полная копия уже прибывшего. Он совершил в воздухе довольно рискованный пируэт и торопливо приземлился рядом со своим двойником на едва успевшие выскочить, жалобно скрипнувшие шасси.

Братья запоздало вспомнили о первом пришельце. Тот, оборвав незаконченное приветствие, пребывал в молчаливой задумчивой неподвижности и угрюмо взирал на второй корабль, пренебрежительно повернувшись к объектам контакта спиной, хотя Васька мог бы поклясться, что у пришельца нет ни спины, ни глаз.

У второго диска люк открылся в дне. Новый пришелец, судя по внешнему виду, явно близкий родственник первого, только уже белого цвета, суетливо выпал из него, и, взяв с места спринтерский разгон, понёсся к братьям, свистя на разные голоса.

Первый пришелец сосредоточенно молчал, обдумывая сложившуюся нетривиальную ситуацию. Соперник на скорости обогнул его, шустро топя щупальцами, резко затормозил возле Васьки, и, не переставая упражняться в свисте, начал расшаркиваться, как за несколько минут до этого - его предшественник.

Васька и Колька, широко разинув перепачканные земляникой рты, переводили взгляды с одного пришельца на другого, и с нетерпением ждали продолжения событий.

Премьер наконец вышел из транса, вызванного неожиданным появлением конкурента, решив, похоже, не уступать всяким проходимцам своих лавров первопроходца. Он подскочил к глубоко погрязшему в кустисах и свисте Колумбу - два и довольно-таки неделикатно пихнул его боком. Тот замолк на середине ноты и отлетел в сторону.

Избавившись таким образом от соперника, прибывший первым продолжил прерванное вступление в контакт, но братья уже не обращали на его поползновения никакого внимания. Затаив дыхания, они следили за конкурентом, который, совершая какие-то сложные манёвры, заходил своему сопернику в глубокий тыл. Там он немного потоптался на месте, готовясь, и, хорошенько разогнавшись, врезался в своего настырного соплеменника, дав ему что-то вроде хорошего пинка.

Колумб номер один, подавившись темпераментной трелью, пролетел мимо ошеломлённых братьев и футбольным мячом врезался в кусты. С веток посыпались листья.

- Чего это они?.. - Колька непонимающе посмотрел на старшего брата. - Дерутся, чё ли?..

Васька растерянно пожал пока недоразвитыми плечами и почесал вихрастый затылок.

- Да, вроде бы... - сказал он не очень чтобы уверенно. - Похоже, это они нас с тобой не поделили. Не могут решить, кому из них первым вступать с нами в контакт...

- Так нас же тоже два... - сказал простодушный и недалёкий Колька. - Один бы свистел тебе, а другой - мне...

- Это ты им предложи, а не мне! - посоветовал Васька. - Ты так свистеть умеешь?

Колька смущённо смолчал. Свистеть он пока не умел вообще. Для этого надо было сначала отрастить зубы вместо выпавших молочных.

Кусты ходили ходуном. Наконец, ветки их раздвинулись, и изрядно поцарапанный пришелец предстал перед братьями и своим обидчиком. Нервно сбрасывая с себя сучья и листья, он молча направился к автору голевого пендаля. Тот стоял неподвижно, медленно багровея, и по-боксёрски разминал многочисленные щупальца.

Неожиданно побитый гость высоко подпрыгнул и, издавая омерзительный звук ножа, скребущего по пустой тарелке, набросился на наглого конкурента. Космический Пеле резво отпрыгнул назад и заверещал, как несмазанная дисковая пила.

Пришельцы яростно сцепились. Они топтались на месте, держа друг друга за грудки, и, не переставая верещать, наносили друг другу звонкие шлепки свободными щупальцами.

Лишившись речи и забыв о комментариях, Васька с Колькой обалдело глядели на потасовку. Пришельцы теперь оба были одного красного цвета, и братья совершенно перестали их различать.

Вскоре драчуны устали. Они вдруг резко отпихнули друг друга и почти одновременно засвистели как боцманские дудки, собирающие всех матросов на аврал.

Из дисков тут же градом посыпались другие инопланетяне, причём из первого они валились так же, как и из второго, - через нижний люк. Слишком увлечённые дракой братья даже не заметили, когда его открыли. Экипажи явно наблюдали за эмоциональным диалогом своих полномочных представителей, и готовились к серьёзному инциденту...

- Ох щас и буча будет... - Васька взял брата под локоть и потащил его к ближайшему краю поляны. - Уйдём от греха... Сдаётся мне, что у них тут старая вражда...

Пришельцам было уже не до них: они, быстро меняя цвета, выстроились друг против друга в две шеренги, и, вытянув вперёд щупальца, нетерпеливо шевелили ими, дожидаясь команды.

Колька шмыгнул сопливым носом.

- Щас они пойдут стенка на стенку... - сказал он уверенно. - Чтоб я потом сдох...

Снова прозвучали боцманские будки. Радостно сорвавшись со своих мест, пришельцы с жутким визгом пошли в рукопашную. Образовалась свалка, всё смешалось в пёструю кучу - малу. Вверх полетели комья земли, трава и оторванные щупальца; шум стоял, как на лесопильном комбинате, работающем сверхурочно.

Это продолжалось недолго, и куча - мала рассыпалась на отдельные фрагменты. Сцепившись в клубки, пришельцы катались по поляне, уминая траву и с треском давя старые сучья. Васькину корзинку опрокинули, собранную им землянику безжалостно втоптали в дёрн.

Силы были равны, это бросалось в глаза зрителям и скоро стало понятно борцам за первенство.

Истерично засвистели дудки. Отпихивая друг друга, инопланетяне поспешили к своим дискам. Некоторые из них, уже вошедшие в глубокий раж, отказывались расцепляться, и другие, с трудом отдирая их друг от друга, волокли их, упирающихся и верещащих, к родным летающим тарелкам. Многие ковыляли; очевидно, им хорошо досталось...

Наконец, все расселись по своим кораблям. Люки захлопнулись; диски бесшумно взлетели с растерзанной дракой поляны и, быстро набирая высоту, одновременно стали расходиться в разные стороны. Разлетевшись метров на сто, они зависли над землёй, покачивая обращёнными друг к другу сторонами, как два барана рогатыми головами.

- Ой, мама!.. - пискнул Колька под Васькиным локтем. - Они щас на таран пойдут!..

Точно услышав Кольку и восприняв его слова как команду к немедленным действиям, диски рванулись вперёд и, быстро наращивая скорость, понеслись лоб в лоб...

Васька непроизвольно зажмурился, услышав, как раздался оглушительный металлический хруст...

Когда он отпустил заткнутые глаза, диски уже опять расходились для нового тарана. На землю со стуком падали какие-то обломки, в воздухе планировали клочья, очень похожие на бумажные. У одного диска в боку красовалась шикарная вмятина, другому, суда по всему, больше не на что было мягко садиться...

Диски разошлись чуть подальше и, уже не дожидаясь сопливых Колькиных команд, снова понеслись друг на друга. На этот раз Васька не стал зажмуриваться...

...Тарелки столкнулись, как два тяжёлых танка на «Курской дуге»... Над вырубкой несколько раз грозовым эхом прошёл скребущий металлический грохот; на землю посыпались очередные железяки, и стёкла из выбитых иллюминаторов.

Диски слегка разошлись и зависли, чуть раскачиваясь и громохвая точно две пустые бочки, в которые бросили по булыжнику.

Открылись верхние люки и на крыши покалеченных дисков высыпали их разъярённые экипажи. Окрестности огласились визгом множества пил, скрипом ножей о тарелки и ещё чем-то: непонятным, но столь же отвратительным... Пришельцы скакали, размахивая оставшимися щупальцами, и, очевидно, осыпали друг друга угрозами и проклятиями. Потом все ссыпались обратно в люки, которые тут же с лязгом захлопнулись.

Некоторое время диски висели в воздухе друг против друга, рыская из стороны в сторону, точно примеряясь, куда бы ещё врезаться, затем, перестав раскачиваться, но, не переставая громохвать, скачками ушли в небо, быстро растворившись в его густой синеве. Над вырубкой в последний раз прокатились две почти пустые бочки и исчезли за лесом...

С минуту братья ожидающе смотрели на небо, надеясь на такой же эффектный финал.

- Не-е-е... - с сомнением посягнул Колька на пришедшую тишину. - Они скоро не прилетят... Силы у их равные...

- Эт точно!.. - согласился Васька и утёр рукавом взмокший от волнения лоб. - Если кто там кого и побьёт, то лететь ему сюда потом всё одно будет не на чем... Так что скоро их не жди...

Он в последний раз окинул страждущим взглядом идеально чистое небо и направился к своей брошенной корзинке. Колька с опасно задранной головой поплёлся за ним. Васька поднял опрокинутую нервными пришельцами корзинку, с жалостью облизнулся на земляничное месиво в вытоптанной траве, и огляделся. Вокруг валялись обрывки какой-то неземной материи; по поляне были разбросаны белые клочья и оторванные щупальца; в нескольких местах траву выдрали, обнажив землю.

- «А как хорошо начинался контакт...» - огорчённо подумал Васька, глядя на весь этот разор. Он взял за руку всё ещё стоявшего с задранной головой и разинутым ртом Кольку, и потащил его, спотыкающегося, на другую ягодную поляну...

*Враги
делают Жизнь
насыщеннее,
но короче...*

* * * * *

КУДА ОНИ ДЕНУТСЯ!

Не быть жадным - уже богатство.

Цицерон

Летний день неуклонно стремился к долгожданному вечеру. Древний дед Михай сидел на скамеечке под старой, раскидистой грушей, и, задумчиво глядя на заходящее в озеро солнце, лениво лузгал семечки. Он обожал в ясные августовские вечера посиживать в тишине своего сада, когда день уходил, удлинняя прожитую жизнь и наполняя душу благостью и благоговением ожидания нового утра.

Кто сказал, что старость – совсем не радость? Нет, старость - это радость, но только тихая. Дед сидел под деревом и тихо радовался ясному вечеру, тёплому солнцу, чистому воздуху. Высоко в небе, прогнозируя на будущий день хорошую погоду, неистово верещали ласточки, и дед радовался ещё и тому, что завтра тоже будет солнечный день и такой же, как сегодня, тихий, красивый вечер.

И ещё семечки - пожизненная дедова страсть. В кармане пиджака и в картузе рядом, на скамеечке.

Когда-то на ней сиживали двое, но, когда у старухи дезертировал последний зуб, она уже не смогла больше составить деду компанию и конкуренцию в уничтожении подсолнухов, и сошла с многолетней дистанции, оставив мужа в гордом одиночестве. Да и сам Михай уже не был профессионалом в этом деле, в последнее время он с трудом удерживался даже в любителях, подолгу мусоля семечки в просторном рту, пока в нём находились рабочие инструменты. Но дед из последних сил держался.

- «Жизнь прекрасна, - думал он. - Пока есть семечки. И пока ещё есть зубы...»

...Сверху, почти вертикально, капитально закрыв солнце, перед дедом прямо на ухоженную им грядку с огурцами бесшумно опустился странный бочкообразный аппарат высотой с хорошее грушевое дерево. Не дав деду опомниться и сделать предварительные выводы, у его основания открылась глубокая тёмная дыра треугольной формы, и из неё резво выпорхнуло удивительное существо на трёх кривых стеблеобразных ножках. Они росли прямо из щетинистой бесформенной головы гостя с неба, являвшейся одновременно и его телом с огромным глазом посередине, и торчавшими в стороны как рогульки, но двумя то ли руками, то ли клешнями.

Дед меланхолично жевал и, пока не врубаясь, бесстрастно глядел на это чудо инопланетной природы.

Существо быстро подсемило к балдеющему по инерции старику, остановилось возле него, и, рывком выставив перед собой обе свои руки - клешни с громадными ладонями, тут же соединило их перед грудью деда в глубокую чашу.

Он глянул на её пустое дно, совершенно рефлекторно сунул руку в карман заношенного летника, и насыпал в чашу перед собой щедрую горсть любимых им с детства семечек.

В его глуховатые уши влилось весёлое ручейковое журчание. Существо, тарачившееся на деда во весь свой одинокий глаз, медленно опустило что-то, похожее на зелёный зрачок, к нижнему краю глаза - тарелки, и глянуло на горсть семечек в своих ладонях. Из головы над глазом вылез длинный, тонкий хоботок, уткнулся в семечки, и со свистом всосал в неизвестное нутро существа сразу половину.

Какое-то время обалдевающий дед и пришелец глядели друг на друга, пребывая в молчаливой неподвижности, и точно прислушиваясь к чему-то своему или в себе.

В ушах ошеломлённого деда снова зажурчал неутомимый весенний ручей. Существо отвернулось от него и, держа перед собой сложенные вместе ладони точно поднос с очень дорогим хрусталём, на осторожных цыпочках ушло в тёмную дыру...

- Надо же... - хмыкнул дед.

Он не успел закончить едва начатую им мысль. Из треугольной дыры аппарата гурьбой высыпали сразу шестеро совершенно одинаковых одноглазиков. Обгоняя и почти отпихивая друг друга, они подбежали к деду. Перед ним образовался живой полукруг. Существа наперебой зажурчали, и совершенно синхронно выставили вперёд свои ладони, сложив их перед дедом в шесть глубоких чаш.

- Надо же... - снова хмыкнул старик. Он сунул руку в карман пиджака, растерянно скользнул подслеповатым взглядом по ждущим застывшим фигурам, и натолкнулся им на свой картуз.

- Фу ты ну ты! - облегчённо вздохнул дед Михай. - Чуть было не опростоволосился, прости Господи!

Стараясь не обидеть кого-нибудь из гостей, он высыпал в чаши содержимое заношенного до блеска картуза.

Перед дедом зашумела горная речка. Держа перед собой ладони на один манер, существа гуськом ушли в свой летающий агрегат. Через минуту дыра в нём закрылась. Странная машина беззвучно оторвалась от земли и, быстро наращивая скорость, ушла в синеву неба, открыв наполовину утонувшее в озере солнце, и оставив на огуречной грядке круглую глубокую вмятину с раздавленными огурцами.

- Надо же... - закончил дед наконец свою заветную мысль. - Уже и со звёзд за семечками прилетают... Он поглядел на безоблачное небо.
 - Однако... - засомневался вдруг Михей. - Маловата, вроде, штучка для таких сурьёзных поездок. Не иначе, поблизости у них точно есть машинка поболее...
 Он глянул на свой опустевший картуз.
 - А может, они и не за семечками?.. - взяло его ещё большее сомнение. - Может, это они здоровкаются так?..

Старик опять не успел довести свою медленную мысль до конца. За забором вдруг загудели сразу несколько автомобильных двигателей, захлопали дверцы машин, в сад толпой ввалились растрёпанные, взволнованные, потные люди.
 - Где они?! - подбежав к невозмутимому деду, вскричал самый потный, и самый растрёпанный.
 - Кто?.. - Не понял Михей, удивлённо озираясь.
 - Как кто?! - истошно взвизгнул растрёпанный. - Как кто?! Пришельцы, кто же ещё!!! Они же недавно сели в твоём саду!!! Мы засекали их малый десантный корабль!!!
 - Ах, эти... - успокоился дед. - Так они того, улетели... Покалякали со мной трохи и до дому... Он махнул рукой на небо.
 - Как улетели?.. - растрёпанный взъёрошил пятернёй свою и без того уже безнадёжную причёску и со стоном опустился на землю. Остальные обречённо молчали.
 - Как ты мог, дед?! - вопил с земли взъерошенный, терзая остатки своей шевелюры. - Как же ты мог?! Человечество тысячи лет мечтало о встрече с ними, а ты их отпустил?! И теперь они, быть может, никогда больше к нам не прилетят!!!
 Дед Михей встал со скамейки.
 - Как это отпустил?! - рассердился он. - Как это не прилетят?! Прилетят, как миленькие! Куда они денутся?! - и дед выразительно похлопал ладонью по карману своего пиджака.

*Альтруизму экспромты
 удаются лучше,
 чем эгоизму –
 домашние заготовки.*

* * * * *

РЕКВИЕМ

*Человек рождается только после своей смерти.
 Бенджамин Франклин*

Командиру Н - ского авиаполка
 полковнику Рогову Н. Н.

Рапорт

Докладываю, что предпринятый эскадрильей ночных бомбардировщиков вылет для нанесения бомбового удара по ж. д. станции Буланыхино своей боевой задачи выполнить не смог. Станция уже горела сплошным пожаром. Полагаю, это работа партизан. Эскадрилья успешно отбомбилась над запасной целью. Потерь нет.

*Капитан Лосев А. М.
 02. 07. 1943 года.*

////////////////////////////////////

- ...Дастин, оставь в покое ручки! Это не игрушки, из которых ты давно уже вырос!
 Дастин неохотно отпустил очень удобно сидевшие в ладонях манипуляторы. Он не понимал строгости отца
 - всё равно от стартового стола отключена электроэнергия.
 - Папа, можно задать тебе один вопрос?

- У тебя они ещё остались? Ты ещё не удовлетворил свою детскую любознательность? Я удивлён, но валяй!

- Только один, папа. Скажи, ты доволен своей работой? Только откровенно...

- А почему ты меня об этом спрашиваешь? Неужели, по мне этого не видно?

- Вижу я совсем не то, что надеюсь услышать. Или не совсем то, если быть точнее...

- Вот даже как?! И что же такое ты желаешь услышать сверх того, что уже видел?

Дастин с той же неохотой выбрался из уютного кресла хроноскофа и подошёл к отцу.

- Понимаешь, папа, я считаю, что любимая работа должна не только дарить удовольствия, но и приносить результаты. Ты работаешь здесь уже почти двадцать лет, скажи, у тебя хотя бы однажды не возникало желания хоть что-то изменить в Прошлом? Ты Историк - теоретик, а тебе никогда не хотелось стать Историком - практиком?

- Это уже второй вопрос, Дастин, но он вытекает из первого, поэтому я отвечу. Хотелось... И гораздо чаще, чем ты думаешь. Порою было очень трудно не поддаться искушению... Но ты же не хуже меня знаешь, что вмешиваться в Прошлое категорически запрещено! Это может вызвать рост энтропии Вселенной!

- Даже одно - единственное вмешательство?.. – с наигранным недоверием спросил Дастин.

- Странный вопрос, малыш, или ты забыл, что такое вероятность? Ведь в моей работе она не подчиняется каким-то особым законам. Можно вмешиваться в Прошлое миллионы раз без каких бы то ни было последствий, но можно всё уничтожить с первой же попытки. Именно поэтому активная деятельность в прошлых эпохах и запрещена.

- А если кто-то не выдержит и всё-таки вмешается?.. Такие варианты возможны?..

- Не морочь мне голову, сынок! Такое абсолютно исключено, и ты это тоже знаешь! Здесь не держат дилетантов и, кроме того, датчики, которые вживляют нам в мозг, моментально поднимут тревогу от одних наших крамольных мыслей. Задолго до каких бы то ни было действий. И сразу же блокируют крамольную волю.

- Значит, ты смирился с ролью пассивного наблюдателя?.. – вздохнул Дастин.

- Тебя заклинило, мой мальчик, у тебя навязчивая идея! Хорошо, давай предположим, что вдруг отказали все абсолютно надёжные защиты от моего профессионального безумия, и я всё-таки вмешался в ход Истории! Где гарантии, что последствия моих действий будут для неё положительными, а не отрицательными?..

- Будущее не может стать хуже, если лучше стало Прошлое... – уверенно сказал Дастин.

////////////////////////////////////

...Дастин неумело полз по-пластунски, натываясь в темноте на многочисленные куски искорёженного металла - следы недавней бомбёжки, царапал об них руки и рвал совершенно не приспособленную для подобных способов передвижения одежду из эстетика. Хорошо, что где-то поблизости ревели не знакомые Дастину невидимые механизмы, и ему пока не приходилось серьёзно заботиться о звуковой маскировке.

Из-за низких туч выпорхнула полная Луна и он сразу увидел цистерны. Состав стоял близко, всего метрах в ста от него, за ним в темноте угадывались другие, тоже с топливом. Необходимо было как-то преодолеть этот последний, сравнительно небольшой участок, прикрепить к одной из цистерн мину, и тем же путём вернуться обратно.

Дастин несколько минут лежал неподвижно, восстанавливая дыхание и осматриваясь. Эта часть станции выглядела на редкость пустынной, но он прекрасно понимал, что спокойствие войны - кажущееся спокойствие. Просто он сфокусировался внутри всех линий охраны, но даже здесь, в центре стратегической зоны, должны ходить патрули...

////////////////////////////////////

Секретно!

Докладная

Сообщаю, что сегодня ночью, в два часа по местному времени датчик номер шесть в зоне «R» зафиксировал присутствие постороннего человека на территории склада готовой продукции. Системы охраны штатно подняли тревогу. Прибывший на место происшествие патруль ничего и никого не обнаружил, но при проверке выяснилось, что пропала одна единица резонансной мины вместе с детонатором. Просмотр контрольных видеозаписей позволил установить, что на территорию склада непонятным способом проник мальчик лет четырнадцати. Совершенно не реагируя на сигналы тревоги, он взял из контейнера мину, детонатор, положил их в карман своей куртки, и ИСЧЕЗ с экранов системы видеоконтроля... Ревизия показала, что в работе систем охраны и контроля нарушений НЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАНО... Считаю, что необходимо ТЩАТЕЛЬНОЕ расследование!

Сменный дежурный Джильберг. 14. 03. 2028 г.

////////////////////////////////////

...Ты ошибаешься, мой мальчик, причинно - следственные связи не всегда подвластны человеческой логике. Да, за мрачным Средневековьем последовала эпоха Ренессанса, но благоденствовавшая Римская Империя всё-таки пришла в упадок. Не обязательно плохое порождает только худшее, а хорошее - лучшее, иногда бывает и наоборот. Как и у всякой другой науки, у Истории есть свои константы и свои аксиомы, но она, как и всё в этом мире, не лишена парадоксов.

- Но, папа, бывают же ситуации, когда определённые действия влекут за собой гарантированные последствия? - Дастин и не собирался уступать отцу позиций.

- И как ты себе это представляешь?

Дастин минуту молчал, думая.

- Ну... Допустим, я убираю из Истории Адольфа Гитлера, и мировая война не развязывается или начинается чуть позже. Выигрыш есть? Есть! Хотя бы во времени!

- А если без Гитлера она начнётся раньше? Если она будет ещё более разрушительной?! Ведь дело, собственно, не в Наполеоне или Гитлере, хотя и в них тоже! События Истории в равной степени личностны и ситуационны. Возьмём ту же войну. Если она зреет на древе Эпохи, то рано или поздно её кто-нибудь сорвёт. Или она, перезрев, спровоцирует самоё себя. У Истории есть не только муза - Клио, но и демон. Он не имеет имени, но это не мешает ему строить всяческие козни.

- Значит, идея вмешательства абсурдна уже сама по себе и не достойна внимания?

- Нет, почему же, в принципе, она вполне реализуема. В какой-то допустимой степени...

- Но ведь последствия всех моих действий непредсказуемы! Ты сам это говорил!

- Вот именно! И вот это-то нас и удерживает! Допустим, ты спасаешь в Прошлом ребёнка, который должен погибнуть под колёсами автомобиля. Возможны лишь три варианта последствий. Первый: ничего не изменится. В масштабах Истории, разумеется. Он вырастет, родит детей, потом умрёт, оставив потомков, и это скажется лишь на демографической ситуации в стране, где он жил. Второй и третий варианты взаимосвязаны. Если из спасённого ребёнка вырастет великий человек, то при определённых обстоятельствах он может либо спасти мир от гибели, либо уничтожить его! И ни один из этих двух вариантов с точки зрения вероятности не имеет для Истории предпочтения. Всё решает Случай...

////////////////////////////////////

...Дастин достал из наспинного кармана куртки заветную мину. Она помещалась в его ладони: маленькая, похожая на плоскую гантель, и невероятно тяжёлая для своих маловнушительных размеров. Оружие страшной силы, сравнимое по своей мощи лишь с энергией ядерного распада, оружие, которое изобретут лишь через семьдесят лет, оружие, доставленное сюда, в военное лето 1943 года из Будущего, для того, чтобы спасти жизни сотен, а может, даже тысяч людей.

Дастин дважды нажал на mine светящуюся в темноте белую кнопку. Она тут же встала на боевой взвод и должна будет взорваться через два часа. Он уже вернётся в хроноскоп, и под надёжной защитой временного поля будет снимать всё происходящее на видео. А потом покажет уникальные записи отцу, и они вместе решат, правильно ли он поступил. Крупного нагоняя определённо не миновать, но нужно исправлять в Истории то, что поддаётся переделке, что идёт ей во благо. А разве может быть большее благо, чем спасение многих человеческих жизней?

////////////////////////////////////

Директору Института Временных Флуктуаций.

Уведомление

Сообщаю, что в ночь с восьмого на девятое сентября сего года была предпринята самовольная попытка временной перфорации. Сын ведущего хронолога Дастин Лимо, хорошо знакомый с деятельностью отца и работами основных узлов лаборатории, ввёл в курсовой хронограф программу и совершил временной переход в Прошлом. По истечении контрольного срока, хроноскоп отключил питание, но мальчика в вернувшемся аппарате не оказалось. Он не вёл записи маршрута, но, судя по возмущениям хронополя, фокусировка производилась дважды. Первый раз - в центре Европы, весной 2028 года, второй - летом 1943 года на территории существовавшего тогда Союза Советских Социалистических Республик, оккупированной в войне с Германией. Диффузные рейсы аварийных спасательных служб результатов пока не дали. Поиски продолжаются.

Старший Координатор Олаф Орднер.

08. 08. 2273 года.

////////////////////////////////////

...Дастин задумался.

- Обидно... Значит, я могу совершить с моей точки зрения подвиг, который с точки зрения собственно Истории может оказаться чудовищным преступлением... Но, всё-таки, должны же быть ситуации с однополярными последствиями!

- Ты их знаешь, Дастин?

- Нет, но я над этим думаю...

- Подумай. Но только не делай слишком поспешных выводов. То, что нам издали кажется абсолютным, при ближайшем рассмотрении может оказаться весьма относительным. И, кроме того, мы с тобой забываем ещё об одном факторе. Главном!

- О каком?

- О Парадоксе Наблюдателя. Ведь ВСЕ изменения коснутся только того, кто их породил. Он вернётся в обновлённый им мир, в котором будет уже другая История. Но другая ТОЛЬКО ДЛЯ НЕГО, поскольку лишь он один видел ПРЕДЫДУЩИЙ вариант. Для остальных же Прошлое будет ЕДИНСТВЕННЫМ И ЕСТЕСТВЕННЫМ... И уже нельзя будет повернуть обратно, поскольку ВСЁ ИЗМЕНИТСЯ. И для тебя, и для нас! Допустим, ты там погиб, что-то изменяя, тогда здесь Настоящее потеряет не только тебя самого, но и любую информацию о тебе! Тебя НЕ БЫЛО и НЕТ!

Дастин поиграл бровями.

- Да, забавно... Но меня больше заботит совсем другое. Ведь, в принципе, я могу бесконечное множество раз возвращаться в Прошлое и пробовать бесчисленное количество раз его видоизменять. И довести Будущее до абсолютного идеала...

- Или погубить его вместе с миром...

- Или погубить...

- А ты взял бы на себя моральное право проводить такие эксперименты с целым человечеством? С миллиардами живых, разумных подопытных кроликов?..

Дастин вздохнул и опустил глаза.

- Нет... Но так хочется хоть что-то сделать лучше! Если не здесь, то хотя бы ТАМ...

- Во имя чего? Во имя кого?

- Во имя Будущего! Во имя всего Человечества! Ведь было столько трагических ошибок, без них оно ушло бы вперёд гораздо дальше! Неизмеримо дальше!

- Ты в этом так уверен? А тебе не приходило в голову, что разум вырастает в большей степени из бед, чем из радостей?.. Ты хочешь осчастливить человечество, хорошенько рафинировав его Прошлое? Но, тем самым, ты можешь лишить его Истории, лишить Эволюции... Нельзя отнимать у нашей цивилизации ЕЁ право выбора... Пусть трагического выбора, но её собственного, а не навязанного извне...

Дастин снова задумался.

- Кое в чём ты меня сейчас почти убедил, папа... Но только не во всём! Мне кажется, вмешательство всё-таки возможно. В пределах разумного, разумеется...

- История не всегда способна отличить исполненный великого смысла подвиг от бессмысленной жертвы...

////////////////////////////////////

...Предстоял самый ответственный этап запланированной миссии. Дастин посмотрел на ночное небо. Как назло, все тучи куда-то подевались, и Луна светило с него, как мощный предающий прожектор. Он встал за кучей ржавого металла, ещё раз хорошенько огляделся, и почти побежал к серевшим впереди составам.

- HALT!!! - толчком в грудь остановил его властный окрик, и прямо на пути Дастина, между ним и цистернами неведомо откуда взялись охранники. - HÄNDE HOCH!!!

Вспыхнул мощный фонарь, ударив узким направленным лучом по уже слегка отвыкшим от света глазам.

Понимая, что бежать уже бессмысленно - солдаты охраны никогда не ходят без оружия - Дастин быстро нажал на mine другую, уже красную кнопку, почувствовал как она снова вздрогнула в руке, мгновенно вставая на контактный взвод, и, широко размахнувшись, с усилием швырнул увесистую гантельку через головы вставших на его пути людей, в сторону пузатых цистерн ближайшего состава.

Солдаты попадали. Луч фонаря трусливо погас, но одновременно с этим на земле, в тех местах, где лежали невидимые теперь охранника, засверкали многочисленные огоньки, сопровождаемые частым, непонятным стуком. Чем-то тяжёлым Дастина несколько раз ударило в грудь и живот, оттолкнув его на шаг назад. Удивлённый, он качнулся вперёд, чтобы не потерять равновесие. Секунды ожидания казались ему вечностью... Пули остервенело рвали его уже полумёртвое, но точно вбитое в землю тело, а он смотрел вверх убийственных огоньков и ждал...

Ослепительное жёлтое зарево сожгло ночь дотла! Вверх полетели изуродованные цистерны, изодранные вагоны, и в те короткие мгновения, что ему ещё оставалось жить, Дастин успел понять, что ему УДАЛОСЬ... И успел стать счастливым...

А потом чудовищный взрыв смешал его прах с тем, что осталось от охранников, и унёс в клубящееся, дымное небо...

Прилетевшие сюда через час советские бомбардировщики, направленные для уничтожения железнодорожной станции под Курском, до отказа заполненной составами с горючим для немецких танков, не сбросив ни одной бомбы, и не потеряв ни единого самолёта, ушли на запасную цель, а уцелевшие лётчики так никогда и не узнали, что их жизни хорошо оплачены жизнью их далёкого потомка, которому лишь через триста семнадцать лет предстояло появиться на свет...

*Тот, кто медлит,
прежде чем
подарить кому-то
Счастье,
не торопится
избавлять его
от бед...*

* * * * *

ЛЕТЯТ...

*Даже прекрасное зрелище неинтересно,
если смотришь один.
Корейская пословица*

Эдик энергично топал через пустырь по своим интимным делам, и без особого интереса и фиксации шаркал взглядом по совершенно не радовавшему его душу, экологически далеко не чистому ландшафту. Не встречавший эстетического сопротивления взгляд его перескакивал с одной живописной кучи мусора на другую, и вдруг случайно зацепился за одинокого пацана лет тринадцати, столбом торчавшего посреди засыпанного отбросами цивилизации обширного пространства. Пацан стоял, задрал голову, и ел глазами небо над собой буквально поедом.

Эдик автоматически глянул вверх, ничего там не узрел и, мгновенно потеряв к недоростку мимолётный интерес, зашаркал взглядом дальше, однако уже около леса любопытство всё-таки цапнуло его за воротник, остановило, и развернуло к таинственному мальчишке лицом.

Отрок отрешённо ожидал манной небесной. Эдик снова поглядел на небо, ещё на что-то надеясь, но оно было чистым, как первосортная лысина после летнего ливня. Поколебавшись немного между насущными делами и праздным любопытством, Эдик сошёл с маршрута и двинулся к застеневшему в неудобной позе пацану, время от времени, поглядывая вверх и, разумеется, ничего там не находя.

Его уже разбирало любопытство. Одно из двух: либо у сопляка паралич шеи, либо на небе что-то всё-таки имеется, кроме драных ветром туч на горизонте.

Пацан никак не отреагировал на появление рядом с ним постороннего, очевидно, это ему было совсем не в новинку. Держа руки в карманах куртки и периодически, но безрезультатно вскидывая голову, Эдик несколько раз обошёл мальчишку вокруг, потом даже чуть присел, чтобы совместить точки наблюдений.

И это не помогло. Небо в сговоре с малым упрямо таило какую-то загадку...

- Ты что это там высматриваешь? – спросил, наконец, Эдик, видя, что без мальчишки тут ни в чём не разобраться. - Дождя дожидаться или второго пришествия?!

- Инопланетян... - спокойно и явно привычно ответил парень, не отвлекаясь от своих сверхважных дел.

- Кого-кого?.. - Эдику показалось, что он ослышался. – Что-то я не совсем усёк...

- Да инопланетяне вот-вот должны прилететь... - уверенный тон парнишки вогнал Эдика в озноб ожиданий загадочного. – И я хочу встретить их первым из всех...

- Ну да! - сказал Эдик выпучив от изумления глаза. Ему вдруг страшно захотелось стать свидетелем величайшего события в истории человечества. Он встал у мальчика за спиной, чтобы перекрыть другой сектор неба, и задрал голову...

Следующий случайный гость пустыря, узнав, в чём дело, тоже охотно подключился к наблюдениям. Все, кто оказывался поблизости, шли к странной группе, неуклонно увеличивая её состав. Через полчаса пространство между кучами мусора было буквально забито жадно пожиравшими глазами небо людьми.

...У Эдика от длительной неподвижности и не самой удобной позы хронически заболела шея. Он опустил голову и помассировал пальцами онемевший загривок.

Удивлению его не было предела. Как оказалось, он сам и пацан находились в центре плотной толпы зрителей неба.

- Слушай, парень... - спросил Эдик отрешённого сопляка, удивлённо озираясь. - А с чего ты, собственно, взял, что они именно сегодня должны прилететь?..

Мальчишка даже не удостоил его взглядом.

- Ну, как же... - сказал он, поражаясь непроходимой тупости Эдика. - Раз инопланетяне где-то там есть, то должны же они когда-нибудь к нам прилететь...

С минуту Эдик стоял статуей в парке культуры и отдыха, переваривая услышанное и совмещая его со сказанным.

- Ах, ты!.. - он хотел плюнуть с досады, но плевать по причине тесноты было некуда. Эдик не без удовольствия, но и без особой злости дал пацану скользкий подзатыльник и, испытывая лёгкий стыд оттого, что его так дешёво купили, стал выбираться из толпы таких же, как и он, дураков, ковырявших глазами смеющееся над ними небо.

Уход Эдика не остался незамеченным. Пацан зашатался от дружеских прощаний, но наблюдений не прервал. Похоже, и это для него было не впервой. Свободного места вокруг мальчишки становилось всё больше, и очередным прозревшим уже было куда плевать. Одураченные срывали воображаемые шапки, били ими оземь, брали стервеца за грудки, сладострастно его встряхивали, и покидали место своего публичного позора.

Вскоре юный астроном остался на пустыре один. Он всё стоял, смотрел в небо и ждал...

Шея окончательно одеревенела. Пацан повертел ею, опустил голову и огляделся.

Вокруг не было ни души. Он вздохнул от огорчения и стоически задрал голову...

Окинув взглядом весь необъятный простор блёклого неба, он, видимо, убедив себя, наконец, в чём-то, вдруг отчаянно тоже хлопнул о землю воображаемой шапкой, от души плюнул в пространство, и поспешил по своим запущенным делам.

...Через полчаса, когда на пустыре уже давно никого не было, на основательно заплёванную площадку между кучами мусора бесшумно опустился большой корабль инопланетян...

*Обидно,
когда на новые ворота
глядят
только бараны...*

* * * * *

ПОДКИДЫШ

Гораздо легче стать отцом, чем остаться им.

В. О. Ключевский

Калашников определённо злоупотреблял дезинфекционной камерой в своих корыстных целях. Все сроки стандартного и эпидемиологического циклов уже прошли с большим перекрытием, а он, похоже, и не собирался выбираться наружу, на отвратительно чистый воздух. Колли занимался своими, не слишком важными на данный момент делами, и периодически подходил к пульту контроля, дожидаясь, когда же Сергею всё-таки надоест нюхать ту гадость, которой была до отказа наполнена камера, но тот, судя по всему, основательно вошёл во вкус.

- Серуж! - не выдержал, наконец, занервничавший Колли. - Ты стал злостным токсикоманом? С каких это пор, Серуж? Я пока за тобой таких достоинств прежде не замечал...

Калашников продолжал нахально помалкивать, наслаждаясь той жуткой мерзостью, которой сейчас была насквозь пропитана камера. Колли впервые пожалел о том, что там нет видеоаппаратуры, поэтому он мог лишь слышать пыхтение коллеги и его непонятное бормотание, похожее на причитание или сюсюканье.

- Серуж... - заволновался Колли ещё больше. - Ты в порядке?.. It's all right?.. Alles in Ordnung?.. - он пытался получить от Сергея ответ хоть на одном из известных ему языков.

- Уже нет... - неохотно буркнул Калашников по-английски. - И ты тоже скоро свихнёшься. Вместе с остальными...

Он опять забубнил что-то сюсюкающее и совершенно противопоказанное его стенторской глотке.

- Это уже совсем и предельно интересно... - сказал Колли с нарастающим, как снежный ком, любопытством, почти атрофировавшимся на этой нагоняющей тоску планете. - Серуж, прости меня за мою отвратительную назойливость, но, может, тебе требуется врач?..

- Требуется, - проворчал Калашников. - Желательно, педиатр... Очень желательно...

- У тебя что, началась рецидивная вторая молодость? Или уже сразу второе детство?..

- Да, началось... - совершенно серьёзно сказал Калашников. - Самое что ни на есть грудное...

Колли почесал плешивый затылок, не совсем что-то понимая, а точнее - совсем ничего в данный момент не понимая. Весельчак Серуж вёл себя сегодня как-то странно. Его культуристское чувство юмора сегодня было явно не в форме.

- Серуж... - попытался Колли всё же прояснить слишком уж туманную обстановку. - Ты там случайно не проглотил на лету кровожорку?.. Так, невзначай?..

- Я - нет, - проворчал Сергей. - Но кто-то тут точно обожрался белены. Или чего похуже...

Колли пожал покатыми плечами. Тьма полной неясности так и не просветлела.

- Открывай-ка лучше, да побыстрей! - скомандовал вдруг Калашников. - Только не падай в обморок сразу... У меня тут уже и так есть с кем сейчас нянчиться...

- Ого! - воскликнул Колли, от изумления выкатывая серые глаза. - Даже так?..

- И не только... - всё так же загадочно сказал Сергей. - А значительно больше...

Дверь камеры наконец медленно поехала в сторону, и на её пороге возник огромный Калашников в покрытом зелёными потёками защитном костюме; почему-то без привычного респиратора, отчего у Колли по внутренностям пробежал спазм, и с небольшим странным свёртком, который он обеими руками бережно прижимал к своей необъятной груди. В его облике было нечто такое, в чём серьёзное смешивается с забавным, что Колли невольно перешёл от одного к другому.

- Во! - сказал он восхищённо, подняв верх оба больших пальца. - Смотришься - сил никаких нет! Мадонна с грудастым младенцем! Сикстинская кормилица!

- Я так и думал... - на полном серьёзе пробасил Калашников, не приняв вызова розыгрышем, и затопал своими грязными сапожищами к ближайшему топчану. Он нагнулся над ним и принялся что-то там делать, неясно бурча себе под нос нечто гнусавое. Колли подошёл, и попытался обойти громоздкого космобиолога хоть с какой-нибудь из сторон, чтобы удовлетворить своё распалившееся любопытство, но Калашникова можно было облететь только на планетолёте...

Неожиданно Сергей резко распрямился и сделал большой шаг назад, чуть не затоптав насмерть слишком любопытствовавшего химика. Колли едва успел отпрыгнуть в сторону, и тут увидел такое, что сразу забыл о вспыхнувшем в нём яростном желании хорошенько отчитать за неосторожность этого двуногого мамонта.

...На топчане, замотанный в обрывок защитной прорезиненной материи, лежал младенец... Живой... Крохотный... Колли давно не видел таких малышей, а этому было не больше одного - двух дней от родов. Его сморщенное старческое личико отражало безмятежность сна, в котором кроха ещё попросту не могла видеть сновидений.

Колли почти на цыпочках подошёл к топчану и машинально потрогал розовый лобик младенца. Лобик был влажным и горячим, хотя на планете стояла лютая зима.

- Вот... - глупым тоном сказал за спиной химика Калашников, - получите с улыбкой...

- Что - вот?.. - не понял Колли. - Ты его что - родил?.. Сам?.. От кого, если не секрет?..

- От Святого Духа! - лениво огрызнулся Калашников. - Что теперь будем делать?..

Колли резко повернулся. Калашников держал в руках респиратор, который, очевидно, только что снял с загадочного ребёнка, чтобы тот не задохнулся в камере от жуткой вони, и лицо его не казалось умнее только что сказанных им слов.

- Что делать?.. - Колли обернулся к малышу, совсем недавно пришедшему в этот мир, но спавшему с выражением лица старого скептика, уже знавшего, что он ни на что не годен. - Что делать... Для начала хотя бы объясни, где ты выкопал это чадо?..

- Вот именно - выкопал!.. - сказал Калашников зло, освобождаясь от спецкостюма. - В сугробе... Под самой дверью нашей Станции... Чуть не споткнулся...

- Подкидыш... - таинственно сказал Колли.

- Ага! - громыхнул Калашников, отбрасывая в сторону липкое снаряжение. - Трёхголовая мимикрода приволокла нам в хитиновом подоле незаконнорожденного!

Колли согласно кивал головой, совершенно не вникая в суть слов Калашникова, и поедая глазами младенца. Всё происходящее по-прежнему казалось ему великолепной мистификацией. Хотелось шумно зааплодировать и коллективно запрыгать от телячьего восторга.

- И всё-таки, откуда он тут мог взяться?.. До ближайшей беременной женщины, если я не сильно ошибаюсь, шесть световых лет, а мимикрода вряд ли сможет производить на свет гуманоидов. Даже если кто-нибудь из нас с ней и согрешит...

- Тьфу на тебя! - осерчал нравственный Калашников. - Что за гадости ты мне говоришь?! И какая, собственно разница, откуда взялся этот ребёнок?! Он здесь, и теперь мы просто обязаны о нём позаботиться! Разбираться будем потом!
Колли озабоченно почесал затылок.
- Надо собирать народ...

////////////////////////////////////

...Младенец проснулся и поднял жуткий крик в самый разгар темпераментной дискуссии, когда Хаусман был уже почти готов признать своё случайное отцовство.

- Тихо! - рявкнул Калашников во всю богатырскую мощь своих лёгких. - Разорались тут! Разбудили на свою голову! Сейчас он нам устроит! Кто знает, чем кормят новорожденных?!

- Грудью... - едко сказал Колли. - Специалисты есть?..

Все молчали - никто пока не имел подобного опыта.

- Я могу имплантировать под кожу затравку, которая инициирует развитие молочных желез... - лениво сказал Дюпон. - Хорошую лактацию гарантирую. Добровольцы - шаг вперёд!

Калашников машинально глянул на свою косматую грудь, рвущуюся из тесной майки.

- Нет, только не тебе! - испуганно запротестовал Дюпон. - Ты исключаяешься! У тебя он умрёт с голоду раньше, чем раскопает в этих дебрях то, что ему нужно!

- А сколько надо грудей?.. - заинтересованно спросил любопытный Родригес.

- Да хоть десять! - с готовностью откликнулся Дюпон. - Могу даже в два ряда по всему животу!

- Я тебе что - свиноматка?! - обиделся Родригес. - Куда мне столько-то?! Вас, дармоедов, кормить?! И я это так, из любопытства... Живую женщину сто лет не видели, хоть на фрагменты посмотреть...

- Тогда некому станет работать! - проревел Калашников. - Все будут только и делать, что смотреть на фрагменты!

Младенец орал так, как мог шуметь только абсолютно пустой желудок. Возле него совершенно неквалифицированно суетился Хаусман. Технику безопасности он, разумеется, не соблюдал, поэтому младенец тут же цапнул его за случайно подвернувшийся палец. Голодный крик сменился не менее голодным чмоканьем.

- А что потом?.. - не унимался Родригес, глядя на бессмысленное занятие новорожденного.

- Могу вырезать, а могу и оставить. По желанию клиента... Или всех остальных...

- Ага... - сказал Родригес многозначительно. - Если получатся красивыми, то можно будет и оставить. Только две, чтобы не портить эстетическое восприятие...

- Не отвлекаться! - рванул воздух лужёной глоткой Калашников. - Ближе к делу! Вы слышите, как он хочет жрать?!

- Концентрированное молоко у нас найдётся, - задумчиво размышлял вслух Хаусман, глядя на остатки своего пальца, торчавшие изо рта младенца. - Соски мы можем сделать из резиновых перчаток. Но ведь это только половина дела. Как я слышал, грудные младенцы часто портят пелёнки. И ещё они иногда болеют...

Дюпон поднял вверх обе руки.

- Ребята, на меня надежд мало! Я рутинный травматолог, а тут требуется квалифицированный педиатр!

- Не прибедайтесь! - проревел Калашников. - Что у него творится внутри, ты знаешь, а это уже большое дело! Установим круглосуточное дежурство до тех пор, пока не прилетит вахтовый корабль! Пацан к тому времени уже будет ползать, и делать пи - пи в кастрюлю!

- Какой пацан?.. - оживился Колли.

- Наш! Наш! - прогремывал Калашников. Младенец вздрагивал от его голоса, но пальца Хаусмана не отпускал. - Тот, которого мы теперь будем коллективно вскармливать! Сын полка!

Колли удивлённо глянул на свёрток посреди топчана, высасывавший из костлявого Хаусмана последние капли соков.

- А с чего ты взял, что это пацан?.. Экспертизы же ещё не было... Только собирались...

- В сугробе он лежал голый! Совершенно! И рядом с ним на снегу не было следов...

////////////////////////////////////

...Калашников осторожно приоткрыл скрипучую дверь в медицинский отсек и на цыпочках вошёл внутрь. Дюпон, которому выпало огромное счастье дежурить первым, спал прямо за столом, положив голову на сцепленные руки. Юный и пока безмянный сын пяти отцов, раскидав свои крохотные ручонки, безмятежно спал на операционном столе, запеленатый в криво изрезанную скальпелем больничную простыню. Рядом с Дюпоном стояла целая батарея пустых, початых и полных бутылочек с молоком, сделанных из-под ёмкостей для глицерина, и слабый свет ночника делал их похожими на снаряды бризантной пушки.

Калашников подошёл и любовно поправил на спящем малыше импровизированный конверт. Младенец во сне замотал головкой и зачмокал сложенными в трубочку пухлыми губками, продолжая любимое во время бодрствования занятие.

- «Брюнет... - довольно подумал Сергей. - С голубыми глазами... Весь в меня, мерзавец...»

Дверь за его спиной опять тихонько скрипнула. Калашников медленно и осторожно обернулся, стараясь ничего не зацепить в слишком тесном для него помещении.

...В отсек почти по-пластунски вползал Хаусман. Калашников приложил к своим губам палец, намекая. Вилли энергично закивал и подошёл к ребёнку. Он почему-то был босой.

- Чего не спишь?.. - попытался прошептать Калашников. - Бессонница одолела?..

- А ты?

- Я его первый отец. Я его нашёл.

- А я второй. Я ему делал соски.

- Только тихо... - неудачно пробовал шептать Сергей.

- Само собой... - Хаусман нагнулся над спящим дитём, и бережно поправил на нём и без того безукоризненное одеяльце из шерстяной внутренней обивки вездехода.

- Спит, злодей... И в ус не дует...

...Дверь снова негромко скрипнула.

- Колли... - попробовал угадать Хаусман.

- Нет, Родригес... - с трудом прошептал Калашников, которому привычнее было орать. - Колли никогда не любил детей...

...Они шли один за другим и были страшно удивлены, увидев в отсеке посторонних.

- Какого чёрта?.. - прошептал Колли, разглаживая на ребёнке самодельный подгузник.

- Вот именно... - поддакнул ему Родригес, прикрывая салфеткой ночник, который и так не светил малышу на личико.

- Ну вот... - сказал Хаусман тоном многодетного отца. - Вся семейка в полном сборе. В какой последовательности будем нянчиться эту ночь, папаши, раз уж не хотим соблюдать законный график? Серж, конечно, вне всякой конкуренции, а нам придётся тянуть жребий. Жак своё уже получил, нам до утра тоже кое-что достанется. Никому не будет обидно...

////////////////////////////////////

...Дюпон проснулся оттого, что отлежал руки. Он потянулся и поднял голову. По рукам дикими стадами носились мурашки, а на всех топчанах вповалку спали нянки. Гигантский Калашников свешивался со всех сторон, тощий Хаусман напоминал сложенный в несколько раз складной метр, а пухлый Родригес, почему-то мёрзший даже летом, был закутан в принесённое им из его каюты одеяло.

Колли тоже крепко спал сидя, возле операционного стола. Последней была его очередь, и он мужественно заснул на своём боевом посту, мёртвой хваткой зажав в руках опорожнённую бутылочку из-под глицерина или разведённого гущённого молока.

За окном было уже совсем светло, и Дюпон выключил ставший совершенно бесполезным тусклый ночник. Размяв онемевшие руки и шею, он подошёл к малышу.

Ребёнок уже не спал. Он лежал, играя пальчиками выпростанных из ненадёжных пелёнок ручек и, глядя на Жака огромными, необыкновенно живыми и удивительно умными для его возраста глазами, улыбался ему ещё беззубым ртом. Дюпону показалось, что младенец сильно вырос за эту ночь. Он уже не выглядел новорожденным, а больше походил на раннего ползунка. Хотя, выпив столько молока, можно было уже и заходить...

- Отцы! - громко сказал Жак. - Что же вы все проспали своё дитяти?! А ему скучно!

Калашников шумно свалился со слишком тесного для него жёсткого топчана на простор пола, Хаусман стал с кряхтением раскладываться, как рулетка, а Колли уронил пустую посуду. Только Родригеса, как всегда, с первого раза не проняло, тогда с него молча содрали одеяло, и этого оказалось вполне достаточно.

Хаусман нехотя подошёл к огромной куче грязных пелёнок в углу отсека, двумя пальцами приподнял одну из них, понюхал воздух, и брезгливо скривился.

- И откуда только он берёт эту гадость?.. В молоке вроде ничего такого не было...

- Это он специально для тебя, - ехидно сказал Дюпон. - Он знал, что первым их будешь стирать ты...

Они все пятеро сгрудились около операционного стола и принялись услаждать ребёнка, а больше самих себя всевозможными «козами», гримасами и сюсюканьем. Младенец был счастлив!

И вдруг он перестал улыбаться; в глазах его появилось странное выражение. Он округлил свой крохотный ротик...

- «Доброе утро»... - услышал Калашников.

- «Good morning»... - услышал Колли.

- «Guten Morgen»... - услышал Хаусман.
 - «Bon matin»... - услышал Дюпон.
 - «Buenos días»...- услышал Родригес.
 -...Вы прошли вступительный экзамен в начальный класс Галактической гимназии... Я ваш первый Учитель... Меня зовут...»

*Самые сложные
 проблемы
 делаются из самых
 простых вещей.*

* * * * *

АГРЕССИЯ

*Змея вползает в дом незаметно.
 Мирза Бедиль*

-...Однако, какие, всё-таки, наглецы! - сердито кричал Тиротон из ванной комнаты, стараясь перекрыть своим дряхлым голосом шум воды в кране. - Нахалы, можно сказать! «- Мы вас поработим! Мы вас всех обратим в свою Веру! Вы станете нами, а мы - вами!» Что такое, извините вас спросить, они имеют в виду?! И кому они это нагло заявляют?! Нам, освоившим почти пол-Галактики?! И кто заявляет?! Эти, едва оперившиеся для полётов в Космосе птенцы?! Детский сад какой-то! От горшка - два вершка, а туда же! Не наигрались ещё в войнушку!

Он соскоблил со второй щеки остатки мыльной пены с суточной седой щетиной, отфыркиваясь, с удовольствием умылся холодной водой из-под крана, и, повертев перед зеркалом головой, остался собою частично доволен, частично восхищён.

Старая добрая опасная бритва - это вам не какая-нибудь там фотонная смолилка, после которой ты пару часов ощущаешь древесную жёсткость собственного лица и запах себя палёного. Старая добрая опасная бритва - это гладкость кожи и прекрасный цвет щёк.

- «Мы захватим вас незаметно для вас самих...» – сердито бурча себе под нос чужие цитаты, Тиротон мысленным приказом закрыл водопроводный кран, и спрятал в шкафчик бритвенные принадлежности. - Как это, позвольте вас узнать?..

От питательного крема после бритья кожу лица приятно защищало, и Тиротон сразу почувствовал себя помолодевшим как минимум на две своих долгих жизни.

- Матильда, как ты себе представляешь захват, совершенно незаметный для нас самих?

- Как?... - отозвалась жена с кухни. - Да очень просто, дорогой! Захватила же я тебя когда-то! Ты тоже этого не заметил!

- Н-ну, ты, как всегда, утрируешь... - недовольно сказал Тиротон, направляясь к ней. - Тут ведь совсем другое дело! Ситуация-то совершенно неординарная!

В широкой двери кухни он замер от неожиданности и удивлённо уставился на стол, накрытый сегодня почти по-праздничному, и ещё сильнее благоухавший.

- У нас с тобой нынче, случайно, не юбилей ли свадьбы?... - с сомнением спросил Тиротон, поспешно роясь в своей основательно загромождённой склерозом и делами памяти. - Для меня было бы непростительным промахом забыть такое событие!

- О, нет, успокойся, дорогой! Это всего лишь семейное торжество по поводу твоего нового назначения. Маленький банкетик в честь коронованного спасителя цивилизации.

Тиротон расплылся в довольной улыбке.

- Матильда, дорогая, ты меня опять незаслуженно балуешь. И не только желудочно...

- Вовсе нет, дорогой! Вовсе нет! Я твоя жена и кому как не мне положено лелеять и тешить твоё честолюбие! Честолюбие мужчин нуждается в поливе, как цветы в розарии. А честолюбие женщины всегда сыто честолюбием её мужа.

Она сама разлила вино по бокалам.

- За тебя!

Они стоя выпили до дна.

- Забавно... - сказал Тиротон, подсаживаясь к столу и беря в руки столовые приборы. - Скажи мне всё это кто другой, я бы, наверное, оскорбился, сочтя такую похвалу злой насмешкой или корыстной лестью. А от родной жены приятно слышать всё. Даже явную глупость...

- Ну не такая уж это и глупость, дорогой, если хорошенько разобраться, - возразила Матильда, не принимая по привычке последние слова на свой счёт. - Кандидатов на этот пост были сотни, а выбрали именно тебя. И почти единогласно!

- И всё-таки, любимая жёнушка, ты преувеличиваешь масштабы события, - нравоучительно начал Тиротон, начиная одновременно и трапезу. - Дело ведь не столько в способностях конкретного кандидата, сколько в его позиции. Просто я не поддался этой необъяснимой панике перед угрозой возможной инопланетной интервенции, и мои доводы в пользу лишь ограниченных мер безопасности оказались самыми убедительными. Наш народ любит считать затраты, а я свёл их к возможному минимуму.

- Ну, а если ты действительно недооцениваешь противника, и всё может закончиться катастрофой?

- Зато ты его, похоже, переоцениваешь! - фыркнул Тиротом с полным ртом. - И даже в большей степени, чем мои оппоненты! - с возмущением добавил он, торопливо проглатывая мешавший изрекать прописные истины кусок хорошо прожаренной ветчины. - Женщина не должна соваться в мужские драки. Это дело сильных, а не красивых!

Матильда тактично и привычно промолчала, чувствуя, что слегка переборщила. Почти полвека замужества сделали её неплохим политиком в семейной жизни, однако поддерживать статус-кво на должном уровне ей удавалось далеко не всегда.

- Ты поддаёшься магии толпы, моя дорогая, - всё так же нравоучительно продолжил Тиротон, внимательно приглядываясь к незнакомому блюду под маринадом. - А толпа - это всего лишь Панургово стадо и вся беда в том, что баранов в нём чаще всего бывает гораздо больше одного, поэтому оно распадается на множество отар, каждая из которых бежит за своим вожаком. И получается полный разброд, в то время как для гарантированной победы требуется, прежде всего, единство.

- А ты уверен в том, что твоя программа так уж надёжна? - робко прозондировала Матильда ситуацию.

- Я не сомневаюсь в её абсолютном успехе! - гордо заявил Тиротон, роняя на пол крошки и выпячивая из халата тощую грудь, покрытую седым мхом. - Вторжение должно было начаться шестого июля, а сегодня уже десятое! И где они, твои пришельцы?! Где?!

Он шутиливо заглянул под стол, потом в вырез декольтированной кофточки жены.

- Где же они?! Что-то я их не вижу!

Матильда сердито, но не больно шлёпнула его по излишне шаловливой руке.

- Я совершенно серьёзно, а ты... Может, они просто сдвинули сроки или слегка переменили планы. Или даже они уже здесь, а мы этого просто не замечаем...

- Возможно. Но, скорее всего, нас элементарно запугивают. Берут, так сказать, на испуг. Однако мы - не робкого десятка планета. Мы уверены в своей мощи и всегда сумеем приструнить всякого, кто попытается нам угрожать! С помощью моей программы!

Сбавляя накал страстей, Матильда помолчала, наливая мужу в чашку горячего чая.

- Где они сейчас?..

Тиротон брезгливо усмехнулся в полупустую тарелку, как в лицо трусливому противнику.

- На сегодняшний день они даже дальше, чем были в момент своего наглого заявления! Струсил! А ведь утверждали, что их оружие невидимо, неслышимо и непобедимо! Каково?! Мы, конечно, прослушиваем Космос во всех диапазонах, но пока не заметили каких-либо отклонений от обычных показаний. Уверен, что это типичный блеф!

Матильда поставила на середину стола вместительную розетку с густым вареньем.

- Всё это - бумажные шутихи, милочка моя... - невнятно проговорил Тиротон, вторично вонзая опустевшую ложку в его малиновую сладкую плоть. - Ни атак, ни излучений, ни даже новых угроз. Мы им оказались не по зубам... Похоже, они ушли совсем. И ушли очень далеко. Запугивать тех, кто трусливее нас.

- Испугавшись твоей непобедимой программы... - добавила Матильда для эффектности.

Тиротон с подозрением посмотрел жене в глаза, ища в них замаскированную насмешку, но там были только единомыслие и гордость. Если Матильда действительно тешила его честолюбие, то делала это весьма искусно и, главное, безуспешно...

- Может быть... Быть может... Будем не торопиться с выводами... Постов от авангардных с угрожающих сообщений нет пока...

- К Президенту пойдёшь сегодня ты?

- Нет нужды особой. Не ситуация экстремальная.

- Д-о-б-а-в-и-т-ь е-щ-ё т-е-б-е? - спросила Матильда, видя, что чашка мужа опустела.

- П-о-ж-а-л-у-й-с-т-а, д-а, - не стал отказываться Тиротон от столь любимого им напитка. - У-д-а-л-с-я с-е-г-о-д-н-я ч-а-й т-е-б-е. В-с-ё и о-с-т-а-л-ь-н-о-е к-а-к.

- Чепенья чехошь не?

Тиротон задавленно вздохнул.

- Сты я, тен, сибоспа... Юча лькото... - он тихонько прихлёбывал остывающий бальзам для его души, всё больше размякая.

- Зажердивайся не годнясе ыт, - традиционно попросила «Матильда», заранее зная, что просьба опять не будет выполнена.

«Тиротон» развёл тремя руками.

- Виситза сие от немя не...

- Поминаю я, тственыйотве векочел ыт, он мода жнону ватьбы щеча...
 - Чассей ен... Бедиться, жнону, сностьопа нимовала что...
 «Матильда» встала из-за стола и принялась сдвухать грязную посуду в мойку. «Тиротон» сидел, сыто нежась. Он не любил покидать кухню сразу после еды. Это был выработанный многими годами чревоугоднический ритуал частичного аскета. Он не злоупотреблял едой, но и не отказывал себе в её удовольствиях. И жена это прекрасно знала.
 - Машина придёт ско7о? - спросила «Матильда» как можно мягче. Она уже осторожничала и следила, чтобы в её речи трудно было найти намёк. У мужа в последнее время от сильнейшей нагрузки слегка барахлили и без того неважные нервы.
 - Полча2а чере9.
 - Дива8е 8а поле51.
 «Тиротон» с сожалением встал.
 - 8ет. Ра22лаблять2я 8ель9я м8е.
 - Хочеш0 За3. 5да70 7е4я с3о7ь3о во?
 - О4ыч8о За3.
 - Я 5да1ь 4убу.
 «Тиротон» благодарно чмокнул жену в колючую щёчку и пошёл переодеваться.
 - 29765 18564, 798 12653... - замурлыкал он, вставая перед зеркалом, и начал завязывать на талии галстук, привезённый из поездки в Южное Полушарие. Объёмный рисунок ярко сверкал, играясь со своим отражением в волнистом зеркале.
 - 53764200 653%? - спросила из кухни «Матильда». Она уже заканчивала с грязной посудой.
 - 3: =?469... - ответил «Тиротон» лениво. Хорошая еда действовала на него расслабляюще.
 «Матильда» всплыла к нему в комнату и критически осмотрела мужа изнутри наружу.
 - !?# -56, - сказала она довольно. - ,:?!
 «Тиротону» была приятна похвала, но он не подал виду.
 - /#-:?!/? - поинтересовалась «Матильда», глянув в себе на молекулярные часы.
 -...//%! - успокоил её «Тиротон». Она всегда беспокоилась о том, чтобы он не опоздал на свою сверхответственную работу, хотя и сейчас времени было ещё с запасом.
 - ,:/?
 - #-'/?!/:.
 Они телепатически вяло просто переговаривались, убивая последние свободные миллисекунды.
 -
 -
 -
 -
 !
 Наконец зазвучал ультразвуковой гонг. «Тиротон» прощально отсалютовал жене оранжевым цветом, воспарил над полом и сквозь входную дверь диффундировал в подъезд.
 - «
 , - с гордостью подумала «Матильда», с журчанием перетекая в кухню. –
 «.
 Как всякий любящий мужа положительный селективный монополь, она верила в свою вторую половину безоглядно. Верила в ее пронизательный ум, в её непобедимую силу, в её несравненную хитрость. Такие не проигрывают сражений, такие только побеждают!

*Высота положения
 не избавляет от положения,
 когда можно
 оказаться
 не на высоте...*

ЭКСКУРССЕЯ

*... мне туда...
 Владимир Высоцкий*

Что пахнет чем-то, откровенно, копчёным, Пер-Жен понял почти сразу же, как только худосочный угловатый парень с серым от долгого пребывания вне планет лицом и эгоцентристскими замашками истинного гуманоида, не воспользовавшись гарантированными услугами обаятельнейшей и

предусмотрительнейшей стюардессы, встал со своего кресла, и решительно двинулся к пилотской кабине. Он нервно оглянулся на других пассажиров, и хмурый его взгляд сказал Пер-Жену о несомненно коллективной сути предстоящего мероприятия.

Пер-Жен осторожно повернул голову, заранее готовясь ко всякого рода сюрпризам.

...Ещё трое неохиппующих юнцов синхронно выбирались из уютных кресел и деловито вытаскивали из многочисленных складок своих балахонистых последних визгов моды неведомо как пронесённые сквозь контрольные полицейские посты автоматы. Пассажиры, слегка ошеломлённые происходящим и его видимой обыденностью, пока не приходили в себя, а Пер-Жен уже начинал оттуда выходить.

- «Только этого мне и не доставало!»

Он поспешно отвернулся от вызывавшего отвращение зрелища и посмотрел в переднюю часть салона. Там пейзаж был несколько не лучше. Тоже трое и тоже вооружены до зубов. Или до клыков... Или... Что там ещё может быть у этих признанных уродов?!

- «Ротозеи! - с чувством подумал Пер-Жен о патрульных космопорта. - Таких даже и ощупывать не надо было - на мордах написано, какой калибр за пазухой!»

Он тяжело вздохнул.

- «И куда же мы все теперь?..»

...Из пилотской выпал счастливый владелец серой личности. Там, похоже, дела были в полном ажуре.

- Леди и джентльмены! - сипло выпустил он из себя свой предельно тощий дух. - Дамы и господа! Медам и мсье! Земляки!!! Прошу всего лишь минутного внимания!

- «Тердосский крулк тебе земляк! - с отвращением подумал о нём Пер-Жен. - Ты сначала хорошенько полюбуйся на свою рожу в зеркале, а потом уже говори о каком-нибудь родстве!»

- Есть приятные новости! - продолжал серолицый с воодушевлением. - Поступило хорошее предложение отклониться от набившего всем оскомину рутинного маршрута и совершить, так сказать, небольшой экскурс! За счёт фирмы, разумеется! Мы ей только посоветовали, и она с радостью пошла нам навстречу!

Он решительно полез корявой лапой к себе за пазуху, и Пер-Жен равнодушно отвернулся к иллюминатору, наперёд зная, что тот прячет на своей рахитичной груди.

Наконец-то истерично завизжала огорчённая незапланированной новостью стюардесса, а над головами притихших пассажиров вдоль салона сухо протарахтела скудная автоматная очередь.

- «Туалет насквозь прошли... - подумал Пер-Жен с возмущением, которое ещё можно было скрыть от посторонних. - Бандиты, а если там кто сейчас сидит?!»

- Я повторяю ещё раз! - терпеливо сказал парень, покачивая стволом своего убедительного многозарядника. - Для тех, кто не расслышал! Мы теперь летим не на Афродиту, а на Пенелопу! Я понимаю, что это совершенно не входило в ваши оплаченные планы, земляки, но обстоятельства вынуждают нас быть излишне требовательными!

- «Нервничает... - уверенно подумал Пер-Жен. - Оттого и болтлив. Сам себя подбадривает. Зелёный...»

- Это не слишком долго, земляки, - энергично продолжал юнец с многозарядным автоматом. - Поэтому попрошу всех сохранять спокойствие и благоразумие!

- «М-м-м-да... - мысленно вздохнул Пер-Жен. - Планы действительно несколько видоизменяются... Ну что ж, так даже интереснее. А журналисты вообще захлебнутся от счастья. «ТЕРРОРИСТЫ - ТАКРИЛОТЫ!!! ЗАХВАТ ТУРИСТИЧЕСКОГО ЛАЙНЕРА!!! ИЗРЕШЕЧЕННОЕ ПУЛЯМИ ОТХОЖЕЕ МЕСТО!!! СТЮАРДЕССА В ОБМОРОКЕ, ПАССАЖИРЫ - В ШОКЕ, ПЕР-ЖЕН - В ВОСТОРГЕ!!!»

...В салоне почти слитно многоголосо пшикнуло, отчего Пер-Жен выпал из своих грёз и поднял голову.

...Захватчики оседали на пол, со стуком роняя автоматы и пистолеты, а из кресел рядом с ними неторопливо выползали рыжеволосые кридулы с аэрозольными мортирами наперевес.

- «Хорошо! - мысленно похвалил их Пер-Жен за профессионализм. - Молодцы! Слаженно действовали! Вот всегда бы так! А то развелось, понимаешь, этих межзвёздных хулиганов с жуткострельным оружием! Никакого от них житья!»

Тем временем кридулы подозрительно равномерно распределялись по салону, держа пассажиров на прицеле. Их было девяттеро, и все они уже нацепили на себя непроницаемые чёрные маски.

- Тихо! - грубо, но солидно скрипнул челюстями обладатель крючковатого носа, свисавшего почти до самого пола. - Хрыть, смердяки! Не вякать! Корыто теперя плывёт в другое болото!

Он отпихнул в сторону второй раз серьёзно грохнутую обухом по голове стюардессу, и шестиного засеменил к ещё ничего не ведавшим пилотам лайнера.

- «Тьфу ты!.. - ещё больше расстроился Пер-Жен. - Опять тебе пожалуйста террористы! А я-то грешным делом подумал, что они из службы обеспечения безопасности перелётов! И куда же мы летим теперь? Не иначе как на пиратскую «Паучью Ривьеру»!

...Из пилотской кабины выпал довольный рыжий паук со съехавшей набок маской.

- Ша, хрунчавки! Цыц! Летим на Арахну!

Пер-Жен вздохнул.

- «Это ещё дальше, чем предыдущая Пенелопа. Горючки может и не хватить... А было бы весьма интересно полюбоваться на эту планетку вблизи. Никогда там не бывал...»

- Прошу не журчать и не фукать! - пытался рыжеволосый быть слегка интеллигентным. - Мы не мокрятники! Не вертухаться, тогда не получите по нижним мозгам! И по верхним тоже!

- «О, Боже! - подумал Пер-Жен с тоской. - И кого мы только не принимаем в Союз! Троглодиты! Дикарьё!! Варвары!!!»

Он огорчённо отвернулся к иллюминатору. Там в отличие от всего прочего был неизменно чёрный Космос и сверкающие звёзды.

- «Это всё не для цивилизованных людей, а для газетчиков! - продолжал он свои медлительные размышления. «- ТАКРИЛОТЫ ЗАХВАТИЛИ ПАССАЖИРОВ ЛАЙНЕРА, А КРИДУЛЫ СЦАПАЛИ ТАКРИЛОТОВ!!! А ПОЛИЦИЯ ХВАТАЕТСЯ ЗА ГОЛОВЫ!!! ИЛИ ЗА ДРУГИЕ МЕСТА?..»

...Под потолком салона с шипящим треском прошлись ветвистые молнии. Оглушённый кридул рухнул на соседа Пер-Жена. Тот торопливо спихнул его и нагнулся, пряча голову от новых неожиданностей.

- Не нервничать!!! - зычно прокатилось по лайнеру. - Власть опять переменялась!!! Летим на Ову!!!

Пер-Жен со всё возрастающим любопытством выглянул из-за ряда надёжных кресел.

...По уже загромождённому оглушёнными телами проходу шумно скакали с десятков квохчущих орнитодеров. Белая, окончательно ошалевшая от суматошных событий дня стюардесса мраморной кариатидой окаменела на стенке салона, а в пилотскую кабину, яростно пихаясь, лезли сразу трое желторотых петушков с фульгуляторами, и их надтреснутое мальчишеское кукареканье угрожающе повышалось в тонах.

- «Театр абсурда... - Пер-Жен отрешённо помотал головой. - Мы хоть куда-нибудь летим или уже нет?!..»

...Бойцовый петух взлетел на багажную полку и перевесил через крыло тяжёлый излучатель.

- Спокойно, млекопитающие, и все другие прочие! Икру не метать, яйца не нести! Всё будет цивилизовано! Слетаем к нам домой, а потом катитесь хоть на все четырёста!

В пилотской послышались крики, кукареканье, наружу полетели перья. Из полутьмы переходного отсека кубарем вылетел растерзанный петушок, сносимый на сторону массивным фульгулятором. Оттуда же на него коршуном упал другой; началась потасовка, салон наполнился летучим пухом. Петушки скакали по спинкам кресел и головам пассажиров, и темпераментно выясняли свои террористические отношения.

- «Конец Света... - устало подумал вконец огорчённый Пер-Жен. - Ещё одна смена главных героев и мы смело можем лететь в ближайшую галактическую психушку...»

...Он почти глядел под воду. На протяжении следующего часа корабль регулярно захватывали банды кростозавров, перкаузов, совсем одуревших от избытка в атмосфере корабля, кислорода суставчатых огулей... Сосед Пер-Жена тоже оказался членом одной из шаек, после очередного дворцового переворота был «уговорен» парализатором, и уложен на груды своих не более удачливых предшественников у свободной стены салона. Бедная стюардесса, уже потерявшая способность пугаться и даже удивляться, стояла в углу, чтобы не мешать очередной группировке захватывать корабль, и только затравленно вертела очаровательной головкой.

Неожиданно для себя Пер-Жен вдруг обнаружил, что из пассивных пассажиров захваченного лайнера остался лишь он один... Все остальные, как оказалось, принадлежали к тому или иному бандитскому формированию, и теперь дружной горой валялись у стены салона, частично загромождая проход. Пятеро последних захватчиков с натугой закинули парализованные туши тех, кто командовал парадом непосредственно перед ними, в общую кучу, и сгрудились вокруг Пер-Жена, сиротливо сидевшего посередине совершенно пустого пассажирского салона.

- Ну, ты, кургузый... - зло сказал главарь террористов, больно ткнув Пер - Жена в грудь коротким стволом своей пушки. - Токо скрипни - бородавок не соберёшь!

Это было уже слишком! До сих пор Пер-Жен терпел всё происходящее, но издевательств над своей внешностью вынести не мог. Такие вещи прощать нельзя!

Он растянул секунду на час, связал прочными нитями силовых полей всех пятерых, застывших в другом течении времени друнделей, и скидал их по очереди в многочисленный коллектив у стены, накрыв образовавшуюся кучу - малу гравитационной сеткой. Затем он вернул времени его естественный вид, возвратился в своё кресло, и мило осклабился ещё не успевшей ничего понять королеве межзвёздного сервиса.

Стюардесса ошеломлённо оглядела пустой салон, коротко посмотрела на груды неудачливых захватчиков, и зафиксировала свой обворожительный взгляд на Пер-Жене.

- Какой вы, однако!.. - сказала она кокетливо, не скрывая своего восхищения.

- Пустяки... - смутился Пер-Жен. - Мелочи...

- Ну не скажите... На мой взгляд, это было просто великолепно! - она достала маленькое зеркальце, и, покосившись на дёргавшихся у стены, кровно обиженных друнделей, поправила на себе причёску, сбитую на бок недавними чрезмерно бурными событиями.

- Что-нибудь желаете?.. - спросила она, пряча сделавшее своё важное дело зеркальце.

- Да... - всё так же смущённо попросил Пер-Жен. - Пива безалкогольного, пожалуйста. Если можно...

- Победителю можно всё!.. - она пошла по салону, раскачивая бёдрами только для него одного.

- Момент! - остановил её Пер-Жен уже в дверях буфета - она пошла ему за пивом раньше, чем в пилотскую с радостным сообщением. - Ещё самая малость... Передайте, пожалуйста, экипажу корабля, что мы уже не летим ни на Афродиту, ни на Пенелопу, ни тем более на все остальные из заявленных планет... Улыбка с шуршанием ссыпалась с лица стюардессы на загаженный пухом, куриным помётом и оружием пол.

- Мне туда не надо... - добавил Пер-Жен тоном абсолютного победителя. - А надо мне...

*Стоя на горе,
трудно не смотреть
свысока...*

* * * * *

ВЕСНА ПРИШЛА...

Чем реже удовольствие, тем оно приятнее...

...Наш истрёпанный крепкими гравитационными бурями, основательно обшарпанный разнокалиберными метеоритами, но, тем не менее, пока очень и очень молодящийся «Геркулес», гордо несущий своё мифическое имя ещё со времён незабвенного царя Гороха, несмотря на весьма почтенный возраст и интенсивно сыплющийся из него песок, прилетел в эту тмутараканскую звёздную систему исключительно по чьему-то бюрократическому недоразумению. Уже на самом полёте к ней вдруг выяснилось, что какой-то дипломированный олух властителя небесного, подпольно окопавшийся в нашем родном Звёздном Управлении, непостижимым образом перепутал новисторы и заложил в дряхлые мозги «Геркулеса» совершенно не ту курсовую программу, чем вызвал в них довольно внушительный заворот. Было вообще непонятно, как при всех современных системах дублирования, чёрт те знает какого резервирования и контроля, ошибка всё-таки пролезла в окончательные расчёты трассы нашего полёта.

Но факт настырно оставался наглым фактом. Корабль вылез из мрачного подвала «потустороннего пространства» на свет божий непонятно где, и непонятно зачем...

Пока мы надрывали наши многочисленные глотки, перечисляя всех животных, которых считали ближайшими родственниками этого растяпы из Звёздного Управления, Вычислитель, наконец, определил наши Галактические координаты.

Тут мы сразу переменяли тон, и стали хором прочить своему недавнему врагу в родню уже совсем других представителей земной и инопланетной фауны, гораздо более благородного происхождения, так как он по своей счастливой для «Геркулеса» оплошности забросил нас в совершенно неисследованную область Галактики!

Это же было невероятной удачей! Курсанты последнего курса Звёздной Академии вместо дипломного экзаменационного рейса по заезженной, уставленной сплошным частоколом контрольных буёв, истоптанной почти босыми ногами дороге к Сириусу, попали к звезде, возле которой и духом-то человеческим никогда не пахло! Судя по плотной туманности, окружавшей систему, её центральная звезда взрывалась, как Новая, около десяти тысяч лет тому назад, возможная жизнь попросту не успевала здесь заново зародиться, а потому экспедиция сюда не представляла особого интереса и пока Управлением не планировалась.

Но это же для них! А для нас - то мир был самой настоящей Терра-Инкогнитой!

Мы радовались, как грудные дети! Ещё не выйдя на связь с Землёй, мы уже знали, что нас обратно не вернут. Было бы величайшей глупостью со стороны руководства не использовать эту непредвиденную возможность изучить неисследованную звезду. А заодно проверить и нас в реальной работе. Риск был практически равен нулю, принимая во внимание недавний взрыв Новой, и свойственную таким планетным системам классическую биологическую пассивность.

Так оно, разумеется, и вышло. После весьма недолгих размышлений очень далёкая Земля дала добро, предупредив нас, разумеется, на всякий случай. Это, мол, так и эдак, а это, мол, лучше вообще никак... И как можно подальше от греха...

Подлетая поближе к невзрачной звёздочке, носившей прозаическое название: аА - 67, 356/vV - 94, 532, и не получившей ещё имени собственного по причине неисследованности и неказистости, мы уже определили, что звезда представляет собой широкую двойную систему и имеет лишь две планеты, из которых только одна, ближайшая, находится в гипотетической «Зоне Жизни», поэтому мы, не слишком долго раздумывая, на всех парах дунули напрямик к ней.

Нас ожидало гарантированное разочарование. Планета была начисто лишена какой бы то ни было атмосферы, и имела довольно-таки неприглядный вид. Как выяснилось, при взрыве центральной звезды она оказалась в её фотосфере и была при этом довольно основательно облизана её раскалённым языком. Совершенно голая, почти ровная, похожая на огромный бильярдный шар, планета не вызывала никаких положительных эмоций, и Вагнер мрачно предложил назвать её «Лысиной». Большинство было против, тогда Вагнер попытался протолкнуть «Плешь». Когда и это название не прошло, он заявил, что других синонимов голого черепа не знает, а потому отказывается от дальнейшего участия в конкурсе.

После короткого голосования остановились на «Сократе», чем вызвали неопикуемый восторг Вагнера. Когда я пришёл к нему в каюту и сообщил об утверждённом названии, он по-жеребьячьи заржал и, упав на диван, захлопал в ладоши.

- Bravo, братцы! Брависсимо! В лоб назвать не захотели, пошли в обход! Теперь, глядя на планету, каждый будет вспоминать, какая у Сократа имелась на голове лысина!

Звезду с непередаваемым названием, которое даже привыкшие к таким буквенным и цифровым смесям астрономы не могли повторить по памяти, окрестили «Люпусом», учитывая его дикую страсть время от времени глотать нашего «Сократа». Судя по всему, «Люпус» был повторной Новой, и проделывал это довольно регулярно.

Спутник «Люпуса» тоже не был обойден нашим пристальным вниманием. Поскольку он регулярно снабжал главную звезду веществом и по сути дела провоцировал его на вспышки, мы причислили и его к хищному волчьему роду, обозвав «Вольфом».

Да, я чуть было не забыл про вторую планету! Она была слишком далека от обеих «волков» и потому весьма основательно заморожена Космосом. Мы, не сговариваясь, окрестили её «Ксантиппой», чтобы нашему «Сократу» не было так одиноко. Автоматический зонд, отправленный к ней для исследований, показал холодный и безжизненный мир, покрытый смёрзшимися газами. Мы оставили аппарат «Ксантиппе» во временное пользование, а сами вплотную занялись «Сократом».

Почти две недели мы его обнюхивали, ощупывали и оглядывали со всех плешивых сторон. «Люпус» действительно являлся повторной Новой - шкура «Сократа» хранила на себе следы множества вспышек, разделённых промежутками от одной до пятнадцати тысяч лет. Воистину, нашему бедному старому «Сократу» тоже жилось несладко...

Мы работали с огоньком! Дел с избытком хватило всем. Бурили грунт, искали следы былой атмосферы, составляли первичные карты. Но всё это было так, проформой, обязательной, так сказать, программой. Земля деловито задавала вопросы и давала смехотворные задания вроде поисков реликтовых форм жизни в любых её проявлениях. То есть, искать микробов. Ха! Так это же курам на хохот!

А мы упорно искали что-нибудь этакое... В семнадцать лет трудно не желать необычного, неожиданного...

И мы таки нашли!!! На двенадцатый день нашего исследовательского прозябания, полного рутины, плесени и паутины, откуда-то из экваториальной области в мыле прискакал Сато и, разбрызгивая вокруг себя пену, и округляя узкие глаза, принялся взахлёб рассказывать о странной котловине, обнаруженной им на шестом градусе северной широты и девяносто пятом - восточной долготы.

Быстренько разложили на полу новоиспечённую карту. Как оказалась, котловина просматривалась и с орбиты, но пока на карте были лишь глобальные масштабы деталей, не позволявшие разглядеть подробности. Так вот, по словам Сато, котловина имела около пяти километров в поперечнике и метров триста - в глубину. И она была доверху заполнена то ли живыми организмами, то ли растениями, напоминавшими большие тонкие листы бумаги, скользящие над грунтом планеты. Сато был настолько поражён увиденным, что даже не сделал снимков, а сразу примчался за подмогой. Он и его напарник достаточно хорошо разбирались лишь в своей любимой геологии, поэтому довольно бездарно и дилетантски описали то, что увидели.

Тут нужен был профессиональный парабиолог. Козлов и О'Брайан уже дёргались, как хорошие скакуны перед решающими бегами, и в нетерпении рвали тонкие постромки.

Правом, данным мне Землёй, как Первому Помощнику Капитана, я назначил себя старшим в группе и, кроме биологов, взял с собой ещё троих: биохимика, биофизика и ксенолога. Я сам пока не знал, к чему мне последний, но, тем не менее, взял...

Оседлав двухместных «кузнечиков», мы резво поскакали по азимуту. Сначала всё было прекрасно, но километрах в ста от конечной цели путешествия один из наших драндулетов внезапно захромал. Мы поковырялись в нём немного и с грустью поняли, что к финишу он придёт только на наших потных горбах.

Полетела трансмиссия, привод был лишь на переднюю пару ног, и «кузнечик» теперь мог только ползти в режиме непрерывного контакта с поверхностью планеты.

Я включил специально для Вагнера радиопеленг, чтобы неисправный вездеход не потерялся на бескрайних плешивых просторах нашего «Сократа», и дал всем команду хорошенько уплотниться в оставшихся двух машинах. Это было не шибко комфортабельно, но, во всяком случае, мы избавлялись от необходимости клянчить вездеход у других исследовательских групп, которые тоже были не очень-то ими богаты.

Мы с немалыми трудами зачихали себя самих в тесные кабинки оставшихся на ходу «кузнечиков». Мой ксенолог сидел тихо, как мышь, и я порадовался тому, что взял именно его, хотя специалист по внеземным цивилизациям был тут нужен, как огородное пугало посреди кишашего крокодилами Нила. Но Паркинс был самым мелким из нас, поэтому занял очень мало места. В соседней машине дела обстояли значительно хуже. Было слышно кряхтение и насадное пыхтение, потом О'Брайан с усилием проговорил: - Боливар не выдержит троих... - и колпак «кузнечика» захлопнулся.

Я озабоченно поинтересовался, не задавят ли они там друг друга в тесной машине насмерть, на что один из троих утробным голосом что-то буркнул в ответ, послав меня затем по неотложным делам в какое-то место с неразборчивым названием.

Я хмыкнул и поехал вперёд, разумно полагая, что раз они ещё способны острить, значит, до котловины постараются дожить.

- «Да, - думал я, ведя скрипящего от натуги «кузнечика», - это вам не полигон на планетах Сириуса... Судя по рассказам прошедших через него, там всё было совсем иначе. Запланированные другими игрушечные аварии, театрализованные зрелищные приключения, искусственные преграды... Там было много чего, не было только самого главного: вдохновения, азарта и радости первооткрытия... Была просто будничная работа и мысли о том, чтобы её хорошо оценили».

Резво скакать с нашими жирными тушами перегруженные «кузнечики» уже не могли, и мы целых два часа тащились до вожделенной канавы. Мои ребятки готовы были вылезть наружу, и пихать медлительные вездеходы, или вообще бежать до котловины исключительно своим ходом. Но «кузнечики» совершенно не реагировали на их азартные гиканья и понукания, и двигались почти черепашьим шагом, строго соразмеряя скорость движения со своими энергетическими возможностями.

Остановились мы в полукилометре от точки долгожданного финиша. Спешились. Я первым выбрался наружу.

Отсюда было хорошо видно, что там, в котловине, происходят какие-то, действительно удивительные события. Что-то там энергично шевелилось, изредка поднимаясь над её краем, и вновь таинственно опускаясь за него. В буссоль я разглядел те самые «листы», о которых так темпераментно рассказывал Сато.

Подошли товарищи.

- Ну, что будем делать, братцы? - спросил я, когда они встали рядом. Я видел, что все и в особенности биологи рвутся в бой, да и самому мне очень хотелось полюбоваться на эти листочки вблизи, но было интересно узнать мнение остальных.

- А что тут рассуждать?! - удивился Майковский. - Приборы в зубы и - айда! Пока они не разбежались!..

- Ну, айда, так айда... - я снял с обвешенного оружием Кидда свою офицерскую пыхтелку и шагнул вперёд. - Только, ребята, пока не лезть на рожон! Эти штучки могут быть местными бабочками, а могут - и осами. Паркинс, ты остаёшься за меня в командирском вездеходе и держишь котловину на постоянной мушке. Если дам внятную команду - стреляй, куда велю. Но без моих санкций-ни-ни!

Паркинс загундосил.

- А почему я?! Почему только я, да я?! Что, мало здесь других бездельников?!

Я разозлился.

- А на фига ты нам там нужен?!

- А сам-то ты там на фига?! - не уступал Паркинс.

Это было резонно. Кибернетик там тоже не особо требовался даже для красоты.

- Руководить и указывать перстом, - заступился Майковский за моё начальственное реномё.

- Тогда пусть Козёл тут посидит! Чего им там вдвоём делать?! Они же друг у друга будут рвать славу из зубов!

Козлов был готов кровно обидеться.

- Петька, засади его в кутузку! От греха подальше! А то он точно напросится на мои комплименты!

Он поднёс мощный кулак скафандра к спрятавшемуся за стекло шлема рябому носу Паркинса.

- Но-но-но!.. - испуганно, но с вызовом сказал тот, пытаясь встать на цыпочки.

- Брэк... - вмешался бдительный Майковский в назревавший инцидент. - Нам тут только мордобоя и не хватало! На глазах у изумлённых местных жителей...

Он взял Паркинса за пояс, оттащил от Козлова и тихонько пихнул в сторону вездеходов.

- Иди, сынок, иди... - сказал он ласково. - А мы пока поработаем с аборигенами. И не огорчайся. Если они начнут поносить нас за назойливостью на непонятном языке, мы попросим тебя перевести.

- А если не начнут? - Паркинс всё-таки шёл к своему скучному боевому посту.
- Начнут, Бобби, обязательно начнут, - пообещал Майковский. - И очень даже скоро. Это мы тебе гарантируем...

Подогнав вездеходы ещё на три сотни метров поближе, мы до грязь нагрузились всевозможными приборами и решительно двинулись к котловине. Паркинс сидел в моём «кузнечике», демонстративно поводя стволом плазменной пушки. Он единственный пока был не у дел, но не терял надежды включиться в нашу ответственную работу.

К котловине мы шли очень и очень осторожно, рассыпавшись в цепь и выставив вперёд стволы своих излучателей. Подойдя к её краю, мы замерли в восторге и изумлении, и несколько минут безмолвно любовались картиной, открывшейся перед нами.

А зрелище было воистину феерическим! Вся гигантская котловина буквально кишела удивительными, определённо живыми образованиями, находившимися в непрерывном движении.

Это больше всего походило на штормовое море, особенно вдалеке, там, где «листки» сливались в общий серый и волнующийся фон.

Сато впопыхах, конечно же, ошибся. Более всего эти существа напоминали не листы бумаги, а почти двухметровые блины с округлыми, но неровными краями. «Блины» даже имели хотя и с трудом, но усматривавшуюся толщину. Они плавали над ровным дном котловины, то поднимаясь, то опускаясь, и было непонятно, как они вообще держатся в безвоздушном пространстве.

Мои ребята разбрелись и дружно занялись исследованиями. Мне, как кибернетику, работы по специальности не нашлось, поэтому я был лишь на подхвате. Я бродил от одного парня к другому, время от времени оглядываясь на «кузнечиков», и видел за прозрачным фонарём переднего напряжённую фигуру недремлющего Паркинса.

А работа кипела! Уже через полчаса счастливый О'Брайан радостно сообщил всем, что эти блины органического происхождения и окружены чем-то вроде защитной оболочки из ионизированной плазмы. Вместе с Майковским он подобрался вплотную к краю котловины, и просветил приборами какой-то из ближайших «блинов», совершенно не обращая внимания на мои предостерегающие окрики.

Я, естественно, психанул, и почти пинками отогнал их подальше от греха, грозя засадить на гауптвахту или ещё куда-нибудь поглубже. Я ругался для проформы, прекрасно понимая их состояние. Мне и самому с трудом удавалось не забывать про всё на свете, и не кидаться очертя голову с приборами наперевес в самую гущу «блинов».

Но дисциплина есть дисциплина, она всегда была и будет главным гарантом безопасности.

Майковский и О'Брайан нехотя мне подчинились, однако предварительные анализы сделать всё-таки успели. Оказалось, что в самом геометрическом центре каждого из «блинов» - там, где они имели наибольшую толщину, - находилось что-то вроде мощного биореактора, который создавал вокруг каждого из существ достаточно сильное защитное поле, и, кроме того, порождал антигравитацию, обеспечивавшую «блинчикам» возможность летать в вакууме.

- Отсутствие разума несомненно, - сделал наконец главный вывод Козлов. - Это всего лишь животные, причём на самой низшей стадии развития. Что-то вроде хорошо откормленных амёб с атомными бомбами в животах. Я думаю, если нарушить целостность их защитной оболочки, вся эта биореакторная система выйдет из равновесия, и «блин» банально рванёт. Может, проведём экспериментик?..

Он нетерпеливо поправил на плече излучатель.

- Я тебе проведу! - погрозил я ему кулаком. - А ты подумал о том, что остальные могут сдетонировать?! Если ты прав, то этот арсенал так грохнет, что от нас и мокрого места не останется!

О'Брайан оглянулся на покинутые вездеходы.

- А от нашего Паркинса что-нибудь останется?! - спросил он нарочито громко.

- Одни хорошие и плохие воспоминания! - зло ответил я.

- Тогда пусть он уберёт свою крупнокалиберную пушку... Иначе с перепугу может шархануть и устроить нам, а заодно и себе, хорошенький погребальный фейерверк...

Это было резонно.

- Паркинс! - приказал я. - Моё первоначальное распоряжение уже морально устарело, поэтому я его с удовольствием отменяю! Разряди пушку и спокойно отдыхай! Тебе здесь работы не будет! Твои гениальные способности нам, к сожалению, не потребуются! Если услышишь наш перепуганный визг, заводи машину и жди! Только один не удирай! Дождись нас, и мы сделаем это все вместе!

Паркинс тяжело вздохнул. Было видно, как он втянул ствол пушки в корпус вездехода. Зазвучала бравурная музыка - Паркинс от огорчения включил проигрыватель.

- Ну вот... - довольно сказал Майковский. - Теперь дела наши пойдут гораздо веселее...

Мы азартно работали ещё около четырёх часов. Существа оказались ребятами довольно занятыми. Как выяснилось, они питались исключительно излучением «Люпуса», которое после отфильтровки защитным полем поглощалось клетками тела «блинов» и накапливалось в буферных батареях, окружавших биореакторы. Эти батареи обладали фантастической ёмкостью при невероятно малых размерах! Они глотали и глотали излучение «Люпуса», тратя на жизнеобеспечение «блинов» лишь очень малую его часть.

К нашему удивлению, их биореакторы тоже гнали часть энергии в те же самые батареи. Здесь крылась главная загадка, над которой следовало основательно подумать. Ставил в тупик и сам биореактор, который непонятно откуда брал основную необходимую ему энергию.

У нас жутко чесались руки от непреодолимого желания поймать хотя бы один «блинчик» и основательно его исследовать, но мы не могли себе даже представить, как он себя поведёт, оказавшись в ловушке. В активной зоне биореактора каждого «блина» очень быстро были обнаружены изотопы неизвестного на Земле радиоактивного элемента, который в принципе и мог оказаться тем загадочным топливом, питавшим наши живые объекты. В каждом «блине» находилось ничтожное количество этого необыкновенно ёмкого горючего, и мы вряд ли смогли бы его так быстро обнаружить, если бы не гигантское скопление этих существ. Сотни миллионов крупинок элемента, собранные в одном месте, создавали довольно внушительный фон, который мы уже смогли зарегистрировать.

Майковский прямо одурел от внезапно свалившегося на него безразмерного счастья. Ему, желторотому курсанту, которому до сих пор с осторожностью доверяли лишь переноску пустых колб и мытьё грязных реторт, выпала неслыханная удача быть первооткрывателем нового химического элемента! На Земле над этим бились громадные коллективы учёных, бились месяцами, а то и годами!

Кидд был в состоянии не меньшей эйфории. Ему не давал покоя биореактор и принцип его работы. Это тоже было гарантированной революцией в физике, а заодно и в химии с биологией. Кидд вертелся юлой, постоянно манипулируя приборами, но «блины» находились в непрерывном движении, что весьма затрудняло точные измерения.

Я был рад за своих ребят. И не только потому, что им всем подвалила неслыханная удача. Я видел, что это Истинные Учёные, Прирождённые Исследователи, для которых любимое дело - это главный смысл всей Жизни. Мне повезло. Среди моих товарищей не оказалось людей случайных, выбравших себе занятие не по призванию. Работа с ними была для меня необыкновенным наслаждением.

«Люпус» уже опускался к горизонту, когда мы с сожалением прекратили свои дела.

- Баста! - скомандовал я. - На сегодня хватит! Ставим передающие камеры и домой! Завтра с утра продолжим!

Мои азартные ребяташки с огромным сожалением оставили уже возлюбленные «блины» в покое и поодиночке побрели к заждавшимся нас «кузнечикам».

Обратно тащились почти шесть часов. Первые десятки километров мы ехали довольно весело. Обменивались впечатлениями и гипотезами, громко спорили, оглашая эфир свистом и улюлюканьем, но вскоре усталость рабочего дня и монотонность медленной езды сморили нас окончательно. Майковский ещё пытался бодриться и даже затянул: - Степь да степь кругом, путь далёк лежит... - но быстро умаялся и затих.

Когда я стал засыпать за рулём, меня сменил Паркинс, который - негодяй этакий! - оказывается, отоспался, пока мы занимались нашими исследованиями. Я дал ему за расхлябанность пару подзатыльников и ещё пару нарядов вне очереди, чтобы отбить охоту от подобного в дальнейшем. Как ни странно, он был этому только рад...

И тут я вдруг вспомнил, что все наряды у нас отрабатываются на кухне, а Паркинс при всей своей миниатюрности обладал поразительной прожорливостью и зверским аппетитом.

Я сразу пожалел о своём необдуманном решении, проклиная усталость и связанное с этим резкое снижение сообразительности, но отменять приказ было уже слишком поздно - надлежало заботиться об укреплении своего начальственного авторитета.

От огорчения и усталости я всё-таки задремал...

Спал я без сновидений, поэтому сон пролетел как одно короткое мгновение ночи.

Проснулся от толчка. Мой командирский «кузнечик» стоял в свете прожекторов нашего посадочного модуля, а вокруг него уже хлопотали дежурные орлы. В кабине вездехода было жарко и влажно от нашего коллективного дыхания; стёкла защитных фонарей слегка запотели. Кидд сладко спал, уткнувшись носом в узкую спину Паркинса.

- Ну, вот мы и дома... - тихо проговорил Паркинс и осторожно обернулся. Увидев, что я уже не сплю, он подмигнул мне: - Прибыли, шеф... Выгружайтесь, босс...

Кидд, лишившись опоры для носа, ткнулся им в спинку водительского кресла. Он что-то буркнул во сне, откатнулся в другую сторону, и снова сонно засопел.

Пришлось легонько потрясти его за плечо.

- Пойдём в постельку, Роби... - сказал я ласково. - Пойдём баиньки, дорогой...

Кидд осоловело посмотрел на меня и кивнул головой.

- Пойдём, братуха... Пойдём... - он нахлобучил на голову шлем и полез через кресло.

Выбравшись из «кузнечика», я с изумлением обнаружил, что вездеходов не два, а три... Как оказалось, Паркинс сделал остановку возле оставленной нами неисправной машины, не имея возможности выйти из вездехода, в котором мы с Киддом спали без шлемов, дистанционно настроил два других вездехода на

режим «утиноного хода», а сам встал во главе процессии, дав этим возможность поспать и ребятам в другом «кузнечике».

Всё-таки, мой Паркинс был молодцом! Задать такую программу, да ещё дистанционно смог бы далеко не всякий рядовой ксенолог, имевший лишь обзорное представление о функциональном программировании. Я подумал, что Паркинс умышленно ложился спать днём, предвидя все сложности обратного пути.

Определённо его следовало вознаградить за великолепное освоение смежной специальности. И непременно освобождением от многочисленных нарядов. Что я и сделал к его огромному огорчению... Но зато наша бедная кухня была спасена!

В модуле на нас сразу накинудись с наводящими расспросами, но мы только вяло помахали крылышками и расползлись по своим каютам, как сонные мухи...

////////////////////////////////////

...Перебросив посадочный модуль поближе, мы ездили к этой котловине ещё пять дней. Просматривали записи автоматических видеокамер, проводили самостоятельные исследования...

В общих чертах всё было почти ясно. Мы имели дело с гигантской колонией местных живых и совершенно неодоушевлённых организмов. Более всего поражало то обстоятельство, что наши «блины» котловины не покидали. Приборы, расставленные по её сложному периметру, не зарегистрировали за неделю ни единого подобного случая! Зато время от времени в основную массу её обитателей вливались прилетающие из других областей планеты группами и поодиночке новые животные! Котловина точно гигантский пылесос всасывала их, и было совершенно непонятно, до каких пор может повышаться плотность её населения...

Это была ещё одна загадка. Если «блины» действительно не оставляли котловины, значит, процесс аккреции начался незадолго до нашего появления на планете, иначе в ней негде было бы протолкнуться даже таким тонким образованиям, как они, а если этот процесс постоянен, значит, где-то должен быть канал выхода...

Кидд пригнал к котловине «стрекозу» и часов восемь, до полного своего и «стрекозиноного» изнеможения летал над ней вместе с Майковским, лотируя её во множестве мест. Они искали дырки.

Но всё было напрасно! И мы никак не могли понять, в чём тут дело! Обе гипотезы присутствия здесь «блинов» имели серьёзные изъяны, а третьей не было вообще! Мы злились всё больше, но «блинам» на это было ровным счётом наплевать - они всё слетались и слетались!

Мы пахали, как волю, и больше всех усердствовал Сато. Неугомонный японец зафрахтовал с помощником и четырьмя добровольцами два «кенгуру», и облазил все наиболее подозрительные участки планеты, выводя аппараты даже на трёхкилометровые орбиты, на что я смотрел сквозь пальцы, хотя это и было строжайше запрещено. Но мы в своих слепых догадках зашли в глубочайший тупик, и надо было найти из него хоть какой-нибудь выход или хотя бы узкую лазейку...

Земля тоже ничего не могла предложить, посоветовав только соблюдать разумную дистанцию.

...На пятый день всё шло, как обычно. Сделав кое-какую обязательную работу в котловине, мы залезли в родные «кузнечики» обедать. Майковский наотрез отказался принять в этом участие, мотивируя свой демарш отсутствием аппетита. Все понимали, что дело, конечно, не в нём. От всех неясностей не только он мало ел и спал с лица...

Мы мрачно жевали сухие и безвкусные пайки, изредка поглядывая сквозь фонари на «стрекозу» Майковского, которая неустанно порхала над котловиной.

- Ох, ребятки, не нравится мне что-то эта жуткая массовка... - угрюмо сказал О'Брайан. - Добром она точно уже не кончится. Скутится их побольше, накопится некая критическая масса, достаточная для фоновой детонации, и ка-ак... Может, это не «Люпус» регулярно обрабатывает нашего «Сократа», а они сами?..

- Да... - согласился с напарником Козлов. - Неспроста это всё у них. Что-то готовится, но что именно?..

Я пока не вязывался в спонтанный диалог коллег по решению загадок, думая о своём.

- Э, братцы - вдруг воскликнул кто-то из соседнего вездехода. - А Майковский-то наш!..

Все, уже давно морально подготовившиеся к чему угодно, приникли к фонарям...

...«Стрекоза» лупила от котловины во весь свой псевдонасекомый опор! Я даже слегка испугался, как бы она ненароком не развалилась от такого бешеного темпа.

- Стас!!! - заорал я. - Ты куда?!!

Но Майковский в таком режиме полёта от жутких перегрузок не смог бы даже пошевелить языком. В полнейшей радиотишине он пролетел над нашими головами и грохнул «стрекозу» за вездеходами.

Мы быстро нацепили шлемы и высыпали наружу. На несколько минут все даже забыли про котловину, и потому проворонили увертюру. Но мы были слишком поражены фокусами своего товарища!

Майковский наконец отдышался.

- Братцы!! - просипел он. - Началось!!!

Мы все, не сговариваясь, обернулись к временно забытой из-за него котловине...

Над ней висело облако...

Нет, конечно же, это было не просто облако. Это были всё те же «блины», но они поднялись над котловиной такой плотной массой, что закрыли собой весь западный участок неба. Облако клубилось, в нём возникали какие-то таинственные завихрения. Некоторые «блины» взлетали над ним и снова ныряли в него. А облако всё разрасталось и разрасталось, поднимаясь к тёмному малозвёздному зениту...

Я всё-таки пришёл в себя.

- Всем - в машины!!!

Мы рассыпались по вездеходам и, выставив вперёд все свои пушки, дали хорошего заднего драпа, но на расстоянии в два километра всё-таки остановились, чтобы отдышаться и оглядеться.

Отсюда облако выглядело ещё эффектнее. Отдельные блины просматривались уже с трудом, зато очень хорошо была видна макроструктура новообразования. Теперь это было уже не просто облако, а, скорее, почти правильная пирамида, упиравшаяся своей острой вершиной в усыпанное удивлёнными звёздами небо планеты. Высота её была не меньше пяти километров, и она всё увеличивалась. Угол при вершине становился всё острее, а боковые грани - всё круче.

- Уходят... - тихо сказал сидевший рядом со мной Козлов. - Мотают и рвут когти...

- Куда уходят?... - не понял я.

- А кто ж их знает, куда... Но что уходят - это точно!

- Братцы!!! - вдруг ожил и Кидд. - А ведь мне эта штука что-то очень сильно напоминает!

Все повернулись к нему.

- Клины!!!

- Какой клин?!. - почти хором спросили сразу несколько изумлённых голосов.

- Да обыкновенный журавлиный клин! Земные птицы примерно так же выстраиваются осенью и весной, когда летят на юг, или возвращаются оттуда домой!

- А ведь и верно! - согласился с ним Козлов. - И как это только я сам не сообразил?!

Все загалдели, делясь впечатлениями и мгновенно родившимися идеями. А пирамида тем временем уже высоко ушла своей вершиной в небо. Основание её потеряло первоначально высокую плотность и сквозь него начал просматриваться горизонт.

Подождав ещё полчаса, мы подъехали к котловине.

Она была пуста... Кидд в буссоль долго изучал её дно, но не нашёл на нём ни одного «блина» - ни живого, ни мёртвого.

- Хоть бы один остался... - вздохнул О'Брайан. - Для нашего препарирования...

- Не терпится ему, живодёру... - проворчал Майковский. - Я не думаю, чтобы это кому-то удалось. Сдаётся мне, что они либо вообще бессмертны, либо, погибая, попросту рассыпаются в пыль или на атомы. Но вряд ли взрываются, тогда вся стая могла бы погибнуть от любой глупой случайности. Нет, скорее всего, реактор элементарно гаснет, и весь организм распадается на простейшие элементы. Тихо и без вреда для своих ближайших родственников. И никаких тебе хлопот с похоронами...

- Всё это, конечно, очень даже любопытно, - скучным голосом протянул Паркинс, - но гораздо интереснее другое: куда они смотались и, главное, почему?..

- Давайте хором думать по аналогии... - Козлов стал спускаться в котловину. - Как бывает у нас? Птицы улетают на юг от холодов и снега, а когда на родине наступает весна, возвращаются домой.

Он опустил на колени, зачерпнул горсть грунта и ссыпал в подготовленный для него контейнер.

- А какая же тут может быть аналогия? - голос Паркинса был всё так же скучен.

Козлов уже неспешно возвращался

- Не торопись, ксенолог, это тебе не в Контакт вступать. Тут надоть шевелить хорошими мозгами, а не длинным языком...

- Ну, давай, шевели... - насмешливо поощрил его Паркинс. - Только не очень шумно...

Козлов подошёл к нам.

- Вот я и шевелю. Но для начала надо связаться с Кораблём - мне не хотелось бы быть голословным.

Он включил внешний передатчик.

- Вагнер, ты на связи?

- Да, Мишель.

- Вы наблюдали за нами?

- Конечно, Мишель, как обычно.

- Тогда, будь любезен, скажи: куда они полетели?

- Они летят в сторону «Ксантиспы», Мишель, и скорость их очень быстро растёт...

- Спасибо, Грэг, ты нас очень обрадовал...

Паркинс едко хихикнул.

- И что же дальше?..

- А я понял! - вмешался О'Брайан. - Раз существа, обожающие жёсткое излучение и высокие температуры, летят к холодной планете, выходит, там скоро будет тепло. А тогда здесь...

- Мама моя!!! - подпрыгнул Майковский. - Значит, «Люпус» вот-вот опять взорвётся!!!

- Караул!!! - с готовностью взвизгнул Паркинс. - Мамма мия!!! Спасайся, кто сможет!!!

Он решил, что это розыгрыш, но мы гурьбой кинулись к милым «кузнечикам»...

Обратно скакали на запредельном форсаже. Майковский на своей шустрой «стрекозе» сделал хороший спурт и скрылся за горизонтом - мы могли позволить себе роскошь потерять трёх примитивных «кузнечиков», но многофункциональную «стрекозу» следовало погрузить в модуль.

Я связался с Кораблём и коротко обрисовал сложившуюся обстановку. Вагнер не стал задавать нам лишних вопросов.

- Не задерживайтесь, ребята, - посоветовал он нам с орбиты. - Не исключена ошибка, но, если нет, я думаю, времени нам отпущено не слишком много. Учитывая скорость «блинов», они будут около «Ксантиппы» примерно через сутки. Именно это и должно стать для нас крайним сроком полной эвакуации с планеты.

Я переключил связь на последний вездеход.

- Ты не закончил, Миша.

- Да... Как мне кажется, Петро, на «Сократе» они просто зимовали. А родной их дом – «Ксантиппа». Тут для них ничего нет, кроме природной радиоактивности и светового излучения звезды, а там есть замёрзшая атмосфера, вода и прочее. Похоже, они почуяли близкую вспышку «Люпуса», и собрались в стаю, чтобы лететь домой. А здесь, очевидно, скоро будет слишком жарко даже для них... Надо срочно линять отсюда... Если я ошибся, что ж, поищем другие причины их беготни. Но если нет... Тогда это может для нас слишком плохо кончиться...

- Конечно, - согласился я. - Лучше уж не рисковать...

...Когда мы добрались наконец до родимого модуля, он уже был готов к экстренному старту. Мы не стали грузить взмысленных «кузнечиков» - у нас на это совершенно не оставалось времени. Через десять минут модуль стартовал, а ещё через час наш могучий «Геркулес» сошёл с околопланетной орбиты и напрямик направился к далёкой «Ксантиппе». Наша скорость была гораздо больше, чем у «блинов», поэтому мы их вскоре обогнали. Уже вращаясь по орбите вокруг далёкой планеты, мы видели, как они прилетели и, скучившись в плотный шар, тоже стали кружить вокруг неё по очень вытянутой орбите. Теперь мы знали, зачем «блинам» такие ёмкие буферные батареи - они согревали друг друга в космический холод.

Астрономы сняли все параметры «Люпуса», но не нашли в них ничего, из ряда вон выходящего, что предвещало бы его немедленную вспышку. Тем не менее, через сорок три часа после нашего выхода в район «Ксантиппы», он взорвался...

Зрелище было грандиозным! Далёкий и тусклый «Люпус» вдруг вспыхнул ослепительным белым светом и стал разбухать, быстро увеличиваясь в диаметре. На «Ксантиппе» за клубились густые туманы. Смёрзшаяся атмосфера начала быстро испаряться, по планете потекли реки жидкого водорода, азота и всего прочего...

А «Люпус» всё рос! Он уже имел значительный видимый диаметр и покрыл большую часть пути до «Сократа». Астрономы не отходили от своих приборов: они следили за планетой, пока она не исчезла в атмосфере разбушевавшегося «Люпуса».

Когда наблюдать стало нечего, Бартини отключил телескоп и устало на меня посмотрел.

- В траве сидел кузнечик... - грустно пропел он. - Совсем как огуречик, совсем как огуречик, зелёнький он был... Но вот пришла лягушка - прожорливое брюшко, прожорливое брюшко - и съела кузнеца... Точнее – наших родных «кузнечиков»...

- Приятного ей, обжоре, аппетита... - мне тоже было сейчас не слишком весело. – «Кузнечики» у нас в запасе есть ещё, а этими она пусть навсегда подавится...

...На «Ксантиппе» бушевали атмосферные катаклизмы. «Люпус» через две недели относительно стабилизировался в своём регулярном бешенстве, и теперь полыхал вовсю, пробиваясь даже сквозь сверхмощные экранные светофильтры. Милые нашему сердцу «блинчики» не стали дожидаться хорошей погоды и за несколько часов до прихода к «Ксантиппе» верхней, сброшенной «Люпусом» оболочки, нырнули в плотную атмосферу планеты. Мы сразу потеряли их из виду - там били гигантские молнии и бушевали непрерывные чудовищные бури.

А потом пришла и ударная взрывная волна... Она была на таком расстоянии уже довольно слабой, но вполне достаточной для того, чтобы превратить атмосферу «Ксантиппы» в вихревой ад, и основательно потряхнуть окружённого мощным защитным полем «Геркулеса».

Но, похоже, для наших «блинов» это были райские кущи. Нам очень хотелось понаблюдать за ними в наиболее оптимальных для них жизненных условиях, но соваться в это газовое пекло... Ни один из посланных нами туда автоматов не работал больше десяти минут, и все они канули бесследно... Не удалось даже просветить атмосферу планеты локаторами, настолько она была экранирована густой сетью мощнейших электрических разрядов. И где-то там, под этим могучим молниевым панцирем, наши «блинчики» сейчас жили и что-то даже делали... Они унесли с собой много тайн, которые ещё ждали своей разгадки.

Мы уже много знали о них. Оказалось, что они не случайно копошились в той котловине. Химики сделали анализ проб грунта, взятых Козловым, и обнаружили в них большое содержание того самого новооткрытого элемента, который и служил топливом для биореакторов «блинов». Они жадно питались им, расщепляя его на изотопы, в тысячелетние зимы, царившие в «волчьей» планетной системе. И сама котловина была не естественного, а искусственного происхождения – «блины» выгрызли её в теле «Сократа» в том месте, где находилось богатое месторождение так необходимого им для жизни химического элемента.

Аналогия с земными птицами оказалась почти полной! Точно так же, как и они, «блины» перед дальней дорогой прилетали на жировку в самое богатое пищей место чужой планеты. А до этого они, вероятно, были довольно равномерно распределены по ровной поверхности «Сократа». Мы появились здесь накануне массового перелёта, поэтому и не обнаружили «блинов» в других районах.

Нас удивило отсутствие особей, отличавшихся от других меньшими размерами. Возможно, дети у «блинов» рождались только на «Ксантиппе», а на «Сократе» лишь вырастали во взрослые существа. Будущим экспедициям предстояло решить и эту загадку «блинов».

Планетологи долго колдовали над своим загнанным вычислителем и наконец грустно сообщили, что атмосфера «Ксантиппы» успокоится до состояния, которое позволило бы совершить на неё мягкую посадку, лишь через восемь - десять месяцев. Крошка «Ксантиппа» оправдывала своё несносно - сварливое имя...

Мы хором грустно посвистели по поводу невозможности продолжения контактных исследований, и отправили все сведения на Землю, скрыв пока, разумеется, факт нашего чудесного спасения от неминуемой гибели, наврав с три коробки относительно нашего планового перелёта к другой планете системы. Мы не хотели волновать их напрасно: в этом не было ни чьей вины, и опасность всё равно миновала. Всё, связанное с нашим таким непредсказуемым и не предусмотренным никакой учебной программой приключением, мы собирались рассказать уже на Земле, задолго до того, как там зарегистрируют взрыв бедного «Люпуса».

На Земле обработали наши данные и через шестнадцать часов после получения сообщения дали полный отбой. Было бы очень заманчиво выведать у «блинов» тайну предсказания вспышки Новой и исследовать условия, породившие такие удивительные формы жизни...

Но... Ждать у моря погоды как минимум год по непонятным для них причинам нам с Земли не позволили, да и вспышка «Люпуса» неизвестно когда должна была гарантированно закончиться. Может, через месяц, а может, через десять лет... Нам было ещё очень мало известно о физических процессах в этих звёздах и уже то, что мы увозили с собой, представляло огромнейшую ценность для науки Земли.

////////////////////////////////////

...Наступил день нашего отлёта. Вагнер выстроил своих подопечных в главном коридоре Корабля, и зачитал приказ Космического Управления о прекращении исследовательских работ. Большинство из нас было недовольно этим и хотело бы продолжить так успешно начатое дело, однако с Землёй не очень-то поспоришь...

Кончив читать длинный земной приказ, Вагнер хитро окинул всех нас взглядом.

- И ещё, уважаемые курсанты... Всем нам, без исключения, зачтён экзамен в реальных условиях, и всем, опять же без исключения, присвоено внеочередное профессиональное звание. Ура?!

Мы радостно хором трижды прокричали: - УРА!!! - сразу заулыбались, и после команды «Вольно!» бросились обнимать Вагнера. Он ведь тоже был нашим однокурсником, нашим товарищем, и, кроме всего прочего, отличным парнем!

...Перед стартом мы все собрались в Главном Зале и долго стояли у панорамного экрана. Под нами, далеко-далеко внизу, яростно бушевала атмосфера сварливой «Ксантиппы». Там сейчас радовались весне так долго ждавшие её «блины». Мы знали, что лето у них будет недолгим - значительно короче зимы. Лет через пять, а может, через десять, наступит осень, и они сами, или уже вместе с детьми снова полетят к далёкому «Сократу», который к этому времени успеет слегка остыть, и как всегда будет слегка похож на бильярдный шар. Они прилетят, и будут пережидать на нём зиму. А зима продлится ни много, ни мало, а несколько тысяч лет...

...Мы были уверены в том, что многие из нас ещё вернутся сюда. Этот мир был нашим Первым Открытием, нашей Первой Любовью, а к своей первой любви всегда возвращаются...

*Ночь
делает острее
зрение, слух
и углы...*

* * * * *

ДАЮ УСТАНОВКУ...

*Кто не умеет говорить, карьеры не сделает.
Наполеон Бонапарт*

Он стоял на лестничной площадке и терпеливо ждал, когда после его звонка откроется дверь квартиры. Она была довольно аккуратно обита дерматином, но кнопка звонка болталась на одном полуживом шурупе. Это о чём-то уже говорило. Мастер любил по дверям домов угадывать характеры и наклонности их обитателей, сравнивая потом свои выводы с реальными людьми. Конкретно здесь если и жили мужчины, то, скорее всего, безрукие или безнадёжно ленивые. Обивку двери могла сделать одна из многочисленных теперь сервисных фирм, а вот звонок...

Дверь наконец открылась и мастер не без удовольствия подумал, что пока внушает людям доверие даже сквозь глазок.

— Здравствуйте... — сказал он в уютную гостеприимность прихожей. — Телевизионщика, надеюсь, вызывали?

— Здравствуйте... Да, приглашали, — кутаясь в цветастый домашний халат, молодая женщина впустила его в квартиру. — Но я, признаться, не ждала вас так скоро...

— Совершенствуемся, — сказал он с улыбкой и, не расшнуровывая, стал снимать утеплённые туфли. — Поднимаем наш сервис с земли на должный уровень.

— Приятно слышать, — сказала женщина, приглядываясь к гостю. Мастер сразу показался ей симпатичным, от него исходило некое флюидное обаяние, хотя внешне он не производил особого впечатления. Средних лет. Высокий. Худощавый, но не сутулый, как это часто бывает. Короткая аккуратная стрижка, голубые внимательные глаза. И подсознательное ощущение его внутренней интеллигентности...

— Где аппарат? — в голосе мастера был редкостный по нынешним временам боевой настрой. Он сам уже ответил себе практически на все остальные вопросы.

В этом доме не было мужчины - хозяина. Об этом публично заявляли и вешалка с обломанным крючком, и стены прихожей, завешенные цветными плакатами, отражающими только женские вкусы. Что ж, достаточно распространённый вариант, хотя хозяйка молода и на вид довольно симпатична. Мужчины редко оставляют таких без своего присмотра, но вот эту как-то проглядели.

Женщина привела его в такую же уютную комнату.

— Вот он...

В комнате мужчиной не пахло так давно, что мастер не уловил даже слабых молекул от былых запахов. А телевизор стоял у окна на вращающейся подставке.

Мастер подошёл к нему как к близкому родственнику и по-хозяйски осмотрел со всех сторон.

— Старичок... — сказал он с сочувствием доктора. — Интегральный дедунюшка... Лет двадцати отроду... Пенсионерик... Гастрит... Язва... Остеохондроз... Вставные зубы... Блестящая лысина... — Телевизор был не настолько стар, но мастер любил работать с прибаутками.

Теперь улыбнулась женщина — этот забавный мастер говорил о неисправном телевизоре, как о престарелом человеке. У неё была очень милая улыбка, и опять он с неудовольствием подумал о своих совершенно безглазых собратях по полу.

— Тогда приступим... — сказал он деловито, открывая выдавший виды дипломат, и доставая из него маленький магнитофон с десятком аудиокассет. Мастер долго перебирал их, бегло читая надписи, сделанные шариковой ручкой, и поглядывая на телевизор, наконец, выбрал одну, вставил в магнитофон, и нажал клавишу воспроизведения.

Это был Бородин, «Богатырская симфония». Мастер отрегулировал уровень громкости, чтобы звук не слишком давил на слух, сел перед телевизором в просмотрное кресло, и вонзил напряжённый взгляд в тёмный экран выключенного телевизора.

— Даю установку... — сказал он мягко. — Создаю благоприятные условия для восстановления деградировавшей эмиссии в кинескопе, электронно-дырочных переходов в полупроводниках, реабилитационных процессов в электрических цепях...

Женщина изумлённо попятилась и упала в кресло для гостей. Мастер смотрел мимо неё, прожигая неисправный телевизор пронзительным взглядом, и на лице его не было улыбки. Первоначальные опасения женщины относительно его отклонений от нормальной психики быстро погасли. Сумасшедшего всегда что-то выдаёт: выражение глаз, мимика, движения речь. Тут же было совсем иное. Умные глаза, спокойное лицо, неподвижная поза. Вот только слова...

—...С контактов снимается плёнка окислов, зарастает обгоревшая изоляция, люминофор избавляется от прогаров, обновляется масочное покрытие кинескопа...

...Над телевизором поплыло лёгкое марево. Вышитая занавеска на окне закачалась, и женщина вдруг испугалась, что телевизор загорится, хотя вилка его питающего шнура и валялась на полу.

— Осторожно! — воскликнула она, привстав в кресле. — Вы мне тут пожар устроите!

— Спокойнее... — сказал ей мастер точно тем же тоном, что и телевизору. — Всё нормально... Процесс воскрешения техники сопровождается некоторым выделением избыточной энергии, но это не долго и совсем не опасно. Уже почти всё.

Он положил пока включенный магнитофон на пол, встал с кресла, вставил вилку телевизора в сеть, и нажал выключатель. Его хозяйка, привыкшая к тому, что аппарат достаточно долго греется, сначала даря звук, и только потом изображение, и не очень то верившая в откровенно шаманский способ ремонта, была настроена весьма пессимистически.

...Звук появился сразу, и всего несколько секунд потребовалось изображению для полного выхода телевизора на режим...

Это было невероятно! Это было невозможно! И не только сам ремонт. Телевизор так не работал, даже будучи совсем новым! Яркие, насыщенные тона, очень чёткое изображение...

- Принимайте работу, хозяйка! - сказал мастер, потирая руки. - Готово дело!

— Послушайте, так вы же кудесник! — она была восхищена. — У вас золотые руки!

Она вдруг запнулась.

— Золотая... Золотое... — она не знала, чем именно чудесный мастер починил ей телевизор, поэтому стандартная безадресная похвала так и повисла в воздухе.

— Это всё мелочи... — сказал он, не сумев скрыть смущения. — У меня бывают дефекты и посерьёзнее.

Она ему не поверила. Серьёзные дефекты могли быть только у телевизоров, валяющихся на помойке.

Мастер наконец выключил всё ещё сотрясавший квартиру «Богатырской симфонией» магнитофон, и стал собираться.

— Гарантия — год, — сказал он всё так же вежливо, и это импонировало ей всё больше и больше. — Если что, вызывайте меня снова, починю уже бесплатно. Но такого, как правило, не бывает. Мои принципы - качество и высокая надёжность!

Женщина услужливо включила мастеру свет в коридоре, протянула ему деньги. Он заполнил две квитанции, дал ей расписаться в них, одну отдал ей, и отсчитал сдачу.

— Вы не очень высоко цените свою работу, — сказала она. — Я считаю это неправильным.

— Конкуренция... — сказал он таинственным тоном. — Приходится с ней считаться. А себестоимость у меня минимальная, поскольку не надо тратить деньги на приборы и запчасти.

Она стояла, сжимая на груди края халата, и смотрела, как он мучительно пытается развязать затянутые намертво шнурки своих обуви. Молчаливая пауза затянулась.

— Чаю не хотите?.. — спросила она вдруг, неожиданно даже для себя самой. — Горячего?..

Его пальцы замерли, сжимая строптивные шнурки.

— Не откажусь... На улице холодно не по сезону...

Он прошёл с ней в кухню, очень маленькую, и тоже необыкновенно уютную, сел у окна, в углу, чтобы не мешаться, и только благодарно кивнул головой, когда она поставила перед ним на стол вместительную кружку. Он поймал себя на том, что прозондировал и кухню на предмет присутствия в этом доме мужчины, сделал окончательные выводы, и почему-то получил от них огромное моральное удовлетворение.

— И как только вы всё это делаете?.. — всё-таки задала она рвавшийся из неё и мучивший её вопрос, и с маленькой чашечкой чаю села на край табуретки напротив.

Он задержался с ответом, глядя, как лёгкий парок поднимается над его кружкой.

— Сам порой удивляюсь... Для меня любой аппарат - как живой организм. Я его просто чувствую. Там вот плохо, а тут даже совсем нехорошо... Начинаю представлять процесс восстановления, воспринимаю какое-то поле между мной и неисправной техникой, что-то там бурлит, чего я сам толком не понимаю, а когда я перестаю, так сказать, «видеть» дефекты, значит, всё уже восстановилось и ремонт закончен. И всё...

— Удивительно! Действительно, как всё почти просто! Захотел - и готово дело!

— А Кашпировский? А Чумак?

— А что Кашпировский? И что Чумак? У них-то всё как раз и просто! Там ведь живые люди. Чуть хорошего гипноза, капелька внушения, кроха парапсихологии, толика психологии... А что можно внушить вот этому железному холодильнику?

— Значит, что-то можно... — сказал он. — Это ведь тоже организм, только искусственный. Мы все состоим из одних атомов и молекул, всего лишь по-разному скомпонованных, но это не меняет в корне нашей родственной физической сути. Что интересно, на импортные аппараты мои способности тоже распространяются, но уже с меньшей эффективностью. Думаю, всё дело в разных технологиях. В нашей технике много ручной работы, в которую мастера вкладывают свои души, а у них большую часть всего

выполняет бездушная автоматика. Исходя из этого, я предпочитаю чинить старую нашу аппаратуру, потому что в новой становится всё меньше ручного вклада, а если она ещё делается по импортной технологии... Женщина очаровательно улыбнулась, и он вдруг понял, что ещё не встречал в своей жизни более милой женской улыбки.

— Выходит, мы с телевизором родственники?

Он ответил улыбкой на улыбку.

— В каком-то очень далёком колене - да, поэтому и относиться к нему следует соответствующе. Доброе слово не только кошке приятно, но и пылесосу. Да, это неживая, как говорят, Природа, но она сотворена человеком, поэтому очень от него зависима. Даже от его настроения! Как специалист, я утверждаю, что в домах, где царят мир и дружба, техника меньше барахлит, и реже ломается.

— И у вас всё всегда получается?

— Нет, конечно, бывают и сильно запущенные, и безнадёжные летальные случаи. Всё - как у людей. Я ведь не Бог, а всего лишь машинный доктор, я могу восстановить пошатнувшееся здоровье, но не в состоянии вдохнуть жизнь в сгнивший скелет. Допускаю, что даже такое возможно, но только не у меня с моими весьма скромными способностями. В таком деле тоже кто-то становится мастером от долгого и упорного труда, а кто-то уже рождается готовым асом от Бога.

Мастер с сожалением отодвинул от себя опустевшую кружку и встал из-за стола.

— Благодарю за угощение, но мне пора. Служба...

— Нет, это вам крупнейшее спасибо! Это же не работа, а настоящее волшебство!

— Вызывайте, если что не так. Теперь вы уже знаете, что я могу чинить не только телевизоры...

Он унёс от неё смущенную улыбку, дверь за ним закрылась. Женщина встала в двери комнаты и замерла, любясь работой реанимированного телевизора.

////////////////////////////////////

На улице было уже по-осеннему темно и почти по-зимнему прохладно. Мастер поднял воротник куртки, посмотрел на светящийся циферблат часов. У него имелся ещё один заказ, но довольно далеко отсюда, поэтому он после недолгих колебаний на пронизывающем ветру решил оставить его до завтра. Надо позвонить, извиниться, и перенести день визита. Ехать сейчас, значит, возвращаться придётся в лучшем случае пешком, если это ему позволят ночные грабители...

Собственно, для него, привыкшего к таким дальним пешим переходам, и имевшего неплохую физическую подготовку, всё это не было столь важными помехами, но ему почему-то не хотелось после уюта и гостеприимства только что покинутой квартиры идти в другую, смазывая впечатление. Мастер оглянулся на светящееся окно, свернул за угол и пошёл в сторону трамвайной остановки.

...На голову ему быстро накинули плотный мешок, плотно завязав его горловину на ногах. Стало пыльно и душно. Мастер пробно взбрыкнулся, и его тут же огрели по голове чем-то, почти тяжёлым. Было не очень больно, но достаточно убедительно. У мастера возникло огромное желание заорать, но он подозревал, что за этим последует что-то, ещё более убедительное, чем затрещина. По образу своего мышления он был неизлечимым философом и аналитиком и, пока его куда-то бесцеремонно волокли, обдумывал сложившуюся сложную ситуацию.

Тащили мастера непрофессионально, и это сбивало его с толку. Преступный мир, обожающий похищения за крупные выкупы, которые телемастерские дают за своих кадровых специалистов, мог бы изъять мастера из трудовых буден гораздо эффективнее.

А тут дилетантство было налицо. Вонючий мешок из-под какой-то малопривлекательной гадости... Фи... Да и тащили примитивным волоком, давая своей жертве возможность достаточно детально отслеживать боками рельеф пересечённой местности.

Похитителей было несколько, они пыхтели, кряхтели, толкались и больше мешали друг другу, чем помогали.

И помалкивали... Это тоже как-то смущало. Удачливые специалисты по киднеппингу просто обязаны были на ходу хотя бы подсчитывать возможную выручку. В долларах или, на худой конец, в тугриках...

Мастер инертно волочился куда-то и зачем-то, почти вслух размышляя о собственной, ничем вроде бы не запятнанной биографии, тем не менее, приведшей к столь плачевным результатам. Он пытался предсказать, сколько и кому за него дадут, и в какой валюте. И как будут платить: за каждый килограмм или за каждый прожитый год? За живой вес получалось значительно больше.

...Волочиться ему надоело чуть раньше, чем чернорабочим теневой экономики волочить. Мастер хотел было снова чуть рискнуть своей неприкосновенностью, чтобы хоть частично прояснить затуманенную мешочной пылью обстановку, но, пока он взвешивал и оценивал все возможные варианты последствий этого опрометчивого поступка, мешок преодолел последний этап кросса.

Мастер затаился. Сейчас с него снимут вместительную тару и он наконец узнает, чего они хотят. Место сокрытия фамильных драгоценностей или электрическую схему цветного телевизора, изготовленного по японской лицензии в одной из африканских деревень? Третий вариант мастеру на ум так и не пришёл.

...Как оказалось, третий вариант всё-таки был. Мешок буквально содрали с пропитанного пылью, грязью и раздражением пленника, поставив его самого на уже отвыкшие от дел ноги.

Сначала он обнаружил, что изъяли его из употребления банальные инопланетяне. Трое. Тщедушные, низкорослые, с телами кузнечиков и головами верблюдов. Было просто удивительно, как они смогли даже втроём уволочить массивного и габаритного мастера.

Потом он обратил внимание и на окружающую местность. Они находились на укромной поляне ближайшего лесопарка, полная Луна висела над верхушками сосен, и в лице её был почти живой испуг, слегка смешанный с удивлением.

И на десерт мастер обнаружил наличие летающей тарелки. Собственно, она больше походила на летающую кастрюлю, но это не меняло в принципе её инопланетной сути. Кастрюля стояла у самых деревьев, подозрительно скособочившись и уткнувшись краем плоского днища во вспаханный ею же дёрн, и именно от неё исходило то неяркое свечение, в котором мастер видел всё окружающее.

Мастер попробовал ничему панически не удивляться. В газетах последних времён очень много писали и об инопланетянах, и о слишком частых авариях их летающих посудин, и даже о нередких похищении ими землян. Было весьма приятно, что очередь наконец-то дошла и до него, и где-то даже слегка интересно...

Инопланетяне заметили, что мастер сориентировался в пространстве и ситуации.

— К-р-р-р-ш-р-р-р-м-р-р-р... — длинно изрёк один из кузнечико-верблюдов.

Мастер озабоченно почесал затылок, роняя с головы сор, подаренный мешком.

— Не понимаю... — признался он совершенно откровенно.

Инопланетяне сошлись в кружок и сблизилась головами. Один из них шагнул к мастеру.

— Б-р-р-р-у-р-р-р-ю-р-р-р...

Мастер стряхнул с головы остатки мусора.

— Не понимаю... Ноу ферштеен... Ниц андестен... — он шумно рылся в пропитанных пылью и вонью мозгах, выискивая там остатки древних дилетантских знаний языков, но пыли и смрада в них на данный момент было гораздо больше.

Кузнечики опять сошлись верблюжьими головами на кратковременный симпозиум. Общение с аборигеном ярко выражено зашло в глухой тупик или двигалось только в этом направлении, обесценивая титанический труд тройки героев, грохнувшихся со звёзд.

Посоветовавшись, инопланетяне решили опробовать другой метод контакта с местным жителем.

— Р-р-р-р-р... — уже знакомо завёл один из них, отползая к своей кособокой супнице. Не прекращая пискливого рычания, он разбежался, подпрыгнул и, неловко перевернувшись в воздухе, шумно приземлился на совершенно к этому не подготовленную голову. Остатки «р-р-р...» ушли глубоко в чужую ему землю. Судя по всему, посадка мастера инопланетной пантомимы оказалась не более удачной, чем у его летающей тарелки, поэтому на сцену вышел дублёр.

— Р-р-р-р-р... — мужественно заносился он по поляне, делая тщетные попытки подпрыгнуть.

— Да понял я уже всё, понял! — успокоил их всех мастер. — Р-Р-Р-Р-Р!!! — громко, со звонким почти ночным эхом исторгнул он из груди, и тоже не очень хорошо подпрыгнул на онемевших ногах. — Не можете взлететь, что ли?..

Инопланетяне что-то радостно зачирикали, совсем уж невразумительное, подняли сучившего лапками неудачливого балетомана, и со второй попытки установили его в цивилизованное положение. Контакт вроде бы начинал налаживаться.

— Так, значит... — задумчиво сказал мастер, оценивая профессиональным взглядом технические возможности тарелки. — Не взлетает... И починить тоже не можете...

Кузнечики стояли кучкой и на их верблюжьих мордах почти по-русски была написана коллективная надежда.

— Понятно... — мастер поискал глазами родной, уютный мешок, выудил из него свой рабочий дипломат и достал магнитофон. — Понятно... Требуется квалифицированная помощь... Могли бы и попросить... Деликатно... Без эксцессов...

Он представил, как бы они проделали всё это, и ему самому стало почти смешно.

— Хорошо! — сказал он, перебирая основательно заигранные кассеты, и с трудом читая на них при лунном свете свои же надписи. — Попробуем! Хотя конструкция мне и не знакома...

Кузнечики затаили все три дыхания.

— Ага! — довольно сказал мастер, выуживая из кучи одну из кассет и вставляя её в магнитофон. — Думаю, это подойдёт для данного конкретного случая...

Он положил любимый магнитофон на пенёк и повернулся к инопланетянам.

— По местам, ребяташки! — командным голосом гаркнул он, махая руками в сторону поломанной небесной кастрюли. — По коням! Шустро! Стартовая готовность номер один!

Те оказались смыслёнными, и всё схватили буквально на лету. Двое тут же потащили неустойчивого третьего к своему кораблю. Мастер смотрел на то, как ловко они забираются в люк, задраивают его, втягивают в корпус тарелки внешние элементы конструкции, и думал о том, как непросто им, наверное,

было на чужой планете после аварии. Возились, наверное, с кастрюлей сами до седьмого пота, потом искали того, кто мог бы помочь, прежде чем вышли на нужного им человека.

Вызывало изумление полное незнание инопланетянами земных языков. Кого тут можно было найти, не зная по-русски ни бэ, ни мэ?.. Или им кто-то помогал в их поисках, или они нашли нужного им специалиста по какому-то полю, которое он излучал. Над всем этим следовало основательно поломать голову, но только предварительно хорошенько отчистив её от мусора и вымыв под душем.

Мастеру эти забавные инопланетяне уже почти нравились. Покладистые ребята, стоило таким помочь. И довольно деликатные, принимая во внимание чрезвычайность ситуации, в которой она здесь оказались. Другие бы на их месте...

Мастер похлопал себя по безнадежно запыленной куртке и брюкам, несколько раз от души чихнул, сел на пенёк и положил готовый к великим делам магнитофон себе на колени.

Кастрюля наконец перестала скрипеть, хрустеть и скрежетать, готовясь к долгожданному взлёту. На её крышке вспыхнул прожектор; тонкий красный луч пугливо скользнул по стволам близких деревьев, наткнулся на мастера, и тут же ушёл вертикально вверх.

— Понятно... — сказал мастер, надавливая нужную клавишу магнитофона. Тихая мелодичная музыка затопила поляну, волной уткнувшись в мятый бок напряжённо ждущей тарелки. Это была битловская «Пусть будет» в обработке Поля Мориа. Эту кассету мастер ставил только в особо трудных, почти безнадежных случаях.

Он распрянул ещё побаливавшую после многочисленных кочек спину и упёрся пронзительным взглядом в тело большого инопланетного искусственного организма, стараясь проникнуть в его нутро, чтобы почувствовать и понять. И помочь...

— Внимание... — сказал он мягким, располагающим голосом. — Даю установку...

*Бог – в помощь,
если
сам справишься...*

* * * * *

СМОТРИНЫ

*От брака фантазии с желанием рождается нечто большее,
чем дозволяет жизнь.*

Балтасар Грасиан

...Девчонка была - что надо! Девчонка была - класс и блеск! Афродита, Венера Милосская, Мэрилин Монро и все грации, вместе взятые! Дерзкие неземные глаза, капризный чувственный рот, чуть вздёрнутый носик... И точёная фигурка цвета розового мрамора, которую ещё более подчёркивало со вкусом подобранное платье. Встретив однажды такую или падают перед ней в обморок от счастья, или с горя - в объятия другой женщины.

При любых иных жизненных обстоятельствах Лёвчик влюбился бы в эту девчонку с первого же взгляда и по самые свои лопухие, что он и делал до сих пор довольно регулярно и с убийственно регулярными негативными результатами...

И на этот раз он уже готов был утонуть в огромных, бездонных в своей синеве глазах, задохнуться от пряного аромата пышных русых волос, и умереть от восторга у эталонных ног гениальной красоты. Лёвчик питал к красоте эгоистическую слабость: он хотел, чтобы она принадлежала только ему. Ревность, как известно, умирает только в тюремной камере на двоих, а женская красота - это всего лишь ценный товар, за который мужчина старается заплатить как можно дешевле...

Девчонка была истинным чудом, однако, уже слегка наученный горьким, хотя и коротким жизненным опытом, Лёвчик пока с превеликим трудом, но всё же пытался не распространять внешние достоинства женщины на её внутренний мир. Он не раз имел возможность убедиться в том, что, насколько женщина хороша издали, настолько она неинтересна вблизи. И вообще, как оказалось, чем меньше в женщине есть своего, тем больше она навешивает на себя чужого, однако на мужчин все эти макияжи и цацки действуют удивительным образом, оглупляя их до крайней степени. Воистину, женщина живёт ногами вперёд, пока мужчина - головой назад...

Горький жизненный опыт делает ещё мудрее зрелых людей, и ещё глупее - безусых юнцов. Лёвчик был уже на самой грани, у порога первого своего личного Рубикона, который он собирался перейти. Он мог сейчас совершить либо последнюю в своей жизни глупость, либо сделать первый маленький, но мудрый шаг.

Лёвчик знал, что женщинам особенно нравятся большие герои или хотя бы мелкие негодяи. Он ещё не успел стать ни тем, ни другим, поэтому все надежды возлагал на свой свежееиспечённый колледжский диплом с отличием, да на пока радужные перспективы многообещающей должности начинающего младшего менеджера.

Чем красивее женщина, тем глупее ведут себя окружающие её мужчины, а рядом с умной женщиной уверенно себя чувствует только идиот. Выбирая из двух этих женских зол, Лёвчик всё-таки предпочитал красоту, поскольку сам с рождения испытывал некоторый её дефицит. А ума ему пока вполне хватало и своего.

Найти повод для знакомства был делом пустяковым. Красивые женщины благосклонны к вниманию видных мужчин, а рядом с такими, как Лёвчик, они чувствуют себя коронованными Мисс - Вселенными, и свои фотографии дарят им, как иконы, абсолютно уверенные в том, что на них будут денно и нощно молиться. Красивые женщины ищут не столько единственной любви, сколько многочисленного поклонения: любовь к себе самой не нуждается во взаимности...

Лёвчик был доволен - всё шло, как по писаному. С трудом сдерживая себя от конвульсивных любовных приступов, за которыми, как он хорошо знал, следовала цепная реакция погрязания в неуправляемую взрывоподобную страсть до гробовой доски или первой ссоры, он принёс зацелованную им до несмываемых пятен фотографию претендентки на его вечную любовь и раскладушку ещё не покинутого общежития родного колледжа, в полуживой от отсутствия финансовой поддержки со стороны государства институт своего друга, и доверил её приёмнику экспериментального физиогномического интерпретатора. Аппарат загудел, заглатывая пищу для своего солидного ума, и задумался почти на полчаса.

Лёвчик полулежал в мягком кресле напротив и безмятежно витал в облаках своего загулявшего матримониального воображения. Будущее рисовалось ему прекрасным и светлым, как детские сны, хорошо разбавленные тёплым материнским молоком.

Интерпретатор громко щёлкнул и несколько брезгливо выплюнул на пол короткий обрезок широкой ленты. Лёвчик торопливо поднял его и нетерпеливо развернул. С цветного синтезпортрета на него угрюмо смотрела морщинистая носатая старуха с мохнатой бородавкой под завешанным отвислым веком злым глазом.

Лёвчика передёрнуло от отвращения.

«Семьдесят восемь лет, - прочёл он убористый текст под портретом. - Сварлива до самозабвения... Склонна к частым немотивируемым скандалам... Страдает хроническим диабетом... Пожизненно брезгует домашними делами... Весьма неравнодушна к спиртному...»

Он горестно вздохнул.

- «Ах, Светик, Светик... А с виду - сплошные обещания... Вот тебе и красота... Вот тебе и гармония...»

Очень хотелось приударить за очередной красоткой, хотя бы теоретически, для разминки души, но жаль было тратить пустую драгоценное время жизни. Любовь глаз, как и глазная болезнь, часто ухудшает зрение - это Лёвчик с помощью интерпретатора уже уяснил. И то, что иногда свет сходится клином и от косоглазия...

Лёвчик не стал спорить со сложным аппаратом и проверять его правоту на своей многострадальной шкуре. Физиогномика - наука серьёзная, а машина, хотя пока и не запатентованная, была основательно опробована. Лёвчик не раз совал в неё разные ранние фотографии своих родителей и родителей друзей. Точность прогнозов была стопроцентной!

Он выудил из блока анализа снимок своей несостоявшейся подруги всей жизни, и с некоторым сожалением отправил его в урну. Первая попытка посвататься на научном уровне потерпела полное фиаско...

////////////////////////////////////

...Девушка была весьма хороша собой, но красота уже слегка отпугивала Лёву. Влюбчивость его всё ещё не хотела знать никаких границ, и он сам уже начинал слегка её побаиваться. Тот, кто не может вести любовь за собой, идёт у неё на поводу. Запуганный интерпретатором почти до икоты, Лёва теперь проявлял предельную осторожность в выборе претендентки на свою однокомнатную приватизированную. Юношеский задор и запал улетучились вместе с приличной частью шевелюры, но желание обрести наконец достойную спутницу жизни переполняло душу, как и прежде.

Есть любовь-страсть и есть любовь-влечение. Первая породила все известные виды искусств, вторая - все так же известные виды венерических заболеваний. Лёва ещё был способен на страстную любовь, хотя и не на такую пылкую, как десять лет назад. Он жаждал творить и дарить! Каждый мужчина способен увековечить имя любимой женщины, только один делает это корявыми буквами на ближайшем заборе, а другой золотыми - в мировой литературе. Или в науке...

Женщину невозможно любить много - она этому всё равно не поверит. Женщину невозможно любить мало - она этому тоже не поверит... Всю эту науку Лёва познавал, впитывая своей жадной душой бальзам и желчь любовных терзаний, но успехи его на данном поприще были пока весьма и весьма плачевными...

Марина не скрывала душевного одиночества, но, судя по её поведению, скрывала что-то другое... Тем не менее, свою фотографию она дала охотно и, как Лёве показалось, несколько привычно. Он бы даже сказал - заученно... Общение с интерпретатором наложило на него определённый отпечаток скептицизма и физиогномического профессионализма, поэтому Лёва нуждался теперь лишь в подтверждении собственных предположений.

А новейший интерпретатор, к которому его изредка подпускали, давно уже уставший от его бесконечных смотрин, молча глотал фотографии и так же молча их выплёвывал...

Лёва грустно посмотрел на синтезпортрет очередной глубокой старушенции, вид которой вгонял его в хроническую тоску, бегло прочёл опять-таки неутешительный текст и, скомкав лист, бросил его в привыкшую ко всему этому урну...

////////////////////////////////////

...После тридцати лет женщины уподобляются мумиям: начинают выяснять, кто лучше сохранился...

...Когда нет любви, красивой женщину делает косметика...

...Для мужчины женщина - цель; для женщины мужчина - средства...

...Затянувшееся одиночество готово довериться первому встречному...

...Старость ждёт, когда от женщины уйдёт любовь...

...В доме одинокой женщины легче найти отпечатки грязных мужских ног, нежели следы умелых мужских рук...

...Умная женщина не прощает бездарному мужчине его бездарности, а талантливому - своей...

...Женский рай находится в тени мужских рогов...

////////////////////////////////////

...Женщина была довольно миловидна, слегка полновата, но именно так, как Лев Иванович с некоторых пор любил. Тронутые лёгкой сединой кудрявые волосы лишь дополняли спокойную доброту её лица. Умные глаза излучали нерастраченную попусту нежность, а в неброской манере одеваться чувствовался хороший вкус и склонность к экономии, что Лев Иванович теперь ценил в женщинах более всего. Ему осточертели двухкомнатные хоромы на одного, холостяцкие завтраки и ужины почти всухомятку; он дорожил своей должностью, своей фирмой и своей машиной; он считал, что его совсем не старит лысина и совершенно не портит брюшко, но за всем этим требовался хороший женский уход.

Фотографию Лев Иванович выпросил у новой своей претендентки с большим трудом. Женщины этих лет делают мужчинам такие подарки весьма и весьма неохотно, потому что им самим хочется смотреть на них так же редко, как и в зеркало...

А Лев Иванович просто смертельно устал и от одиночества, и от своих поисков, не дающих результатов. Чем богаче становился его жизненный опыт, тем трусливее делался он сам.

...Старушка была довольна симпатична и весьма уютна. В её не обесцвеченных жизнью глазах отражалась всё та же душевная доброта, а в лице светило всё то же спокойствие.

«Склонна к самопожертвованию... – с удовольствием прочёл Павел Иванович под синтезпортретом. - Хорошая хозяйка... Заботлива... Умна и весьма незлобива...»

Это была сказочная находка! Лев Иванович тут же обрёл второе дыхание и третью молодость. Он достал из финской стенки пропахший нафталином костюм от Кардена, как мог, заглушил средство от моли «Кристианом Диором», купил в цветочном магазине напротив букетик почти свежих роз, и пошёл свататься. Он долго топтался перед нужной дверью, прежде чем коснуться пальцем кнопки звонка. Возможность удача делает нас трусливее, чем после былых неудач...

Вера Сергеевна всё сразу поняла и в её добрых глазах промелькнула лёгкая тень сожаления. Не впустив Льва Ивановича в дом, и, не сказав ему ни слова, она повернулась и пошла вглубь квартиры. Он ждал на лестничной площадке, теряясь в догадках.

Вера Сергеевна очень скоро вернулась, сдержанно протянула ему скрученную в тугую трубку бумагу, и громко захлопнула перед его носом входную дверь...

Лев Иванович медленно развернул лист и увидел синтезфотографию. Обрюзгий, желчного вида, подозрительно знакомый старикашка с волосатыми оттопыренными ушами и абсолютно голым черепом уныло глядел на него бесцветными водянистыми глазами.

«Желчен... - прочёл Лев Иванович под портретом. - Ленив... Жаден... Неуживчив...»

Он смял лист в нервно сжавшемся кулаке.

- Эх... - огорчённо вырвалось у Льва Ивановича. - И где только она достала мою фотографию?..

Каждое
огородное пугало
мнит себя
манекеном
в дорогой витрине...

* * * * *

ЗАКЛИНАНИЕ

Огонь не гаснет оттого, что от него зажгли другой.

Лукиан

Пещера была сырой и на редкость вонючей. Мерзких запахов в ней было слишком много для пустого и не очень просторного помещения. Что в ней могло так отвратительно пахнуть, кроме сырых каменных стен и земляного пола? Само Время? Трескучий чадный факел высвечивал обсмаленные, изрисованные непонятными значками времён пещерных людей, исписанные невразумительными словами и словосочетаниями типа «Маша + Миша» современных троглодитов, местами сильно заплесневелые стены. Высокий потолок куполом нависал над равномерно разбросанными по пещере человеческими костями.

Кости смущали Олега больше всего. Судя по надписям, пещера была изредка посещаемой, а туристы - это народ, весьма охочий до всевозможных сувениров, и все эти детали чьих-то скелетов просто обязаны были растащить по городским квартирам в качестве экзотических экспонатов. Если только эта пещера не является местом сборищ современных каннибалов. Сначала на стенах «Маша + Миша», а потом - «ням-ням»... Машу или Мишу... Или их обоих сразу...

Олег пнул ногой пялившийся на него пустыми глазницами череп. Жутковатый реквизит! От чего тут могли умирать люди? От голода? От болезней? От старости? Сами они сюда приходили, или их приводили со связанными руками? И убивали здесь?

Он присел и посветил над черепом факелом.

Череп был дырявым, но Олег не смог идентифицировать повреждения. Это могли сделать туристы острыми предметами, это могли быть следы от пуль. Или клыков... Как это было ни пугающе странно, сходство с клыками казалось максимальным.

При мыслях о клыках Олег почувствовал лёгкий холодок на коже спины между лопатками. Судя по следам, владелец этих зубок разительно отличался от всех представителей местной фауны...

Олег представил, как беспечные туристы забираются в эту пещеру, придуриваются на стенах, орут дурными голосами, оценивая её акустику, и тут появляется ОН... Из какого-нибудь пещерного закоулка... Огромный... Клыкастый... Голодный...

Олег посветил факелом над другим черепом. Дырки в нём выглядели ещё более устрашающе, как и борозды от клыков, которые его когда-то жадно глодали...

Суеверные страхи начали оживать в материалистической душе, но черепа со следами звериного пиршества выглядели слишком уж реалистично для чьего-то глупого розыгрыша. Добавить к уже имеющимся здесь и свои обглоданные косточки?..

Олег инстинктивно отшатнулся к глухой стене, прикрыв ею свою беззащитную спину.

Что-то попало под ногу. Он скосил глаза.

Книга... Старая... Большая... Фолиант, как такие называют. Или манускрипт? Металлическая обложка на металлических застёжках. Олег посветил факелом.

«ВЕДЫ»... Слово на обложке книги вызвало в памяти какие-то смутные ассоциации. Что-то старославянское... ЗНАНИЯ?.. Или что-нибудь ещё в том же роде?..

Эфемерные страхи чуть потеснились, уступая место здоровому любопытству. Олегу ещё не доводилось видеть вблизи подобных книг. В общественных библиотеках они закрыты для широкого доступа, а букинисты прячут их даже от солнечного света. Что в ней может быть? Древние знания или не менее древние заблуждения?

Руки были заняты, поэтому Олег поддел тяжёлую обложку ногой и перевернул. Книга раскрылась на какой-то из многочисленных своих страниц. Бумага была древней, но прочной, даже сырой воздух пещеры не помешал ей выжить. И тому, что в ней было написано... Вязь глаголицы или кириллицы читалась с превеликим трудом. Как всё-таки поразительно меняется язык за столетия!

«АКИ СТАТЬСЯ ДРАКОНОМЪ»...

Это было не совсем понятно. Как стать драконом? Стать им в душе или физически превратиться в него? Олег пробежал взглядом по пояснительному тексту.

— Глаголь в голос... — он механически читал малопонятные словообразования вслух. — Истроно турко понт... Оректа вела приста... Хурко ликера артиль бурмо...

...Факел и рюкзак упали на пол пещеры. Уже ускользящее сознание Олега зафиксировало отдаляющуюся книгу и то, что некогда было его руками, а теперь претерпевало жуткие метаморфозы. Пальцы удлинялись и утолщались, покрываясь грязно - зелёной чешуёй, из которой энергично лезли кривые острые когти. Одежда с треском лопалась на разбухающем теле, осыпаясь с него многоцветными обрывками. Факел испуганно всхлипнул слабеющим пламенем и погас.

...Дракон вскинул все три своих головы почти к самому потолку, и с голодным трёхглоточным рыком дохнул тремя струями пламени, опалившими близкие стены.

Пещера была пуста, и потому некем было утолить голод. Обглоданные кости тех, кто имел несчастье прийти сюда для неожиданных встреч с предшественниками новоявленного Змея Горыныча, уже не могли утолить нарастающей желудочной страсти.

И не было пути обратно. Не было разума, чтобы прочесть нужные слова, и не было человеческого языка, чтобы произнести их. Была лишь злоба, голод и чудовищная сила...

Дракон свирепо взревел в три своих глотки, осыпав с потолка пещеры мелкие камни, стеснённо развернулся, и с грохотом и скрежетом брони пошёл к выходу, оставив мёртвые кости и древнюю книгу, открытую на одной из многих страниц...

*Гостей из Ада
глупо кормить
амброзией...*

* * * * *

ПОВЕЗЛО!

*Человек должен запастись тем, что держится на воде.
Диоген*

Если корабль и шёл на посадку, то, скорее всего, не на самую мягкую... Он почти вертикально падал вниз, регулярно и подозрительно раскачиваясь, точно заглядывая под себя, и примеряясь, куда бы поаккуратнее плюхнуться, и от натуги громыхал всеми своими незакреплёнными внутренностями и ржавыми наружностями. Редкие выхлопы его двигателя со стороны казались лишь помехой, потому что после них корабль окончательно терял ориентировку в пространстве, и начинал вдобавок ко всему ещё и вращаться вокруг трудно определяемой оси, ошарашено тараша по сторонам иллюминаторы. Судя по крепким запахам, которые корабль интенсивно излучал, экипаж гнал в двигатель уже не только качественное горючее, но и всякую дрянь, попадавшуюся ему под руки...

Чудом не зацепив кривой лапой посадочного шасси провода линии электропередачи, корабль, наконец, грохнулся на раскалённую землю Техаса всей своей солидной и утомлённой путешествиями тяжестью. С его обшарпанных бескрайним Космосом бортов градом посыпалась оставшаяся краска неопределённых оттенков.

Сэм с интересом наблюдал. К нему на ферму ещё ни разу не наведывались инопланетяне, и это было весьма невежливо с их стороны. Чем он, если разобраться, хуже других?!

Какое-то время корабль стоял, со скрипом, треском и шипением приходя в себя, и пытаясь хоть что-то рассмотреть на Земле сквозь целую вечность не очищавшиеся от пыли иллюминаторы, затем послышался приглушённый металлический лязг, и в его обглоданном тем же Космосом боку открылся большой квадратный люк.

Сначала наружу высунулась невероятно ушастая голова. Существо огляделось и без любопытства поглядело на Сэма треугольными глазами, которых, к его удовольствию, у существа было всего два. Сэм терпеть не мог всех этих жутких историй об ужасных видах инопланетянах.

Нет, этот пришелец был вполне фотогеничен из себя, если не придирается к таким несущественным вещам, как совершенно круглая голова и жёлтый цвет лица. Он перевалил всё то, что следовало за его габаритными ушами, через обрез люка, и плавно съехал по откинувшемуся пандусу, растревожив напоследок только угомонившуюся после посадки корабля земную пыль. Весёлое облачко станцевало вокруг пришельца кордебалет из миллионов москитов, и тут же осело.

Сэм ждал. Дел у него было полнейший невпроворот, но гости есть гости... Тем более, издалека.

А пришелец, определённо, был из каких-то новеньких. Во всяком случае, он не соответствовал ни одному из типов, описанных прежде очевидцами. Его голова, глубоко утопленная в вертикальное продолговатое тело, непрерывно вращалась, поводя избыточными ушами, а глаза заинтересованно зыркали по сторонам. Оглядевшись и сориентировавшись, существо взяло курс на Сэма, и смешно затопало к нему на четырёх коротких косолапых ножках, взбивая заспавшуюся от жары и долгого штиля пыль, и таща за собой куцый крокодилий хвостик, рисовавший в ней абстрактную кривую. Оно было невелико ростом и даже на всех четырёх цыпочках вряд ли дотянулось бы Сэму до его отвислого, хорошо откормленного живота. Существо остановилось футах в пятнадцати от сильно заждавшегося в своём любопытстве фермера и выпятило вперёд хлипкую пупырчатую грудь с короткими верхними лапками, которых опять-таки к удовольствию землянина, с трудом простившего гостю его четыре ноги, было всё-таки две. Под глазами у существа торчал крохотный клювообразный носик, и напрочь отсутствовал даже слабый намёк на рот, поэтому Сэм не знал, куда ему глядеть и чего ждать.

- КРИКЛЕ КОРКЕ! - громко и разборчиво пискнуло существо непонятным местом.

Сэм растерянно огляделся, точно обращаться инопланетянин могли к кому-то другому.

- ЧУМЛЯ ЧАКА! - снова настырно пропищал пришелец, дожидаясь ответа землянина.

Сэм замотал головой, не зная, на каком языке разговаривать с инопланетным гостем.

Существо отследило глазами движения сэмовой шляпы и до него видимо дошло, что до Сэма не доходит. Голова пришельца повернулась на сто восемьдесят градусов. Горячий тяжёлый воздух Техаса удивлённо свистнул в незнакомой ему конфигурации ушей.

- ХРИНЧА! - пискнул собеседник Сэма, обращаясь теперь уже к своему кораблю.

...Из распахнутого тёмного люка летающей по Космосу машины неловко вылез другой ушастый «красавец» и, неудачно шагнув, сорвался с пандуса, повиснув на шнурке, который в нутре корабля как будто за что-то основательно зацепился.

- ХРИНЧА!!! – яростно и звонко взвизгнул пришелец, стоявший около Сэма, на более высоких тонах, в которых зазвучала откровенная начальственная грубость.

Тот, который, по-видимому, был помощником, отчаянно задёргался на шнурке, стиснув его верхними лапками. Через край люка с натугой перевалилось что-то крупноразмерное и, чудом промахнувшись в резво нырнувшего под брюхо корабля ординарца, устроило на его недавнем месте маленький пылевой термоядерный взрыв.

Из облака тут же вынырнул хорошо вымуштрованный космический служака. Ящик, который он тащил на шнурке за спиной, мешал идти строевым шагом, но помощник изо всех сил старался его соблюдать. Он подволок груз и тренированно сбросил облезлую, помятую от частого пользования ношу к ногам своего начальника.

Патрон перевернул ящик нужной стороной вверх, важно взгромоздился на него, и снова вспомнил про Сэма.

- ЧУМЛЯ ЧАКА! - пискнул он уже знакомое.

- ГАРЯЧЭ ЭСТ! - хрипло тряхнул ящик своего седока.

Сэм снова, на этот раз ещё выразительнее помотал совершенно обалдевшей головой.

- Спасибо! - быстро сказал он, представив, какое у них должно быть горячее. - Я уже обедал!

Ящик многогласно запищал, переводя. Оба инопланетянина внимательно его слушали.

Очевидно, ответ Сэма их не удовлетворил.

- ЧУМЛЯ ЧАКА! - стал настаивать шеф.

- ГОРЯЧЭ ЭСТЬ?! - сменил ящик интонацию.

Сэм растерянно оглянулся на свой дом.

- Ланч уже был, джентльмены, поэтому вам придётся слегка подождать. Но я сильно опасаюсь, что традиционная американская кухня вряд ли придётся вам по вкусу...

Инопланетный шеф даже не дослушал до конца писк мятого ящика. Он спрыгнул с него и, побегав вокруг, энергично пнул ногой в гулкий металлический бок.

Что-то явно было не то. Либо Сэм не так отвечал, либо ящик не о том спрашивал.

- ЧУМЛЯ ЧАКА!!! - заверещал шеф уже надоевшее, и от избытка чувств пнул ещё и индифферентного помощника.

- ГОРЮЧЭ ЭСТЬ?! - разродился наконец ящик чем-то английским и почти вразумительным.

Сэм обрадовался, что кормить его своим меню пришельцы не собираются, и на запасы фермы тоже не покушаются.

-Есть! Есть! - радостно сказал он и юркнул в гараж. Вытащив канистру с бензином, Сэм поставил её перед инопланетным шефом. Тот прищелкнул одним глазом к открытой горловине и что-то долго в канистре высматривал. Потом сунул туда свой нос...

...Опять что-то было не так! Шеф шустро отпрыгнул от канистры, втянул в голову по шляпку свой и без того коротенький носик, и стал с писком плеваться в разные стороны пеной, едва не попадая при этом в увёртывавшегося Сэма. Плевки вылетали из непредсказуемых мест головы пришельца, в которой на секунду открывался крохотный розовый ротик.

Шеф наконец отдышался.

- ХРЕНКА ДРЯНА! - сипло изрёк он, стараясь не смотреть на канистру. - ЧАКА ШВАНКА?!

- КАКОЕ... - ящик на секунду загнулся, затрудняясь с переводом. - КАКАЯ... КАКОЙ...

Очевидно, в известном ему английском синониме не нашлось, и он пошёл дальше:

- А ДРУГОЕ ЕСТЬ?! - Ящик определённо делал в переводе всё большие успехи.

- Нет, - радостно признался Сэм. Он был доволен и тем, что бензин пришельцам тоже не подошёл. Просто дарить было жалко, а доллары у гостей, скорее всего, не водились.

Шеф дослушал перевод и отказался верить Сэму на слово. Уже вылезший из его головы нос - клюв вдруг стал бойко вытягиваться, пока не начал изгибаться под собственной тяжестью. Шеф отошёл от Сэма, чтобы ненароком его не зацепить, и стал медленно поворачивать голову вокруг оси, откровенно приносиваясь.

Нос указал направление на стоявший особняком туалет и выжидательно замер.

- ШКРЫСЬ! - пискнул шеф, приказывая, и вновь взобрался на свой говорящий постамент.

- ПРОВЕРИТЬ!!! - уже вполне по-английски повторил команду ящик, усилив интонацию.

До сих пор дисциплинированно демонстрировавший своё отсутствие вполне присутствовавший помощник сорвался с насиженного места, и вразвалочку резво заковылял по компасу начальственного носа, исчезнув за белой дверью сортира.

Сэм машинально глянул на часы, прикидывая, сколько, исходя из его размеров, потребуется помощнику времени на то, чтобы опраться. Получалось, что не более двух минут.

Помощник выпал через минуту. Он буквально вышиб грудью слегка прикрывшуюся за ним дверь, и полетел докладывать.

Сэм сразу заметил, что помощник после визита в его туалет резко изменил свою первоначальную окраску, через секунду он понял, что тот попросту перемазался и, когда сообразил, в чём именно, недавний ланч запросился на свободу.

Сэм энергично отпрыгнул, уступая помощнику как можно большее жизненное пространство, а тот подскакал и замер перед шефом, подтекая тем, что в весьма ароматном виде уже дошло до обоняния Сэма, и отчего он теперь старался пореже дышать...

- ШИНТА РЛЯНА!!! - радостно запищал помощник и от восторга запрыгал на месте, забрызгивая величественного шефа.

- ВЫСШИЙ СОРТ!!! - по инерции отгромыхал ящик.

Шеф втянул в себя нос – компас, спрыгнул с любимого постамента, и нетерпеливо хлопнул по пыли хвостом.

Помощник кенгуриным аллюром проскакал к кораблю и запрыгнул в люк. Он долго громыхал там чем-то лёгким и многочисленным, потом из люка выпорхнула его чумазая фигура с толстым шлангом, зажатым в лапках. Традиционно не совсем удачно приземлившись, он поволок тянущуюся за ним длинную трубу мимо шефа и Сэма к сортиру.

Сэм усиленно дрыгал своими завязанными узлами извилинами, но всё равно пока ничего не понимал.

А помощник тем временем активно действовал. Он вынырнул из сверкавшего белизной строения, связанного теперь с кораблём длинной гофрированной пуповиной, и прежним хорошим аллюром поскакал к кораблю. В его нутре что-то захрюкало, в туалете в ответ зачмокало, и шланг заизвивался в пыли, точно от наслаждения...

В обжаренном солнцем мозгу Сэма что-то, наконец, стало проклёвываться, но пока очень робко...

...Сначала перестало хрюкать на одном конце шланга, потом чмокать - на другом. Шланг в последний раз глотнул, сладострастно изогнулся, и расслабленно вытянулся. Вдоль трубы весело пропрыгал неутомимый помощник и утащил пускавший от удовольствия пахучие слюни насосавшийся шланг обратно в корабль. Скоро он вернулся к Сэму и бросил наземь тяжёлый и грязный брусок металла.

- СРЫНКА... - опять торопливо пропищал шеф. - КЫРДА ФЛИКСА МАНА...

- ОПЛАТА... - уже совсем уверенно прохрипел железный ящик. - ПРИШЛЁМ ЗА ТОПЛИВОМ ТАНКЕР...

До Сэма наконец доехало окончательно. Он поглядел на свою белую частную собственность, на чужой корабль, готовящийся улететь, и глубоко задумался, пока не зная, благодарить ли ему гостей за очистку туалета, или привлечь к суду за то, что они лишили его удобений.

Пришельцы не стали дожидаться ни благодарностей, ни скандала. Помощник взвалил на себя разговорчивый ящик и поволок в корабль. Его шеф, сохраняя огромное достоинство, простествовал за ним. Когда люк корабля закрылся, Сэм отошёл подальше, чтобы его случайно не задело ядовитыми выхлопами.

...Двигатель затарахтел, захлопал, загудел, и наконец заревел, жутко чадя и раздувая ленивую пыль. Запахло так же, как и при посадке. Корабль осторожно взлетел, опасно обогнул ЛЭП и, уже не озираясь, стал скачками набирать скорость и высоту. Проводив его взглядом, Сэм подошёл к оплате за его дерьмо, и брезгливо нагнулся над грязным бруском, разглядывая его...

...Это был как солнечный удар! Мгновенно забыв об элементарной гигиене, Сэм жадно сцапал брусок обеими руками, и помчался к себе в дом. На кухне он сунул его под кран, дрожащими руками долго мыл горячей водой с ароматным мылом, потом положил на освещённый солнцем подоконник, и впился в жёлтое чудо глазами.

Это было золото!!! Самое настоящее золото!!! Вне всяких сомнений!!! Кому как не коренному тexasцу узнавать его с первого взгляда!!! Золото!!! Не менее тридцати фунтов!!! Целое состояние!!! За что?!! За какую-то кучу дерьма!!! Невероятно!!!

Сэм сорвал со взмокшей головы шляпу и отгородился ею от блестящего видения. Помедлив, он осторожно, точно боясь чего-то, сдвинул шляпу и глянул одним глазом.

Золото было на месте.

И тут Сэма подбросило!

- «ТАНКЕР!!! ОНИ ЖЕ ПРИЛЕТЯТ ЕЩЁ!!! С ЗОЛОТОМ!!! ЗА ДЕРЬМОМ!!! КОГДА?!! МОЖЕТ, ПРЯМО СЕЙЧАС!!!»

Сэм вылетел из дома и заметался по двору, не зная, с чего начать. Он вбежал в родной туалет и заглянул в дыру.

Клозет был вылизан до блеска...

Сэм взвыл, схватился за голову мокрыми руками и выскочил наружу. Он бегом вернулся в дом, бросил в потайной сейф восхитительно тяжёлый брусок, набил карманы пачками денег, и помчался в гараж.

...Нужно было в темпе объездить все соседние фермы, потом нанять ассенизационные машины, и найти, куда сливать столь драгоценное у инопланетян горючее...

Обладание

большими ценностями

порождает желание

владеть ещё большими

сокровищами...

* * * * *

МЕСТЬ

Я перед ним виноват, следовательно, я должен ему отомстить.

Фёдор Достоевский

...Где-то в густой темноте близкого берега что-то коротко и звонко шаркнуло, и после нескольких томительных секунд напряжённой тишины треск, скрип и шуршание разодрали ночной покой на длинные звонкие лоскуты. Земля стонущее охнула, приняв на своё сонное тело тяжесть могучего дерева, и остались лишь шорохи, крики перепуганных птиц, да мечущееся от берега к берегу эхо.

— Никак, дерево пало... — с любопытством сказал Трофим, подняв вёсла и прислушиваясь.

Онуфрий лениво промолчал в ответ. Это было совершенно ясно и без чьих-то слов.

На берегу шуршало и потрескивало - упавшее дерево укладывалось на земле поудобнее.

— Чудно... — добавил Трофим, вновь погружая вёсла в воду. — По звуку, вроде, живое, не сухостой...

— Корни, должно, были на камнях, — предположил Онуфрий. — Не сдержали.

— Стало быть, так, — сразу согласился Трофим. — А то с чего бы ему валиться, коли бобров тут нет...

Вёсла с тихим плеском ритмично уходили в воду, толчками гоня лёгкую лодку вперёд. Озеро сливалось с ночью, и звёзды, отражавшиеся в его зеркальной глади, подмигивали самим себе. Онуфрий молча посасывал слабо тлеющую сигарку, думая о чём-то своём, потаённом. Предутренний сонный, ещё совсем

незрячий ветерок сослепу ткнулся ему в грудь, и испуганно шарахнулся в сторону. Онуфрий опустил ниже голову, чтобы прикрыть бородой прореху на груди.

— Долго ищо? — спросил уставший Трофим

— Рядом. За плёсом залив будет, тама и станем. Место проверенное, богатое, так што не сумлевайся.

— Ты сказывал, у тебя там заимка?

— Шалаш токмо. Заимку мы срубим уже с тобой и тама же опосля перезимуем.

Трофим шумно сглотнул.

— Есть сильна хоцца... Почитай, всю ночь куда гребём, без хорошего передыху...

— Скоро, — многообещающе сказал Онуфрий. — Запалим немалый костёр, сварим скорую уху. У меня тама и соль была припрятана в бутылки. Всё тама...

— Эхма! — Трофим, чуть постанывая, распрямил натруженную спину. — Скорее ба...

Онуфрий уже различал его лицо в слабеющей предутренней темноте. Трофим грёб лениво, экономно: он берёт главные силы для будущего сытного завтрака.

— Успеем, — сказал Онуфрий. — И ухи поесть, и избу поставить, и золотишка намыть. Лето долгое...

От упоминания о золоте у Трофима добавилось сил. Вёсла заработали веселее.

— А ты давно то место сыскал?

— Чего?! — встрепенулся задрёмывавший было в очередной раз Онуфрий. — Како тако место?

— Да то самое. Золотое...

— Ах, ты про то... — Онуфрий не закончил, будто не желая отвечать, и заворочался на узкой холодной лавке. Тело его от долгого сидения совсем онемело.

— Понятно... — сказал словоохотливый Трофим. Ему легче было говорить, чем молчать.

— У прошлом годе... — Онуфрий всё же снизошёл до ответа. — По осени то было...

— Один нашёл?

Онуфрий снова непонятно промолчал. Разговор у них явно не клеился, да Трофим на нём особо и не настаивал - ему вполне хватало и этих редких слов в ответ. Онуфрий слыл угрюмым и замкнутым старателем, он или не хотел рассказывать, или что-то стряслось с его напарниками, если таковые были. Чужая душа - потёмки, а у Онуфрия она чернела безлунной и беззвёздной ночью.

...Опять коротко и звонко шаркнуло, как показалось, уже совсем рядом. Трофим от неожиданности уронил вёсла, глядя на то, как едва различимая в приближающемся рассвете гигантская разлапистая ель, стоявшая у самой воды, стала плавно и почти бесшумно падать в озеро.

Трофим смотрел с открытым ртом.

Дерево наконец добралось до воды своими машущими ветками, и ухнуло в неё, подняв облако брызг. На берегу, на том месте, где оно только что стояло, виднелось что-то белое.

— Ты гля! — изумился чрезмерно эмоциональный Трофим. — Ищо одно! Живоя!

Онуфрий привстал с лавки и вглядывался в пока не очень различимый берег.

— Кажись, там лесоповал, про который ты не ведал... — неуверенно сказал Трофим, снова берясь за вёсла. — Хотя, нет, пилы я не слышал, и топора тожа... Да и кто ж рубит лес ночью?..

Онуфрий, ни слова не говоря, взял со дна лодки свою безотказную берданку.

— Лиходеи?! Душегубцы?! Тати?! — Трофим тарахтел, поддерживая самого себя. Ему было страшновато. Ходило немало слухов о грабителях, отнимавших золото у живых и мёртвых старателей, а Трофиму вовсе не хотелось делиться с ними чем-то.

— Не должно, — мрачно и тоже не очень уверенно отозвался Онуфрий. — Места тут глухие, да и орудуют они зимой, после всего. Что щас с нас брать- то, весной?..

— Были сии места глухие до нас с тобой, да и держит старатель всегда кое што про запас. Може, хто вас с напарником выследил у прошлом годе? Смекаешь?

— Кто?! — огрызнулся Онуфрий. — Ведмедь? Здесь их поболее будет, чем людишек!

— А хто ж тады шумит?

— Тайга... Она могёт по всякому...

— И деревья пилить тожа? — Трофим нервно озирался, сбиваясь с ритма гребли. — Тама жа пенёк остался!

— Показалось тебе...

— А то! — не согласился Трофим. — Можя, подплывём, поглядим? Тута совсем недалече.

— Оно тебе поглядит на башку... — буркнул Онуфрий. — Правь лучше к берегу - вона, шалаш!

Трофим стал послушно выгребать в нужную сторону, пугливо всматриваясь, хотя место выглядело действительно нетронутым. Присутствие людей всегда что-то выдаёт: вытоптанная трава, срубленные для костра деревья, мусор, кострище.

— Остороже выгребай-то, — советовал Онуфрий. — Тута гдесь была отмель.

Лодка пробороздила илистое дно, и уткнулось носом в траву берега. Трофим бросил уже опостылевшие вёсла, прыгнул на сушу, и ухватился за лодку, удерживая её от заднего хода.

— Выходи! — сказал он. — С тобой в лодке не зятяну, берег больно высокий.

Ёжась от сырой прохлады, Онуфрий неловко выбрался на сушу. Ноги совершенно затекли от длительного безделья. Он походил по давно не топтаной траве, разминая их и глядя на то, как Трофим вытаскивает лодку из воды. Было уже почти светло.

— Лады! — Трофим вытер о холщёвые штанины мокрые и грязные ладони. — Таперь нать костерок изладить. Есть так хоцца - силов никаких моих уже нетути!

— Дрова сухие, должно, — сказал Онуфрий, оглядывая место их дальнейшей жизни. — Дожда давно не было.

Он нервно повертел головой, и Трофим тотчас же вспомнил о недавних событиях.

— Тады я быстро! — Трофим взял из лодки остро отточенный топор, почувствовав лёгкое успокоение от отяжелевшего руку привычного для таёжника оружия, и пошагал вглубь леса. — Доставай пока всё. И про соль, смотри, не забудь...

Ноги стали совсем своими. Онуфрий прислонил ружьё к стволу вековой сосны и, широко шагая, пошёл к осевшему за почти год шалашу. Он понемногу успокаивался. Место было довольно открытое, да и уже продолжительная тишина действовала расслабляюще, отпуская нервы. Проходя мимо низенького холмика, поросшего молоденькой травкой, Онуфрий остановился, присел на корточки.

— Здравствуй, Никодим... — сказал он тихо, погладив рукой зелёную поросль. — Вот я и вернулся... Как ты тут?..

...Шаркнуло совсем рядом. Толстенная сосна, возле которой Онуфрий оставил своё ружьё, стала угрожающе клониться в его сторону. Он едва успел встать и сделать, пятясь, несколько неуверенных шагов. Колючая ветка больно ударила по голове; сосна ухнула об землю в шаге от него, накрыв могилу. Онуфрий, оцепенев, смотрел на качающиеся перед глазами ветки, усеянные иглами.

— Онуфрий!!! — Трофим возник рядом, обеими руками сжимая перед грудью топор. — Кто это?!!

Онуфрий нервно дёрнул головой, стряхивая с себя затянувшееся оцепенение.

— Тама... — сказал он, не глядя показав рукой на свежий пенёк, оставшийся от только что упавшего почти на него дерева. — Тама моё ружжо... Подыми...

Нервно озираясь и помахивая перед собой топором для устрашения невидимого противника, Трофим подошёл к указанному месту и ахнул, чуть не уронив топор.

Онуфрий снова тряхнул головой, борясь с давящим оцепенением, и шагнул к новому своему напарнику...

...Ружьё было перерублено напополам, точно попало под тот же топор, что свалил сосну...

— Леший, однако, колобродит... — сказал Трофим со страхом и нервно завертел давно не стриженной головой. — Пужает... Не хочет он, чтобы мы в его лесу гуляли, его золото собирали... Надо нам мотать отседова, пока ищо не поздно...

Онуфрий молча поднял обе половинки ружья. Срез был чистым, даже на металле.

— Ну, чего ты молчишь?! — закричал Трофим. — Уходить надо, покедова он до нас совсем не добрался! Ты же видишь, он прицеливается. Всё ближе и ближе...

Онуфрий не успел ответить. Шаркающий звук, разрубивший непрочную тишину, опередил его.

— А—А—А—А!!! — жутко заорал Онуфрий, почти теряя сознание от дикой боли, и упал на спину. — А—А—А—А!!!

Трофим уронил топор и выпученными, мгновенно налившимися красным глазами смотрел на правую руку Онуфрия. Она лежала рядом с ним, и была уже отдельно от него, отрубленная чем-то возле самого плеча. Онуфрий катался по земле, крича почти непрерывно, и пытался зажать левой рукой хлещущий фонтаном крови красно-белый обрубок, а Трофим остолбенело глядел на смиренно лежащую, быстро белеющую руку, из которой на траву лениво вытекали слабеющие кровавые ручейки...

...Пшикнуло, обдав жаром и слегка опалив лицо. Трофим прикрылся ладонями, а, когда опустил их, Онуфрий больше не кричал. Он сидел на залитой его кровью траве, бессмысленно ощупывал уже зажившую розовую культю, и тупо глядел на лежавшую особняком некогда родную руку. Мерзко пахло жжёной серой.

— Свят! Свят! Свят! Чур, меня! Чур, меня! Чур! — Трофим отпрыгнул и, отмахиваясь от невидимой нечистой силы руками, побежал к оставленной на берегу лодке.

— Стой!!! — закричал опомнившийся Онуфрий, сообразив, что напарник его бросает. — А я?!!

— Чур, меня! Свят! — Трофим уже торопливо сталкивал ставшую вдруг тяжёлой лодку в озеро.

Онуфрий не сразу из-за серьёзной потери крови, но всё же вскочил на ноги.

— Стой!!!

Он хотел побежать, но снова оглушительно шаркнуло, и он опять свалился на траву. Левая его нога, отрубленная возле самой ягодицы, лежала рядом с правой рукой.

— А—А—А—А!!! — опять заорал Онуфрий от нечеловеческой боли. Кровь фонтаном брызнула в небо, но тут же пшикнуло жаром, и он не увидел, а почувствовал, что раны больше нет, что на её месте тоже слегка зажившая культя.

— Свят!!! Свят!!! — Трофим уже яростно грёб от берега. — Чур, меня!!! Чур, не меня!!!

Онуфрий сел, помогая себе уцелевшей левой рукой, и чуть не завалился на правый бок из-за слабости. Пришлось крепко вцепиться пальцами в липкую траву.

— Никодим... — сказал он хрипло, с тоской посмотрев вслед уже далёкой лодке. — Я знаю, это ты пришёл за мной... Прости меня, Никодим... Жадность обуяла...

...Всё той же нечеловеческой болью шаркнуло по правой ноге, разинув рот Онуфрия в диком крике; почти одновременно пахнуло отвратительно воняющим жаром...

Онуфрий лежал на спине, глядя в высокое безоблачное небо, и тяжело дышал, приходя в себя. Он уже чувствовал, что теперь у него нет больше и второй ноги.

— Никодим... — опять с тоской начал он, тщетно пытаясь посадить себя с помощью оставшейся руки. — Грех на мне, Никодим... Кровь твоя на мне... Прости, Никодим... Бес попутал... Покаялся я... По гроб жизни буду... А-А-А-А!!!

Он снова выгнулся живой дугой от чудовищной боли, но пшикнуло сразу же после того, как коротко шаркнуло, и он лёг спиной на ещё не прогретую землю. Онуфрий попытался пошевелиться, но у него не было больше ни рук, ни ног...

— Никодим... — попросил он жалобно, глядя в голубое небо и глотая горячие, текущие слёзы. — Добей, Никодим... Не оставляй меня так... Пожалей... Христом Богом прошу, Никодим... Никодим! Никодим!! Никодим!!! НИ-КО-ДИМ!!!

Он орал и истерично дёргался, пока не обессилел слабым телом, и не затих. От немалой потери крови каруселью кружилась голова, и противно подташнивало. Всё так же перекликались ранние птицы, но уже не было слышно плеска вёсел.

— Никодим!.. Никодим!.. — опять взмолился Онуфрий. — Ради Христа!.. Добей!..

Вокруг было тихо и спокойно.

— Значится, ты со мною так?! — взревел вдруг Онуфрий, зверея. — ТАК?!!

Он опять бессмысленно задёргался на земле безруким и безногим телом, посылая в небо непрерывные и страшные проклятия, потом, наловчившись, стал перекатываться со спины на бок, на живот, на другой бок и снова на спину.

— Ну, погодь... — рычал он с безумной ненавистью и пеной у рта, приближаясь к берегу озера. — Погодь... Я до тебя доберусь... Я тебя и на том свете достану...

Обратной дороги

*нет —
из Ада,
и в Рай...*

* * * * *

НЕ БУДИТЕ ПЕТУХА НА РАССВЕТЕ...

Петух просыпается рано, но злодей ещё раньше.

Козьма Прутков

Шестидесятитонный вездеход толчком подбросило, как хорошим пинком загоравшую на солнцепёке черепаху. Могучие гусеницы суматошно замолотили по воздуху широченными траками в поисках утраченной опоры, лишившийся рабочей нагрузки двигатель ошалело взвыл на предельных оборотах, тратя мощность впустую. Беспечного Кошкина скинуло с насиженного сиденья, к которому Костя поленился пристегнуться, и он сразу понял, что как бы ни была мягка внутренняя обивка бортов вездехода, но когда её испытываешь голой головой, твёрдость находящейся под ней титановой брони ощущается достаточно убедительно.

Оправившийся от первого испуга, вездеход грузно осел на судорожно дёргающийся грунт, и пополз под уклон, а Кошкина инерция тут же отправила на головные испытания другого борта. Внутренний свет, пугливо поморгав, погас совсем; лучи наружных прожекторов вязли в плотном облаке пыли, поднятой с планеты сильнейшими толчками. Грохот остервенелого железа о камни, пробивая мощные борта машины, просачивался даже под гарантированно «бесшумные» наушники и до краёв заполнял голову, вытесняя из неё оставшиеся после первоначальной встряски мозги. У Кошкина вдруг заняли совершенно исправные зубы, войдя в какой-то жуткий резонанс со всей этой безумной мешаниной негармонических звуков. Зажав рукой щеку и костеря почём зря проклятого «петушка», он полез через спинку переднего кресла к Гоге, не слыша собственной ругани, а потому не испытывая от неё никакого морального удовлетворения.

Неожиданно вездеход резко тормознул и круто вильнул в сторону, огибая какую-то преграду. Кошкин, уже почти добравшийся до своей заветной цели, мешком упал на переднее сидение, и съехал с него на непрерывно прыгающие по педалям ноги Гоги. Он снизу вверх глянул на бледное в отблесках прожекторов, искажённое неслышимым криком лицо водителя, и смело предположил, что Гоге его собственная ругань сейчас тоже вряд ли услаждает страждущую душу...

Машина неслась вниз по склону, выставив навстречу возможным преследующим лавинам кормовой рассекатель. Её безжалостно бросало из стороны в сторону, как пластмассовую детскую игрушку; в бронированные борта точно лупили гигантской кувалдой, а по крыше отбивали барабанную дробь разнокалиберные камни.

Кошкин с превеликим трудом засунул-таки себя в уютное лоно ложементов, и дал ремням безопасности режим наибольшей фиксации, позволив себе после всего этого облегчённый выдох.

И вовремя! Вездеход вдруг со страшным скрежетом вляпался тупой мордой во въехавший откуда-то слева в пятно прожекторного света огромный валун, и резко наконец-то остановился. Опомнившаяся инерция хотела на десерт испытать о пульт управления прочность Костиной физиономии, но ремни безопасности, молниеносно перехлестнув его грудь крест-накрест, перехватили ценного специалиста на полпути к заждавшемуся пульту, и закинули обратно в ложемент. Кошкин лишь лязгнул зубами, обрадовавшись тому, что язык успел убраться восвояси.

Двигатель, наконец, заглох, заработав грыжу, сразу стало странно тихо. Правда, относительно тихо, как нечто контрастное недавнему грохоту. Под съехавшие набекрень «затычки» в уши полезли другие, уже не так пугающие звуки: вокруг скрежетал расслабляющийся после катаклизма металл, где-то под ногами нервно журчала жидкость в трубах терморегуляторов, и вкрадчиво шуршал по мятой броне осыпающийся песок.

Но камни больше не стучали ни по вездеходу, ни по мозгам его экипажа. Лавина, вызванная криком «петушка», иссякла, можно было ехать по прерванным делам.

В вездеходе, опомнившись, загорелся тусклый свет. Воздух, «дышал», перенасыщенный пылью, вытряхнутой из всех щелей машины. Злое, перечёркнутое чёрными усами поперёк лица Гоги было потным и, разумеется, грязным. Глядя на него, Кошкин попытался представить, как же сейчас выглядит его собственная физиономия. Вряд ли она была хоть немного чище и красивее – «петушок» остался бы доволен собственной работой.

Кошкин содрал со своей гудящей головы опостылевшие и бесполезные наушники.

- Вот это я понимаю - кукарекнул... – весело сказал он, на минуту закашлявшись от густой пыли. - Чуть душу насовсем не выкукарекал... И дух из нас - тоже...

Гога яростно сверкнул чёрными глазами, но черты его свирепого лица уже слегка сбавили интенсивность отрицательных эмоций.

- Ещё раз так кукарекнет, - добавил Кошкин, - и нас не из чего будет собирать...

Гога уже успел сменить свой гнев если не на милость, то на что-то промежуточное. Он вывернул шею и оглядел запылённую, захламлённую всем, что плохо лежало, кабину.

- Вродэ, нычего нэ раскокал... - сказал он не совсем уверенно. - Толко морды нам набыл...

Костя привстал в кресле и посмотрел на расквашенный капот родного вездехода.

- Па-ра-зит! – раздельно произнёс он, вложив в свои слова все накопившиеся за последние минуты чувства. - Опять ребята на два дна работы! Ну что у нас тут за жизнь! Никакого тебе трудового покоя! То один вырежет по морде, то другой пнёт под зад! Мы тут не столько работаем, сколько чинимся и амбулаторно лечимся!

Он включил связь.

- Хэлло, компаньерос! Как там у вас?!

На Базе кто-то долго прокашливался.

- Скрипим помаленьку... – без ожидаемого энтузиазма сказал незнакомый, сильно засоренный мусором голос. - Куча пыли, куча хлама, и четыре зуба Микки...

- Опять?! – сочувственно ахнул Кошкин. - Да, вроде, только что... Не далее как...

- Опять целых две недели отрачивать... – вздохнула База - Не везёт ему с этими «петушками»...

- Гы-гы... - не утерпел Гога. - Апат Мыки нэчэм жэват... Манннй кашыка и соска...

Кошкин прыснул. Гогин русский продолжал оставлять ещё лучшего, чем его английский.

- Микки что, спал в столовой? - спросил Костя Базу. – Или не успел из неё уйти?

- Нет, - хихикнула та в ответ. - Он просто проснулся от голода... И пошёл, пошёл, пошёл...

- Бедный Микки... - вздохнул Костя сочувственно. - Это для него большая трагедия. Теперь целых два долгих месяца ему придётся частично ограничивать себя в еде. Исхудает, бедняга, до неузнаваемости...

Похудеет не меньше, чем на центнер...

- А у вас там как дела? - поинтересовалась часто кашляющая и чихающая База. - У Гоги усы, случаем, не отпали.

Кошкин стал отстёгиваться.

- Нет, у Гоги усы сидят крепче, чем у Микки зубы. А жертвы мы пока не подсчитывали.

Он с кряхтением и чиханием перелез через спинку своего кресла и открыл багажник.

- Чтоб тебя разорвало! - упавшим голосом сказал он, и сам рухнул на сидение.

- Хана?.. - живо заинтересовался Гога.

- Больше, чем хана... - прогнусавил огорчённый Кошкин. - Это полные кранты...

Всё действительно было разбито вдребезги. Им сильно не повезло: по-видимому, огромный валун врезался в борт вездехода именно там, где находились хрупкие приборы. Теперь это был никому не нужный разноцветный металлолом.

- Сколько приборов уже угроблено, и никакие ухищрения не помогают! - заныл Кошкин. - Как спасти аппаратуру, если самого себя уберечь не в состоянии?!

- Коста... - жалостливо сказала База. - Кончай стенать, до рассвета остался всего час. Езжайте к нам, гражданская панихида по твоей аппаратуре состоится здесь...

- Вам всё хиханьки, да хахоньки! - разозлился Кошкин ещё больше. - А я теперь как без рук! Когда-то ещё прилетит грузовой корабль, а я до этого чем должен работать?!

- Ничего... - успокоил его Гога. - Кайло и лапату мы тэбэ найдем... Бэз работы нэ останэса...

Он стал заводить заглохший двигатель. Получилось это не сразу, и Кошкин, грешным делом, приготовился всерьёз слегка испугаться. Пережить целый день здесь, пусть даже под надёжным колпаком защитного поля... Перспектива была не из самых весёлых. Нейтрализовать дневные триста шестьдесят градусов по Цельсию в походных условиях полностью не удастся, даже на форсированном режиме работы кондиционеров ниже пятидесяти градусов в вездеходе не удержать.

- «Баня... Финская... На двоих... Зато похудею... - с некоторым удовольствием подумал Кошкин, слушая, как заводной Гога рычит вместе со стартером. - Килограммов на десять, не меньше... Нет большого худа без маленького добра... Маришка будет в восторге от моей стройности! Если, конечно, дождётся меня отсюда...»

Но двигатель ожил. Вездеход с трудом отодрал своё мятое рыло от нокаутировавшего его валуна, и стал неловко разворачиваться. Было ещё довольно темно, но в глубине окружавшей их ночи уже появлялись серые тона - предвестники близкого рассвета.

Вездеход, нервно взрыкивая, набирал максимально возможную скорость, чтобы успеть вернуться на базу до восхода жарковатого местного светила. Что-то невнятно чихала и кашляла База, и полуразборчиво орал в ответ Гога. Кошкин плотнее натянул на уши наушники, чтобы хоть немного оградить свои размышления от этого уничтожающего разум грохота. Конечно, на воздушной подушке было бы и побыстрее, и заметно потише, но атмосфера этой планеты была для этого слишком хлипковата. Приходилось терпеть собственную медлительность.

И этих «петушков» тоже... Они создавали яркий местный колорит и основные неудобства. Если бы ещё заранее знать, когда и где они закукарекают и, главное, с чего... Не от избытка же чувств они устраивают тут такие землетрясения!

Серая пелена на курсовом экране наполнилась контрастными тёмными штрихами, в которых уже можно было угадать и вершины дальних гор, и близкие склоны, и качавшуюся перед глазами розовую полосу, разграничивавшую небо и землю. Пыль почти осела, и лишь новые россыпи камней на накатанной вездеходами дороге говорили о том, что здесь совсем недавно произошло нечто необычное.

Быстро светало - у планеты сутки были более чем вдвое короче земных. Впереди, между двумя вершинами холмов, призывно мигал красный световой маяк базового ангара. Сейчас это был не просто ориентир, но и сигнал о том, что ночной «петушиный» концерт База выдержала без особых ЧП. Ещё несколько минут и всё! Ребята, наверное, уже заждались! Волнуются, наверное, ужасно!

Вездеход крутнулся на одной гусенице перед медленно открывавшимися воротами, точно демонстрируя всем свой основательно раздолбанный нос, и другие боевые шрамы, вкатился под монолитные своды, и умиротворённо, облегчённо заглох.

У стен ангара уже толпились люди - всем было ужасно интересно посмотреть на результаты очередного «ку-ка-ре-ку». Мало кто на Базе мог похвастаться отсутствием синяков и шишек, да и те хорошо знали, что это у них ненадолго.

Кошкин оставил Нинидзе отключать уцелевшие бортовые системы, с душевной болью сунул нос в кислородную маску, и, хлопнув Гогу по почему-то трясушей спине, обречённо полез в переходной отсек. Пока шло шлюзование, он обдумывал сценарий предстоявшего спектакля. Надо было постараться: в изолированных и малочисленных исследовательских коллективах такие моменты значат многое.

Когда внешний люк наконец открылся, Кошкин нарочито долго задержался в шлюзовой камере, исторгая наружу душераздирающие стоны, звучавшие ещё более жалобно в гелиевой атмосфере, с нечеловеческим усилием вывалил себя из люка в пыль ангара, и на четвереньках, не прекращая стенаний, пополз в сторону раздевалки.

Его встретил дружный, ободряющий хохот. Подбежавшие коллеги, хрюкая в кислородные маски, подняли Костю на ноги, стряхнули с него пыль, и на руках через шлюз понесли вместо обещанного больничного отсека к плавательному бассейну...

Это было против правил! Они так не договаривались! Кошкин неубедительно задёргался и глухо завопил, лихорадочно думая, во что бы переодеться, потому что сейчас точно макнут...

Уже выбравшийся из вездехода Гога подождал, когда в ангаре сменится атмосфера, и стал с любопытством смотреть на то, как напарника поволокли крестить. Кошкин, впервые «обкукареканый» в полевых условиях, довольно выразительно орал. Что он изрекал, понять было трудно, однако интонации восполняли пробелы в восприятии.

Макнули Кошкина весьма основательно, с длительной раскачкой за руки и ноги, и мощным взрывом брызг. Тяжёлые баллоны с воздухом сразу потянули Костю на весьма неблизкое дно, а кислородная маска свалилась с лица, и он о ней тут же напрочь забыл по причине своей врождённой и неизлечимой водобоязни.

Он был в отчаянии. Ведь договаривались же о том, что вместо купели будет символическая прививка в медотсеке от жареного петуха! Предали, гады! Но Гога-то, Гога! Знал ведь, мерзавец, что переиграли, и не сказал, злодей этакий! Хихикал в тряпочку и помалкивал!

Побарахтавшись в не подогретой воде не столько на потребу публики, сколько из инстинкта самосохранения, и видя преступную бездеятельность свидетелей разыгрывающейся у всех на глазах страшной трагедии, Кошкин не выдержал и заблажил уже всерьёз.

Ребята мгновенно сориентировались должным образом. Несколько добровольцев со смехом попрыгали во взбаламученный бассейн, чтобы скрасить тонущему Кошкину его гордое одиночество. Мокрого и слегка перепуганного, его извлекли из воды, раздели догола, обтёрли и облачили в тренировочный костюм. Он испугался, что, согласно первоначальной договорённости, его сейчас поволокут в медотсек и ещё сделают натуральную прививку от неумения плавать, но ему всунули в скрюченные холодные пальцы бокал с винным коктейлем для согреву, в стучащие зубы – толстую соломинку, и под белы ручки подвели к двери его лаборатории. Форстер снял с головы берет, и скорбно склонил рыжеволосую голову.

- Что?.. - тут же забыл Кошкин про свои недавние испуги. Недобрые предчувствия через все щели полезли в его заволновавшуюся душу. Он пнул дверь босой ногой, и резво впрыгнул в свою святая святых.

Форстер прикрыл за ним дверь, сделал выразительные глаза, потом оглянулся на лабораторию и, сморщив лицо в комическую гримасу, закрыл рыжую голову руками. Остальные отошли подальше от двери.

Из лаборатории через полминуты понеслись крики, стоны, и многозначительный грохот.

- Надо поскорее сматываться отсюда... - сказал Оберман. - Он сейчас убьёт первого попавшегося ему на глаза и под горячую руку...

Подоспел сгоравший от любопытства Гога.

- Чёго там?..

- У- у-у-у... – испуганно сказал Форстер и на цыпочках пошёл к себе в комнату.

Дверь лаборатории вдруг широко распахнулась, и наружу вылетел взъерошенный, свирепый до крайности Кошкин.

- Ну, всё!!! - прорычал он, нехорошо скалясь. - Я ему кукарекну!!! Я ему так кукарекну!!! Я ему устрою сладкую брачную ночь!!! Он у меня на всю свою жизнь онемееет или станет заикой!!!

////////////////////////////////////

- Сто-оп! – неожиданно скомандовал Кошкин, хлопнув Форстера по напряжённому плечу.

Боб резко тормознул и вопросительно задрал на одном своём оттопыренном ухе «глушитель».

- Что?! - не понял он знака, оборачиваясь и оглядывая кабину. - Стряслось что-нибудь?!

- Да уж, случилось... - сказал Кошкин, открывая крышку багажника. - Приехали мы...

Форстер вальяжно откинулся в водительском кресле, и стал с любопытством наблюдать, что тот собирается делать.

На пассажирское сиденье лёг длинный и, по всей видимости, довольно тяжёлый контейнер явно самопальной конструкции. Кошкин, с натугой вытянувший его из багажника, проделывал теперь с ним непонятные и сложные манипуляции.

- Это что? - пока без особого интереса в голосе, из вежливости спросил Форстер.

- Бомба... - сказал Кошкин угрюмо.

- Хочешь сделать цыплёнка - табака?

- Его самого... - сказал Кошкин ещё угрюмее. - Вендетта... Хочу спровоцировать сольный номер.

- Начал он на все твои провокации, - засомневался Боб. - Это ж ему - как слону дробина! Сколько в ней?

- Сто тонн эквивалента.

- У-у-у-у... – пренебрежительно скривился Форстер. - Миледи, это же совсем несерьёзно! Он же четыре километра на два, а ты надеешься уколоть его этой сушёной соломинкой?! А если он – жидкий, и вдруг пойдёт в пробитый канал?!

- Не бойсь... - успокоил его Кошкин. - Колоть я его не собираюсь. Я просто хочу громко хлопнуть в ладоши над самым его ухом. Если фокус получится, мы будем навсегда избавлены от неожиданностей. Он у нас начнёт кукарекать уже по нашему расписанию, если уж не может совсем молчать по собственной инициативе. Тогда Микки не придётся периодически отрачивать выбитые зубы, а нам - чинить свою раздолбанную технику.

- Зря ты всё это затеял... - сказал Форстер. - Насколько мне помнится, такое уже когда-то было и не разы. Хаксли громыхал стартовыми ускорителями и днём, и ночью - никакой реакции. Широков давил ему на психику ультразвуком - ноль внимания. Орли облазил, сколько смог, в поисках нор, ходов, или хотя бы пещер. Увы...
- Попробуем иначе. Я посмотрел по геологическим картам. Прямо под нами находится гигантская пустая полость. На глубине примерно ста метров. А на четыреста метров ниже находится и тот, который нас совсем недавно скандально обкукарекал. Пошебуршим-ка мы в непосредственной близости от его курятника... Может, до сих пор его слабо пихали в бок и тихо кричали ему в ухо? Признаться, мне порядком надоела роль подопытного кролика, я сам хочу хоть иногда быть экспериментатором. Ведь мы живём - как на тонких иголках, в постоянном ожидании очередного «кукареку». Нельзя ничего оставить без присмотра, нельзя расслабиться, нельзя... В общем, всё нельзя! А почему, собственно?!
- А куда же нам от них деваться?! Они примерно равномерно рассредоточены по планете. Нет на ней такого уютного места, где была бы хоть относительная тектоническая тишина. Это было выбрано для Базы без согласования с «петушками». Просто здесь нет высоких гор, и мы застрахованы хотя бы от разрушительных обвалов.
- И всё?! - возмутился Кошкин. - Шесть лет здесь обитают земляне, шесть лет их здесь третируют, не знаю, как, а они терпят и ставят примочки на очередные синяки!
- Я же тебе уже говорил, - Форстер был профессионально терпелив. - Пробовали... Пытались... И до сих пор пробуем. На досуге... Главное - работа! А вообще, «петушки» своими размерами и масштабами поведения сравнимы с явлениями Природы. Как же с ними бороться?! К ним можно только частично приспособливаются.
- Но ведь уже доказано, что они живые! - не сдавался Кошкин. - А всё живое в принципе поддаётся дрессуре!
- Ну-ну... - сказал Форстер скептически. - Хочешь выработать у землетрясения устойчивый условный рефлекс? Лилипут мечтает растолкать спящего Гулливера?
- Растолкаем... А может, и выработаем... Ну, вот, - сказал Кошкин, щёлкая на своём контейнере чем-то, невидимым глазу Форстера. - Смертельный номер! Слабонервных и дам просим удалиться с планеты! Сколько у нас с тобой до рассвета?
- Почти два часа.
- Уложимся... Если всё у нас получится, мы сможем синхронизировать образ жизни «петушков» с нашим. Они будут кукарекать по составленному нами расписанию, а мы получим возможность заранее готовиться к каждому их выступлению.
- Кошкин перебрался на переднее сидение и нажал кнопку на пульте штурмана. Вездеход мелко задрожал. Мощный кумулятивный бур вылез из его днища, вгрызся в скалу под ним и двинулся к своей цели, лежавшей на стометровой глубине. Высокими тонами взвыли сервомоторы и у Кошкина опять нервно заняли зубы.
- «Что за напасть?! - разозлился он. - Снова! Надо будет забежать в медблок!»
- Сервомоторы вдруг резко забасили, предупреждая. Кошкин выключил притомившийся бур.
- Всё! - сказал он радостно. - Карета подана! Сто двадцать шесть метров. А теперь самое интересное...
- Он вернулся к контейнеру, открыл в днище вездехода крышку шлюзовой геокамеры, с видимым трудом поставил в её приёмник скользнувший вниз длинный контейнер, и, закрыв шлюз, стал поверх невысокой спинки кресла смотреть на пульт вездехода. Наконец, зелёная лампочка на нём погасла, загорелась красная.
- Бомба была на месте. Кошкин снова оживил бур и втянул его в корпус вездехода.
- Сколько до рассвета?
- Полтора часа.
- Всё! Двинули! Через полчаса он кукарекнет!
- Форстер скептически улыбнулся.
- Предупреди ребят. Я не очень-то верю, что у тебя что-нибудь получится, но на всякий случай сказать надо. Они ведь не ждут ничего - наш «петушок» шумит более - менее регулярно, приучил. На месяц спокойной жизни они надеются.
- Сейчас мы их там развеселим...
- Кошкин включил рацию.
- Алло, База! Кто на стуле?!
- Мы! - не сразу отозвался Оберман.
- Мужики, слушайте концерт по заявкам радиослушателей! Первый номер под названием «Ку-ка-ре-ку!» Специально для Микки! Притащите его из столовой!
- Что за шутки, Костик?! Наш уже надолго откукарекался! Нам на бис не надо!
- Клаус, на всякий случай приготовьтесь к неожиданностям. Мы тут с Бобом ставим грандиозный эксперимент, поэтому возможны далеко идущие последствия...
- Хо-хо! - обрадовалась База. - Вы что, подсунули ему под седалище позитронную бомбу?!
- Кошкин хихикнул. Форстер рядом прыскал и зажимал ладонью несдержанный рот.
- Что-то вроде того, - сказал он. - Наш Коста придумал для «петушков» хороший будильник.

- Зря вы так стараетесь, красавчики! - засмеялся Оберман. - Ему ваш будильник - до дохлого прожектора! Только ценный для науки заряд впустую истратите!

- Мы сначала будем хорошо посмотреть, - сказал Кошкин самоуверенно. - Но вы на всякий противопожарный будьте готовы ко всему. И, главное, выньте поскорее Микки из столовой, если он сейчас там. У него новые зубы ещё не окрепли...

- Всегда готовы!!! - хором отозвалась развеселившаяся База. - Но, смотри, мон шер, - добавил Оберман. - Если фокус не получится, стоимость бомбы вычтем и из тебя, и из всех твоих потомков до седьмого колена включительно. Обхохочешься!

- Хорошо смеётся тот, кто не плачет последним... - Кошкин отключился от ржущей базы.

////////////////////////////////////

...Форстер вёл вездеход по картографу, и на лице его блуждала хитрая улыбка: он тоже слабо верил в успех идеи Кошкина. Глянув на часы, он демонстративно тормознул.

- Всё! Осталось две минуты! - улыбаясь до ушей, он ремнями зафиксировал себя в кресле по первой категории.

Кошкин не обратил внимания на эту демонстрацию, и механически пристегнулся сам.

- Сколько от точки «ноль»? - спросил он озабоченно. - Нас краем не захватит?

- Километров двадцать. С хвостиком.

- Думаю, нормально, - сказал Кошкин. - Не должно нас слишком сильно зацепить...

Где-то там, за горизонтом, и под землёй, на глубине почти в полторы сотни метров оставленная ими бомба лежала на дне гигантской пустой полости. Лактан из неё давно выкачали, но остались пары. Когда бомба взорвётся, произойдёт ещё и объёмная аэрозольная детонация, сопровождаемая мощнейшим акустическим ударом.

- «Должен кукарекнуть... - думал Кошкин. - Просто обязан... Не глухой же он...»

...Вездеход слегка толкнуло снизу, послышался тяжёлый низкий гул, и тут машину чуть подбросило вверх, скрежетнув её зажатými тормозами гусеницами по скальному монолиту. В свете фар замельтешила поднятая толчком пыль. Стало тихо.

- «Не получилось...» - мелькнула в голове у Кошкина короткая мысль- сожаление.

Он не успел на неё отреагировать. Чудовищный удар снизу буквально сшиб вездеход с лица планеты, адские перегрузки, близкие к катапультным, размазали обоих людей по креслам. Машина бешено кувыркалась, летя в Тартарары под неслыханный рёв, шедший, казалось, со всех сторон. Сумасшедшее коловращение скрутило мысли в тугую жгут. Уничтоженный перегрузками, Кошкин почти ослеп, и почти перестал соображать. В его обескровленном мозгу пульсировала лишь одна мысль - вопрос, мысль - недоумение, завладевшая всем его существом:

- «ЧТО ПРОИЗОШЛО?!?!»

Автоматика, как всегда, опомнилась первой. Ослабевшие было перегрузки, снова вдавили людей в податливую мякоть ложементов. Вездеход перестал, наконец, беспорядочно кувыркаться, его сильно потрянуло. Под днищем угрожающе заскрежетало, вызвав у Кошкина зубную ностальгию, и тяжёлую машину поволокло под уклон. Ракетные двигатели, рассчитанные здесь на все случаи жизни, сделали максимум от них зависящее, чтобы спасти машину и людей, теперь оставалось только ждать, слепо надеясь, что эти ужасы когда-нибудь да кончатся...

Вездеход куда-то упорно волокло под аккомпанемент жуткого, не стихающего рёва. Что-то огромное сильно ударило в его бронированный борт, заставив машину несколько раз перевернуться. Фары погасли и по обзорному экрану плавали лишь непонятные белёсые клочья, иногда слегка подсвечиваемые красным.

Ошеломлённый Кошкин мотался в кресле, растягивая изнемогавшие от перегрузок ремни безопасности, и безуспешно пытался понять, что же это он такое натворил... Он ожидал слабой реакции «петушка», возможно, даже полного его наплевать, в крайнем случае, заказанного повторения стандартного кукареканья. Но то, что творилось вокруг, напоминало катастрофическое землетрясение...

- «Что же произошло?.. Взрыв-таки задел самого «петушка»?.. По какой-то причине сдетонировали недра?.. Что-то ещё, непредвиденное, а потому неожиданное?..» - Кошкин совершенно терялся в своих многочисленных и неуверенных догадках.

Рёв снаружи неожиданно стих, когда он уже начал опасаться, что это на века. Земля ещё зло лягала вездеходу снизу, но уже чувствовалась, что она выдыхается.

Преодолевая остаточное головокружение, Кошкин повернулся к Форстеру и снова испугался. Он никогда прежде не видел у добряка Боба такого свирепого лица. Тот что-то яростно кричал, сверкая в свете дежурного фонаря дикими глазами.

Кошкин не слишком быстро обрёл прежнюю способность слышать, а потом не сразу понял, что Форстер кричит на совершенно незнакомом ему языке. Поняв это секундами позже, он вдруг совершенно

отсутствующе и абстрактно обрадовался тому, что не знает иврита. Это было бы, наверное, ещё хуже, чем само землетрясение...

Форстер наконец излил душу и уgomонился.

- Ну что?!! - рывкнул он уже понятное, простреливая Кошкина свирепым взглядом насквозь.

- Что – «ЧТО?» - не совсем понял тот. Ему требовалось чуть больше времени на то, чтобы очухаться.

- Это я хотел бы узнать у тебя самого!!! - орал всегда сдержанный Форстер. - Достучался, придурок?!! Или уже достучался?!! И куда нам теперь?!! И к кому?!!

- Как это куда?.. - опять не понял его оглушённый Кошкин. - На Базу, конечно...

- А она теперь есть, База-то?!. - зло поинтересовался Форстер. – Ты в этом уверен?!

- Как это?.. - недоумевал несчастный Кошкин. - А куда она могла подеваться?..

- После всего этого?!! Не знаю... Не знаю... - Форстер звучно постучал себя кулаком по темени шлема. - Ты сам-то хоть немного понимаешь, что сейчас натворил?!!

Кошкин испуганно помотал пыльной головой. Он действительно пока ничегошеньки не соображал.

- Да ты же разбудил «ПЕ–ТУ–ХА»!!! И как же мы, балбесы, раньше об этом не догадались?!! Были же косвенные данные о их существовании, хотя планета глубже нескольких километров не поддается тектонической локации! Ведь все эти «петушки», обитающие возле самой поверхности и кукарекающие раз в несколько месяцев, - просто цыплята!!! Поэтому они и кукарекают так часто! А он обитает, видимо, гораздо глубже, вне пределов досягаемости наших приборов, и кукарекает, может, раз в тысячу лет! Потому мы и не подозревали о его существовании! До тебя...

- И что же теперь?.. - ослабевшим голосом спросил Кошкин. – Куда нам теперь?..

Форстер опять зло оттараторил что-то на только ему одному понятном языке.

- Это тебя надо спрашивать, а не меня! - выпалил он, разрядившись. - Ну и заварил ты кашу! А если он опять кукарекнет?! А что сейчас на Базе творится... Я тебе не завидую!

Он опять перешёл на избыточно эмоциональный иврит. Двигатель избитого вездехода, на удивление, завёлся сразу. Сбрасывая с себя насыпавшиеся камни, машина тронулась с места и, заглушая темпераментный монолог Форстера, двинулась вперёд, объезжая каменные завалы и заполненные жидкой лавой трещины.

Кошкин отрешённо сидел в своём кресле и, не мигая, тупо смотрел в пустоту перед собой. Вдруг вострепнувшись, он нажал кнопку передатчика, однако с базой не было даже несущего канала связи.

- «Что будет?.. - с ужасом думал Кошкин о своём ближайшем будущем. - Что теперь будет?..»

Из бездонных глубин памяти вдруг вынырнули строки давней детской считалочки:

- «Не будите
петуха
на рассвете -
С перепугу
кукарекнет
петух...»

*Все лекарства
эффективны,
если ими
правильно
не пользоваться...*

* * * * *

ХАЛТУРНАЯ РАБОТА

Сотворены вы прекрасными, но во что вы себя превратили.

Хафиз

Колька Митрохин, экстренно разбуженный своим внутренним биологическим «будильником», сонной ночной бабочкой выпорхнул из уютной строительной бытовки в свежую утреннюю прохладу и, скуля от с трудом сдерживаемого нетерпёжу, юркнул за ближайший угол...

Пиво есть пиво. Особенно когда пьёшь его перед сном. Ещё хуже, когда его слишком много: остановиться невозможно в принципе, а о последствиях традиционно не думаешь...

Обратно Митрохин шёл медленно, слегка балдея от недавнего душевного потрясения, и радуясь тому, что «будильник» сработал вовремя. Ещё бы чуть-чуть и...

Колька взялся было за ручку двери своей временной ночлежки, но тут увидел такое... У Митрохина аж до самого упора отвисла нижняя часть его жевательного аппарата. Он стоял, часто моргая, и отмахивался от своего видения пышными девичьими ресницами.

...Посреди болота высился дом... Шестнадцатизэтажный... Четырёхподъездный... Квартир на двести с гаком... Но Кольку потряс не просто факт появления жилого объекта в сердцевине девственных хлябей. Его ошеломила сам вид строения.

Это было что-то фантастическое! Это было нечто феерическое! Если бы в классической архитектуре существовали мифы, сказки и легенды, то этот дом был бы в них главным персонажем. Такой был не по карману и в складчину даже самым крутым из «новых русских». В представлении Митрохина, в таких роскошных особняках могли обитать не просто миллионеры сгнилого, как прошлогодний ананас, Запада, а исключительно миллиардеры непременно оттуда же.

Дом выглядел сказкой... Волшебной сказкой... Особенно на фоне болота... Белые ключья остатков утреннего тумана растерянно ползали перед его розовым фасадом, отражаясь в необъятных окнах без традиционных рам, и цепляясь за уюпомрачительные лоджии, фактически опоясывавшие дом шестнадцатую сплошными кольцами. На его плоской крыше росло что-то многоцветное, переваливаясь через ограниченные перилами края, и торчало нечто сложное и непонятное, похожее на посадочную площадку стратегического вертолёта. От подъезда дома к матерiku через непроходимые топи тянулись широкие, сверкавшие, как хорошо вымытый хрусталь, дороги, снабжённые невысокими изящными ограждениями.

- Что за не ёлки и не палки такие?! - Колька подошёл чуть поближе, но дом не исчезал. Наоборот, он становился всё чётче контурами, выплывая, как корабль, из тающего тумана.

Колька млел.

- Ми - раж... - сказал он себе самому. - Надо меньше пить... Пить надо меньше... Кто мало пьёт по вечерам, тот поступает мудро! Парам - парам, парам - парам, на то бывает утро!

Он оглянулся на бытовку.

- «А, кстати, что у нас сегодня с прорабом?.. - мелькнула у него тревожная мысль. - Или его «будильник» уже сработал чуть раньше, или Степаныч просто проспал важный звонок?..»

...Дверь бытовки торопливо распахнулась и мятый со сна прораб с лицом марафонца, добегающего последние миллиметры чудовищной дистанции, помчался к заветному углу, бурча на ходу себе под нос что-то из своего бранного избранного. Глянув на его лицо, Колька непроизвольно сморщился от сострадания.

- «Не успеет... - подумал он с жалостью. - Сейчас его прорвёт... С жутким треском...»

Но Степаныч успел - сказался многолетний пивной стаж: за углом сладострастно застонали, и тишину летнего утра нарушил совершенно чуждый безоблачной погоде звук.

Обалдело таращась на неведомо откуда взявшийся тут шедевр чужестранной архитектуры, Колька дождался возвращения за углом тишины, а потом стал дожидаться самого Степаныча.

Прораб вынырнул из-за подплывшего угла бытовки и, не глядя по сторонам, на сонном автопилоте двинул обратно. За пятьдесят семь лет жизни ему определённо надоело всё на свете, и он не любовался остатками природы даже по утрам.

- Степаныч... - тихо позвал разгрузившегося шефа Митрохин, точно опасаясь, что дом на болоте может вдруг рухнуть, рассыпавшись в мелкий песок от его слишком громкого голоса.

Прораб тут же отреагировал на призыв, и злосчастный дом заметил даже раньше, чем Кольку.

Как оказалось, челюсть у Степаныча была устроена точно так же, как и у Митрохина.

- Это что такое?! - рявкнул он, пытаясь изобразить на опухшем от пива и качественных добавок в него лице суррогат возмущения. - Это кто же им такое позволил?!!

Тут он сгоряча и на свежую голову экспромтом выдал такое, что даже издававшее виды эхо смущённо смолчало, постеснявшись повторить хотя бы фрагменты...

К удивлению Митрохина, дом после этого уцелел, хотя после обстрела прораба просто обязан был рассыпаться в мелкую пыль. А Колька запрыгал на одной ноге и принялся вытряхивать из ушей забивший их плотный прорабский мат.

- Окстись, Степаныч... - возмутился он. - Ты это о ком?.. Неужели ты не видишь, ЧТО это за дом?.. По-твоему, это бригада Мухина отгрохала его по пьяной лавочке за одну ночь?.. Без «нулевого цикла» и без твоих пинков под ленивые задницы?.. Да ни в жисть не поверю я в такое!

- Я не знаю, и знать не хочу, чьих косолапых рук это дело! - гаркнул рассерженный до крайности прораб на привычных тонах. - Но раз дом стоит, значит, его кто-то построил! Без утверждённого наверху проекта?! Без согласований и подготовительных работ?! Самодетельности я никому не позволю! Даже на болоте!

- Тьфу ты! - плюнул Колька с досадой. - Ну что ты, Степаныч, за хам сапиенс такой! Макнись в болото и промети шары! Да у нас такого отродясь не строили, и строить никогда не научатся! Не иначе, это их ЦРУ ночью сбросило тут десант лучших строителей! Чтобы, значит, полностью деморализовать наше гражданское строительство!..

Степаныч продолжал ошалело пялиться на дом, как баран на только что отреставрированные ворота. До него ни так, ни эдак не доходило, и даже не доезжало.

- Всё равно... - сказал он уже не так уверенно, но по-прежнему упрямо. - Самоуправства не допущу! Даже если это и чьё-то ЦРУ! Какое может быть хулиганство на вверенном мне объекте?!

Он гневно указал кривым пальцем на другое строительство, совсем рядом с ними.

- Вот это будет наш дом! Нам его заказали, и мы его строим! А это что за безобразие?! Зови сюда народ - будем разбираться! Я их там выведу на грязную воду!

Колька опять плюнул.

- А кого звать-то?!. Праздник ноне, Степаныч! Все по домам пьют и спят! Это мы с тобой тут по жребию...

- Тьфу ты! - плюнул на этот раз сам прораб, уже раздосадовано. - Тогда пошли, Мыкола! И не выводи сейчас меня из меня! Сколько на твоём хренометре?!

Колька быстро глянул на свои часы.

- Без нескольких огрызков пять утра, - радостно сообщил он. Ранень пока ещё.

- Ну, народ... - разозлился ещё больше прораб. - И в праздники трудовому народу поспать не дают... Не могут они без этих своих фокусов... Ну, ничего, я их быстренько избавлю от премии... Они у меня все будут ходить на ушных унитазах...

Матерно хваля ночных шутников, Степаныч решительно спустился к болоту и, после непродолжительных колебаний, робко шагнул на сверкающую дорогу. Колька подождал, не подорвётся ли прораб на заминированных ЦРУ подступах к соблазнительному дому, и пошёл за ним след в след, стараясь не вырваться вперёд. Дорога под ногами мягко прогибалась и влажно чавкала от росы или мытья. Чем-то она походила на только что положенный асфальт, отполированный, как паркетный пол.

Вблизи дом уже не поражал, а просто потрясал хлипкое воображение до самого его расшатанного основания. И огромными, почему-то непрозрачными окнами, по которым ходили какие-то непонятные радужные волны, и неестественно цветочной окраской стен. Колька не утерпел и потрогал стену рукой. Она была мягкой, шершавой, и почему-то тёплой, как буханка только что вынутого из печи хлеба.

- Убей меня чёрт... - во все щели текло из Митрохина изумление. - Шоб я вмэр... Степаныч, это не иначе архитектурная диверсия... Последнее верещание не нашей моды...

Они побродили, глупо лупая глазами, и хлопая постоянно отваливавшимися челюстями по узкой площадке перед домом, за которой сразу начиналось болото. Снаружи всё было как будто ясно, хотя не было понятно ничего! Дом был новёхонек, а на стройплощадке - ни соринки. Как вылизали! Ну не бывает такого!

Степаныч остановился перед дверью одного из подъездов. Огромная стеклянная плита бесшумно ушла вверх, обнажив освещённое нутро нелегального дома.

- Непорядок... - привычно проворчал прораб. - Электроэнергию не экономят... Дом ещё не заселён...

Они рискнули войти. Первым - Степаныч, за ним - Колька, не забывавший о гарантирующей безопасность дистанции. Сразу же за опустившейся на своё место дверью или как она там называлась, был уютный холл, освещённый ярким солнцем, бьющим в огромные, с этой стороны совершенно прозрачные и чистые окна.

Солнце!!! Колька резво прыгнул наружу, едва не разбив свою голову об испуганно шархнувшуюся от него дверь. Ленивое светило ворочалось где-то за холмами, освещая только бледные инверсионные царапины самолётов на голубом небе.

Чудеса!!! Колька вернулся в дом.

Холл буквально утопал в солнечном свете, равшемся сквозь окна, и в буйной зелени, свисавшей со стен. Это был какой-то киношный тропический сад. Из-за зелени трудно было судить об истинных размерах помещения. Создавалась полнейшая иллюзия пребывания в центре амазонской сельвы, и Кольке даже показалось, что он слышит жужжание прятавшихся в густой растительности насекомых...

Степаныч железобетонным телеграфным столбом торчал посреди всего этого архитектурного чуда, и громко хлопал никак не фиксировавшейся нижней челюстью.

- Это что, совершенно новый ГОСТ?... - устав молчать, спросил Колька, ошалело разглядывая определённо заморский сказочный интерьер. - Наш или их?..

Степаныч всё ещё был нем. Степаныч?!. Колька был глубоко потрясён переменами, происшедшими с прорабом, в ещё большей степени, чем чудесным домом.

- Излишества... - изрёк, наконец, Степаныч неуверенно, обнаружив, что его язык не откушен ставшей полностью бесконтрольной челюстью. - Пустая трата фондовых средств... Совсем наш народ меру перестал знать... Роскошь беспредельную ему подавай...

Они пока бессмысленно побродили по холлу, вдыхая пряные ароматы дикого леса. В его глубине слышались шорохи, пение диковинных птиц и звон капли. Пол этого бесподобного здания был сочного зелёного цвета и мягко пружинил под ногами. Колька глянул на свои рабочие навозоступы и восхищённо засвистел полонез Огинского. Пять минут назад чумазные заодно со стройплощадкой сапожищи теперь буквально сияли и сверкали. Они казались не только вымытыми, но даже как будто чем-то начищенными... У Степаныча с сапогами была та же история.

- Нет, ты гляди - посмотри! - не переставал изумляться чересчур впечатлительный Митрохин. - Тут тебе всё! Ещё бы нас с тобой переодеть во фраки, и по чашечке бразильского кофе с гаванской сигарой! А там можно и в первый попавшийся дурдом...

Степаныч недовольно пыхтел.

- Не дом, а манекен какой-то... - пробурчал он недовольно. - Понаделали тут, понимаешь... А для кого?.. Кому всё это надо?.. Не заказывал нам никто ничего такого... И где только всего этого набрали и набрались?! Не видел я такого! Сроду не видел!..

- Да не наше всё это! - убеждённо сказал Колька. - У нас такого ещё тыщу световых лет строить не будут! У наших богатеев пока кишка тонка за всё это заплатить!

- Не морочь мне мой сегодня болезненный головной орган! - рявкнул взвинченный прораб. - И не вешай мне на уши макароны! Чьё же это всё, по-твоему?!

- Степаныч, это происки акул капитализма... - уверенно сказал Колька. - Я же тебе говорил: ночью ЦРУ забросило к нам десант лучших своих строителей... Мы ещё цепляемся за огрызки социализма, а они хотят окончательно соблазнить нас своим тухлым комфортом и безвозвратно обратить в буржуазную веру...

Степаныч ворчал себе под горбатый нос. Юмора он не понимал, и понимать не хотел.

...Приятный перезвон заставил их обоих резко повернуться на неожиданный звук. Колька непроизвольно охнул, а Степаныч только растерянно и громко засопел.

У единственной в холле стены с голубыми переливами стояло существо, лишь издали напоминавшее человека. Скорее - совсем не напоминавшее. Просто глаза упорно искали в его облике хоть что-то человеческое, а когда очень хочется, это что-то можно найти даже в таракане. Так вот, в этом таракане человеческого было бы даже больше, чем в существе, стоявшем сейчас перед прорабом и Колькой. И в то же время, в нём определённо было что-то притягательное и располагающее. Как в незнакомой дворняжке, дружелюбно виляющей тебе хвостом...

- Жители планеты Земля! - сказал холл. Именно холл, а не существо! Звуки исходили ото всех стен, и даже от пола и потолка. - Мы прибыли для установления с вами дружеских отношений! Мы пришли в гости, а по земному обычаю гости приходят с подарком! Как нам стало известно, у вас сложности с жилищными ячейками для отдельных индивидуумов и сообществ, именуемых на вашей планете семьями! Сооружение, в котором вы сейчас находитесь, и является нашим даром! Примите же его!

- Ух, ты!.. - непроизвольно вырвалось у Кольки. - Это ж какой балдёж! Степаныч, записывай меня первым в очередь! Я готов жить хоть вот в этом зале! Приволоку сюда из общаги свою любимую раскладушечку и тут, где-нибудь, в уголке под кустиком...

- А с какой стати первым?! - важно поинтересовался Степаныч. - В нашей конторе существует общий список льготников, и ты в нём, как я помню, двести тридцать седьмой...

- Как это, с какой стати, чтоб у тебя был хронический склероз! - возмутился как никогда оскорблённый Колька. - Я же первым этот дом увидел! У меня должны же быть хоть какие-то льготы...

Инопланетянин стоял в полной неподвижности, и было совершенно непонятно, смотрит ли он, слушает ли он, понимает ли он происходящее. Стены дома тоже деликатно помалкивали.

- Ладно! - осадил Степаныч Кольку. - Там видно будет... А пока мы будем посмотреть...

Он обратился к инопланетянину.

- Дозвольте мне взглянуть на детали. Я, исходя из моей должности, обязан проверять сделанную работу...

- Конечно! Конечно! - с готовностью отозвались стены. - Пожалуйста! Всё тут сделано по лучшим Галактическим стандартам! Можете даже не сомневаться!

Инопланетянин суетливо отполз на своих несурзных щупальцах - конечностях слегка в сторону, и за ним прямо в стене как круг на воде из точки образовалась большая овальная дверь.

Степаныч осторожно шагнул первым. Он был признанным специалистом широкого анфаса и Колька ему во всём доверял, мужественно прячась за его широкой спиной.

...Это были трёхкомнатные хоромы. Колька, льнувший на вторых ролях к спине прораба, аж застонал от восторга.

В квартире было светло, как в солнечный полдень в центре Сахары. Из голубого потолка спальни как с неба росла люстра. Именно росла, а не свисала с него! Это было что-то неопишное, состоявшее из разноцветных, как бы живых и непрерывно двигавшихся блёсток. Мебель в комнате имелась, но и её тоже трудно было назвать собственно мебелью. Нечто, напоминавшее роскошный диван, опять же вырастало из облюбованной буйной зеленью стены, и создавалось впечатление, что это тоже какое-то растение... Во всяком случае, волнистая его поверхность состояла из мириад длинных, зелёных, и подвижных ворсинок.

- А можно нам это слегка испытать?.. - робко поинтересовался Митрохин, изнывая от непреодолимого желания побыстрее лечь на завлекающий диван - растение.

- Разумеется... - тут же позволили стены. - Вы можете делать здесь всё, что пожелаете... Это всё теперь ваше... И, если вам понравится наш подарок, мы будем этому очень рады...

Колька быстро кивнул и осторожно потрогал рукой ворс, выстилавший весь диван.

Он шевелился... Ласково... Успокаивающе... Колька деликатно присел на краешек дивана, утонув в мягкой живой зелени, потом, окончательно обнаглев, лёг...

...Это было как летом на далёком от города лугу. Митрохин чувствовал под собой сочную траву, ощущал исходящий от неё богатейший аромат, тревоживший далёкие закоулки его души, и видел высоко над головой небо – голубое-преголубое небо. Лёгкий ветерок вяло перебирал кудрявые волосы на его голове. Зазвучала незнакомая, но удивительно приятная музыка, напоминавшая пение птиц, и Колька подумал, что такие птицы просто обязаны были населять Рай...

Он повернулся на бок, обогащая свои новые удовольствия. Противоположная, лишённая растительности стена комнаты, вдруг моргнула и стала огромным экраном. Дюжина модно раздетых девиц дружно дрыгала роскошными ногами. Комната наполнилась привычными земными ритмами - по какой-то из программ ТВ шла аэробика.

Колька сел - так девиц было лучше видно.

- А другие программы?.. - осторожно спросил он.

Стена - экран снова моргнула. По первой столичной программе шло традиционное «Утро».

Стена уже по собственной инициативе заморгала, пересчитывая программы. По некоторым пока шли только сонные помехи.

- А иностранные можно?.. - с надеждой спросил Митрохин. Он был готов уже ко всему. Он для этого созрел.

Дом как будто трянуло. Рёв рока со всех сторон ударил в отвисшие почти до самого пола Колькины уши, а со стены на Митрохина полетели обмотанные канатами «Бон Джови».

И пошло - поехало... Стена заморгала, остальное в комнате запело, заиграло, разноязыко заговорило... Программы шли одна за другой с очень короткими перерывами.

Колька обалдел окончательно и бесповоротно: это был глобальный ТВ - обзор.

- Хватит!!! - неожиданно рявкнул, доселе сторонне наблюдавший за событиями, прораб. Стена от неожиданности поперхнулась ночными новостями из Лондона и погасла.

- Зачем, Степаныч?.. - заныл Колька. - Там же должны были передавать и с других планет...

- А на кой всё это тебе?! - тут же парировал прораб. - Ты же и в родном русском-то не особо силён со своим не законченным и не начатым высшим образованием!

Стена вернула Лондон. Диктор негромко говорил по-английски; слегка приглушая его, пошёл русский перевод.

- Ты видал?! А?! - восхищённо причмокнул Колька. - Техника, блин! Импорт!

- Хватит, я сказал!!! - сердито вырубил Степаныч инопланетные и аудио, и видеотехнику. - Мы сюда пришли совсем не телик смотреть! Айда принимать работу!

Колька нехотя сполз с яростно цеплявшегося за его одежду полуживого дивана.

- Эх, Степаныч... - опять заныл он. - Такой мне, понимаешь, уикенд испортил...

Они вошли в другую комнату. Это определённо была гостиная. Из пола в её центре опять же рос очень изящный стол, а из потолка в разных местах на длинных стеблях свисали изумительные светильники, создавали уютные локальные зоны отдыха с восхитительными, притягивавшими как магниты креслами. Какая-то непреодолимая сила поволокла Кольку в зовущее лоно ближайшего из них, и он вынужден был вцепиться рукой в плечо Степаныча, чтобы устоять перед соблазном.

Дом, несомненно, оказывал на людей эстетическое давление. И не только его. На столе посреди гостиной что-то призывно ароматизировало в причудливых форм тарелках, и ещё что-то соблазнительно пузырилось в высоких, прозрачных только в верхней части, бокалах... Рядом с ними лежала коробка с не отечественной товарной маркой. В ней лежали длинные и толстые сигары. Очевидно, гаванские...

У Кольки в три полноводных ручья шумно потекли голодные утренние слюнки.

- Степаныч, - сказал он, жадно облизываясь. - Нам с тобой давно пора завтракать... Видишь, хозяева нас приглашают... И я с малодетства мечтал выкурить хотя бы одну гаванскую сигару. Хоть во сне... Это ведь сладкий сон, а, Степаныч?..

Прораб осторожно сблизился со столом и недоверчиво оглядел его сервировку.

Всё выглядело довольно натурально. И пахло тоже далеко не фальшиво. Степаныч завис над одной из наполненных чем-то тарелок трепещущими ноздрями и тут же сместился ими к ближайшему бокалу. Там, по-видимому, пахло ещё лучше...

Это было сигналом. Колька вынырнул из-за непробиваемой брони прорабской спины и впервые за это утро стал проявлять активную инициативу. Он неуверенно взял один из бокалов, шумно понюхал его содержимое, и закатил голубые глаза.

- В-вис-ски... - сказал он утробным голосом. - Или бренди... Или ещё что-нибудь такое же и оттуда же... У нас тут так ничего даже близко к западной границе не пахнет... Сплошные подделки...

Степаныч взял другой бокал, и внимательно посмотрел его на свет из большого окна.

- Цвет не тот... - сказал он тоном хронического знатока. - Это какая-то ихняя бормотуха...

Колька вопросительно повернулся к преступнику сегодняшнего торжества. Инопланетянин, свесив до пола все свои осьминожки верхние конечности, торчал на нижних у входа в квартиру. Смущало то обстоятельство, что у него не было ни глаз, ни носа, ни рта, и полностью отсутствовало хоть какое-то различие между низом и верхом. Как, впрочем, между передом и задом тоже... Но это были незначительные детали, касавшиеся только его персональных проблем. Кольке нравился дом, а его строитель мог выглядеть так, как ему самому того хотелось.

- А это всё есть можно?... - спросил Митрохин на всякий случай. Вообще-то, это было ни к чему; он и без вопросов понимал, что всё здесь должно быть вполне натуральным. С какой стати инопланетянину дурачить их и тем более травить?

- Не извольте беспокоиться, - тут же уверили их стены. - Еда на столе полностью скопирована с традиционного меню вашего городского ресторана «Националь».

Колька поднял брови и отхлебнул глоток из бокала. Брови его поднялись ещё выше, зацепившись за чёлку. Степаныч крикнул и залпом выпил свою дозу, точно опасаясь, что в следующую секунду всё это может исчезнуть вместе с домом. Его бесцветное, поросшее сорняками щетины лицо быстро порозовело. Стараясь не отставать от шефа, Колька разделался со своим бокалом, и принялся за предложенную им еду. Степаныч недоверчиво глядел на аппетитно жующего подчинённого и глотал почти непрерывные слюнки, ожидая негативных последствий, но Колька чавкал настолько заразительно, что прораб наконец сдался...

Еда оказалась кошмарно вкусной и необыкновенно сытной. Колька, почти не жуя, проглотил всё, что лежало на его тарелках, так и не поняв, что же он съел, но для него главным был вкус, а не названия блюд и уж тем более - их состав. Степаныч не отставал от спринтующего Митрохина и иногда даже опережал его. После столь роскошного завтрака они хотели устроить традиционный перекур с бесплатным кубинским деликатесом, но унылый вид ждущего оценки своей работы инопланетянина несколько смущал. Тогда они по-братски разделили сигары и рассовали их по карманам. Колька сунул одну из них себе в рот и с буржуйским видом принялся её посасывать, пробуя заокеанский табак пока на вкус.

Третья комната фантастической квартиры оказалась детской. Здесь тоже царили абсолютная гармония и доведённый до полного совершенства рационализм.

И бесподобный уют... И вообще, эта квартира засасывала, как топкое болото; она соблазняла, заманивая, как старая дева заманивает в силки супружества убеждённого холостяка...

Степаныч степенно подошёл к огромному, во всю стену, окну квартиры. Колька привычно глянул ему через плечо и, слегка обомлев, чуть не выронил изо рта дарёную сигару. Внутри у него что-то даже слегка сдвинулось с насиженного места.

...Они находились высоко - высоко над землёй, по-видимому, на последнем, шестнадцатом этаже невероятного здания. Как они туда попали, было совершенно непонятно. Лифтом-то, вроде, не пользовались и не собирались... Опять чудеса!

Прораб мрачно оглядел утонувшую в цветах лоджию, представлявшую собой сплошной висячий сад без перегородок, отделяющих соседние квартиры, и, ничего не сказав, пошёл в кухню.

Там всё тоже было по экстраординарному. И мойка, напоминая гигантскую раковину какого-то экзотического морского моллюска, и то, что, по-видимому, являлось плитой, и нечего не напоминавшее... Там было очень много и другого, чему Колька даже и не пытался искать названия, не говоря уже о желании понять принцип их работы.

Кухня была истинной сказкой, и Колька ничуть не сомневался в том, что она была таковой даже для привыкших ко всему такому, развращённых сверхкомфортом капиталистов.

Степаныч стойко, но не всегда убедительно делал вид, что на него всё это не производит абсолютно никакого впечатления. Он по-хозяйски ходил по квартире, глядел, трогал, щупал и, похоже, иногда даже дистанционно обнюхивал.

- Плохо... - угрюмо бурчал он себе под красный от пива и прочего нос. - Плохо... Плохо... Плохо...

- Да... - охотно согласился с ним Митрохин. - Плохи наши дела, Степаныч... Нам с тобой всего этого зрелища уже не забыть до самой нашей мучительной смерти...

Прораб уничтожающе посмотрел на Кольку сверху вниз, однако пока ничего не сказал.

Ванна-джакузи парализовала Колькину волю окончательно и бесповоротно. Он только увидел выложенный чем-то непостижимым маленький бассейн, увеличенный до бесконечности зеркальными стенами, и ещё что-то, спускающееся с голубого потолка, и, очевидно, и поливающее, и парящее, и сушащее, и ему сразу жутко захотелось плюнуть с шестнадцатого этажа этого сказочного небоцарапа и на Степаныча, и на все

его проверки, и забраться в это неземное блаженство с прозрачной водой по самые уши... Голышом... И при посторонних...

Осмотр всего остального Колька воспринимал уже весьма смутно. Его сознание навеки осталось в ванне – джакузи - бассейне и он бродил за прорабом, как сомнамбула.

- Всё, Степаныч... - сказал он обречённо, когда они под монотонное прорабское: «- плохо, плохо, плохо»... - покинули нечто сверкающее и провоцирующее, именуемое туалетом, хотя Колька так и не понял, что там, где там, и как там... - Ты можешь идти куда угодно, а я сейчас лягу тут в дверях с пулемётом и стану отстреливаться от всех вас до последнего холостого патрона... Или я здесь буду жить, или я тут помру... Кто-то другой сюда войдёт только через мой труп...

- Ладно!.. - наконец решительно сказал невозмутимый прораб. - Разберёмся!

Он повернулся к инопланетянину, немой тенью таскавшего за ними по квартире.

- Везде так?.. - мрачно спросил он.

- Везде... - как-то неуверенно и испуганно ответили за инопланетянина стены.

Степаныч решительно сел на диван - траву в спальне, достал из кармана застиранной куртки свою легендарную записнишку, приводившую в судорожное состояние всех бракоделов, и выудил откуда-то из-за пазухи вечное шариковое перо.

- Фундамент у дома есть? - обратился он к инопланетянину тоном прокурора.

- Да, конечно... - сознались стены. - Антигравитационная подушка с повышенным запасом прочности...

- Какая-какая такая подушка?.. - мрачно переспросил прораб, что-то коряво записывая.

- Антигравитационная... - послушно повторили перепуганные до смерти стены. - Типовой зазор...

- Ладно... - сказал Степаныч. - А куммуникации?.. Есть у вас тут куммуникации?!

- Какие куммуникации?.. - впервые удивились стены. - Мы таких не знаем...

- Ну, как же?.. - теперь удивился сам прораб. - Водопровод там... Канализация... Газ... Электричество... Телефон... Коллективные телеантенны... И прочее...

- А зачем?.. - снова удивились стены. - У нас тут всё полностью автономное! Позитронный реактор с неограниченным ресурсом... Замкнутая система утилизации... Лямбдаволны... Полимерификация... Субметаллы и квазипороды... И прочее...

- Ясно... - удовлетворённо сказал Степаныч. - Показуха, значит... А вы о людях подумали?! О тех самых рядовых гражданах, которые вынуждены будут здесь обитать?!

Стены подавленно молчали. Инопланетянин около моргающей от срыва кадровой синхронизации стены - экрана растерянно сводил и разводил то ли щупальцами, то ли руками.

- То-то же... - нравоучительно сказал Степаныч. - О людях вы, конечно, не подумали... Вы думали только о себе самих, когда строили здесь это безобразие. О ваших, а не о наших удобствах. А ведь жить здесь будут другие! С нашими запросами!

Степаныч степенно развалился на как бы увядшем уже полуживом псевдодиване.

- Вот что, уважаемые... - важно изрёк прораб. - Если вы действительно хотите, чтобы в вашем доме жили люди, вам придётся улучшить в нём бытовые условия.

Он стал медленно и внятно читать только что написанное им в записной книжке.

- Значит, первое замечание... Убрать вашу мебель... Народ любит разнообразие своих вкусов, а у вас тут, как я понял, всё на один ваш манер... Надо учесть, что кому-то нравятся этажерки, кому-то - шифоньеры, а кому-то - табуретки... И ещё... Жильцы приедут сюда со своим барахлом, которое им куда-то надо будет деть...

...Дом нервно дёрнулся, и квартира мгновенно опустела. Исчезли даже удивительные люстры: по-видимому, инопланетяне сочли мебелью и их. Сгладились овальные закруглённые стены, появились углы. Через ещё сопротивлявшуюся переделкам дверь Колька увидел в прихожей антресоли и встроенные шкафы. Он испуганно хлопнул себя по карману, обрадовавшись тому, что сигары не исчезли вместе со столом и пустой коробкой. Даже та, которую он держал в руке, вынув изо рта.

- Второе, - продолжил Степаныч. - Это кино на стенах тоже убрать. У людей есть нормальные чёрные и цветные телевизоры. А если ваша техника поломается, кто её будет чинить? Вы, как я понимаю, улетите к себе, и мастера нам не оставите.

...Моргающая стена окончательно погасла.

- Третье! - давил на податливого пришельца Степаныч. - Провести куммуникации! Народ должен платить государству за квартиры, значит, что-то должен у него и потреблять!

...На голубом потолке в соответствии с желаниями прораба с хрустом образовался пятак с крючком для люстры, а на одной из помутневших стен - уродливый, но родной национальной принадлежностью выключатель. На кухне закапало, в туалете зажурчало.

- Четвёртое!! - громыхал прораб. - Сделайте нормальный лифт для перевозки людей и груза! А если и эта ваша штука откажет, и кто застрянет в междуэтажном перекрытии?!

...Где-то рядом, за стеной, коротко гуднуло. На кухне что-то звякнуло в резонанс.

- Пятое!!! - не унимался железосердый прораб. - Сделайте вы ему фундамент! И лучше перенесите дом на совершенно сухое место. Я понимаю, вам хотелось использовать бросовую территорию, но земля как-то надёжнее и привычнее...

...Дом закачался. Колька испуганно выглянул в окно. Безразмерная лоджия была теперь усеяна осыпавшимися лепестками неземных цветов. Внизу он увидел родную стройплощадку, свой ударный, наполовину недостроенный объект, и покинутую ими недавно бытовку. Сверкающие дороги глупо упирались в пустое болото...

- И шестое!!!! - самодовольно скомандовал Степаныч, уже привычно почувствовавший себя полным хозяином положения. - Сделайте мне нормальные входные двери, нормальные лестничные площадки, и вообще нормальный человеческий дом! Без этих ваших архитектурных излишеств! Я сейчас внятно произносил?

...Дом подпрыгнул, как от близкого катастрофического землетрясения или прямого попадания в него фугасной бомбы. С потолка градом посыпалась штукатурка. ШТУКАТУРКА?! Колька огляделся, не веря...

...Они находились в обычной трёхкомнатной «хрущёвке»-маломерке... Стены её были сикось-накось оклеены ещё советскими тусклыми, драными обоями. Сквозь заляпанные белилами окна с трудом проридались лучи уже взошедшего солнца. Было сыровато и прохладно. Неровный паркетный пол усыпал строительный мусор.

Колька с жалостью глянул на инопланетянина. Тот с обвисшими конечностями уныло стоял в захламлённом углу. Похоже, он тоже был убит Степанычем наповал.

- Ну вот, - довольно проговорил прораб, которого совершенно не проняло даже исчезновение чудо - дивана и жёсткое приземление стареющим задом на грязный пол. - Теперь уже совсем другое дело! А то была какая-то чепухреновина!

Он любовно окинул хозяйским взглядом знакомую ему с самого детства картину.

- Спасибо за подарок!

Степаныч простёр к инопланетянину уже освободившиеся от обличительного документа руки, желая благодарно пожать его щупальца. Тот растерянно подал их, запутавшись в своих руках и ногах.

- И это вы называете ком... комфо... комфор... - что-то стало заикаться: то ли стены, то ли сам инопланетянин.

Стены заглохли, так и не одолев слишком сложного для них слова. Инопланетянин как-то бочком резво проскользнул в перекошенную входную дверь и исчез.

- Приходите к нам завтра! - крикнул ему вслед прораб. - Тогда поговорим всем нашим трудовым коллективом! А сегодня у нас выходной! Уикенд, так сказать...

Стены были немые.

Холодея от нехороших предчувствий, Колька нервно шагнул к ванной комнате...

...Ванная была сидячей... И стояла несколько косо... К стенам вкривь и вкось прилип грязно-серый кафель... Митрохин тяжело вздохнул.

- А какой был кайф...

- Пошли! - сказал Степаныч и дёрнул Кольку за рукав к выходу. - Тут уже всё хорошо!

Они вышли на плохо прибранную лестничную площадку с четырёх дверях. На одной из дверей белой масляной краской было написано короткое матерное слово, на другой красовался неплохой шарж на Степаныча. Прораб привычно ткнулся в оставшиеся на площадке двери других квартир. Все они были перекошены и не запорты.

- Ага... - сказал Степаныч, не скрывая удовольствия, и нажал кнопку лифта. Тот, разумеется, не работал.

- Нормально... - опять довольно проворковал прораб. - Так всё и должно быть...

Они долго спускались по ступенькам с шестнадцатого этажа, поминутно спотыкаясь об обломки бетонных плит и перепрыгивая через кучи мусора. Молчали. Степаныч, как всегда, был неразговорчив, а Колька всё никак не мог прийти в себя. Первоначально дом его ошеломил, потом прораб своими реконструкциями надолго оглушил...

Наконец, они вышли на улицу. Вокруг была привычная строительная грязь и горы мусора. Помогая друг другу, они стали выбираться из рукотворного хаоса.

...Где-то рядом мощно заревело. С трудом балансируя на обломках изуродованных панелей, они повернулись к болоту. Из его сердцевины бил в небо огромный фонтан грязи и мутной воды, потом фонтан с грохотом опал, и под солнцем засверкала здоровенная летающая тарелка, стремительно набиравшая высоту. С оглушительным взрывом она в ста метрах от земли преодолела звуковой барьер и, экстренно набирая первую космическую скорость, двинула на околоземную орбиту...

Колька со Степанычем наконец добрались до покинутой бытовки. Митрохин в очередной раз нервно оглянулся на покинутый ими дом, ещё во что-то веря...

...Возле болота теперь стояла типовая панельная шестнадцатизэтажка с совершенно лилипутскими лоджиями и кухонными окнами – бойницами для войны с китайцами.

Колька аж застонал, как от зубной боли.

- Эх, Степаныч... - обрёл он наконец дар речи. - А какой был дом! Светлая мечта человечества!

- Халтурная была работа! - возразил прораб. - Разве такое строят?! Нам такое не подойдёт!

- Степаныч... Степаныч... - не унимался скуливший Митрохин. - Ты же мечту загубил... И теперь уже ничего не исправить... Они, похоже, смотались от тебя насовсем... Ты и их довёл...

- Молод ты, Митрохин, - буркнул прораб. - Молод и зелен. И ничего-то ты в жизни пока не понимаешь! Я не отнял мечту, я её тебе исполнил! И не тебе одному!

Колька вдруг разозлился.

- Какое - исполнил?! Издеваешься, да?!

Степаныч хмыкнул.

- А ты слухай сюда, недоросль, и повнимательнее... Какая у тебя нонче очередь на квартиру? Вспомнил?.. А теперь посчитай, сколько квартир в этом доме!..

Колька глянул на новостройку и молча зашевелил побледневшими от огорчения губами.

- Сосчитал? - нетерпеливо спросил его прораб. - Вписывается? Вот я и говорю! А если бы дом остался, как есть?.. Да тебя бы просто посмотреть к нему не подпустили, а не то что жить!

Степаныч многозначительно подмигнул обалдевшему от неожиданного оборота событий Кольке.

- А жили бы в этом доме не нашего поля ягоды... Смекаешь, какие именно фрукты?...

Он по старой привычке показал пальцем вверх. Колька посмотрел на исполосованное самолётами небо и понял.

- Когда-то они теперь прилетят... - продолжал умудрённый жизнью прораб. - А мы пока будем распределять неожиданное жильё. В нашем родном СМУ, потому как дом на нашей территории. И мы с тобой можно сказать его соавторы. Смекаешь? Вот так-то! Покупать в нём квартиры вряд ли кто из богатеньких шибко захочет, а потому они по списку достанутся нашим почти бомжам вроде тебя.

У Кольки округлились глаза.

- Ну, ты и голова! Ну, ты и башка! Степаныч, да тебе же цены нет! Золотой ты человек для трудового народа! Валютный человек! Отчим российской демократии!

- А я что говорю?! - прораб самодовольно выпятил вперёд осанистый животик. - А ты что?! Заладил: мечта, мечта! Вот она, твоя мечта! Считаю, что ордер у тебя уже в кармане! И премия за экономию стройматериалов - тоже! Я о тебе замолвлю словечко, где надо!

Колька довольно растянул рот до ушей, сунул руку в карман штанов, вынул оттуда воображаемый ордер, развернул его, прочёл, опять беззвучно шевеля губами, потом аккуратно сложил, спрятал в кармане рубашки на груди, ласково погладил это место ладошкой, и, молодецки свистнув, сделал вокруг Степаныча почётный круг «цыганочки».

Прораб важно кивал лысой головой.

- Пиво у нас ещё осталось?.. - неожиданно спросил он. - Или мы всё выжрали?

- Осталось... - Колька пошёл на второй круг. - Бутылки две... А может, даже и три...

- Надо бы по традиции обмыть будущий ордерок-то... - многозначительно намекнул Степаныч. - Не каждый день тебе такое счастье выпадает. А то ещё вдруг сорвётся...

Митрохин резко затормозил и трижды яростно плюнул через грязное от белил левое плечо.

- Тьфу! Тьфу!! Тьфу на тебя, Степаныч!!! Не сглазы!!! Один раз ты уже делов натворил!!!

Уже в дверях бытовки, слыша, как в ней гремит пустыми бутылками из-под пива в поисках полной «золотой мужик», Колька оглянулся на СВОЙ дом, и с удовольствием подумал о том, что в ближайшее время, наверное, покинет опостылевшую общагу.

У него будет жильё! ЕГО!! СОБСТВЕННОЕ!!! Если Степаныч обещал, значит, сделает! Такой он человек!

- «Женюсь!» - подумал Колька, мысленно уже затаскивая свой небогатый багаж в новую квартиру. - Сразу же как только! А то Любка обязательно сбежит к другому... И правильно сделает...»

О совсем недавней Светлой Мечте Человечества он уже напрочь и навсегда забыл...

*Самые красивые
воздушные замки
строятся
на пустом месте.*

* * * * *

ВО ДВОРЕ ТРАВА...

*В разговоре, как в завещании - меньше слов,
меньше тяжб.*

Балтасар Грасиан

Первыми были чичероты. В полночь вдруг нудно заверещал сигнал вызова, и на главном экране кокетливо задвигала напомаженными жвалами очаровательная паучья мордашка девушки - связистки.

- Туннель свободен? - как о готовности повседневного платья спросила она на хорошем интерлинге, изящно поправляя лапкой модную щетину на своей плоской голове.

- Для вас, мадам, он свободен всегда... И везде... - Тишкин встал со своего рабочего кресла и сделал изысканный реверанс со сверхнизким поклоном. Он совсем не боялся обидеть чичеротку неудачным термином: она непременно должна была быть чьей-то женой, поскольку их традиционно отдавали замуж ещё до появления на свет.

Та, похоже, была сражена его неслыханной галантностью одновременно во все свои четыре сердца и сразу напавал. Она закачала от смущения многочисленными глазами на стебельках, и торопливо отключилась, забыв поблагодарить дежурного.

- Скатертью... - тихо, но выразительно сказал Тишкин и воровато огляделся, хотя в диспетчерской никого, кроме него, не было, и быть даже в принципе не могло.

Ночное дежурство только началось. Судя по агентурным данным из Коллектора, оно не обещало быть излишне насыщенным, поэтому Тишкин любовно лелеял мечту ближе к утру слегка вздремнуть. Светка - человек надёжный, она вхожа в кулуары, и, если говорит, что рейсов в эту ночь будет мало, значит, так оно и есть.

Тишкин дождался, когда погаснет контрольная лампочка входа в межпространственный туннель и вспыхнет зелёный индикатор выхода по другую его сторону, удовлетворённо хмыкнул в такт своим тайным мыслям, отметил в электронном блоке памяти первый в своё сегодняшнее дежурство проход, и, рухнув в насиженное им самим и его коллегами кресло, достал из ящика стола зачитанные «Опыты» Монтеня. Голова его пока была достаточно ясной, и в неё что-то без особого труда лезло.

Тихо пиликали системы контроля, загнанно жужжал перегревшийся от почти круглосуточной работы вентилятор в недрах вычислителя, да где-то скреблась мышь, случайно попавшая сюда с одним из кораблей, и страдавшая от отсутствия соплеменников. Тишкин давно собирался заказать Земле ещё одну, но никак не мог поймать бедную животину, чтобы определить, кого ей надо: мышь или мышака.

В половине первого ночи прилетели коберы, и их многоголосый скрип оторвал Сергея от захватывающего чтения. На экране был редкостный по своей многочисленности прайд кобера - передатчика, сросшийся по случаю какого-то их семейного торжества в одно целое. Трудно было определить, кто есть кто, и где есть что. Тишкин пометался взглядом по шевелящемуся клубку разноцветных червей на контрольном экране, но так и не нашёл, на чём задержать своё полусонное внимание.

- Туннель свободен? - поинтересовался кобер без акцента, но почему-то детским голосом.

- Как всегда, - сказал Тишкин предельно вежливо. - Счастливого пути... Всем...

- Премного вам за всё благодарен, - теперь уже бархатным женским голосом ответил кобер любезностью на любезность с уже медленно угасающего экрана.

Тишкин фыркнул.

- И ты за ней же... - он опять воровато огляделся.

В комнате дежурного по-прежнему не было посторонних, кроме нервно скребущейся мыши. Тишкин положил произвольно раскрытую книгу рядом с затёртыми клавишами родного пульта и легонько шлёпнул ладонью давно не крашенный бок вычислителя.

- «Опять он что-то ерундит и неправильно выделяет членов коберских прайдов. Хотя, чёрт их там разберёт... Говорят, они и сами в себе иногда путаются...»

Тишкин снова взял зачитанную до проплешин на обложке книгу, но Монтень уже жевался мозгами с трудом. А мышь продолжала усердно работать резцами, хотя, что тут можно было жевать, кроме пластмассы и собственного хвоста?..

В час пятьдесят неожиданно прилетели земляне. Тишкин несказанно обрадовался столь редким в здешних местах гостям и ещё больше - знакомому радисту.

- О, Педро!!! - вскричал он с натуральной радостью в голосе, картинно распростирая объятия. - Какими судьбами?! Сколько жарких лет?! Сколько холодных зим?! Всё путешествуешь?!

- Дела, Сергей, дела... А ты всё сидишь?

Тишкин сделал значительное лицо.

- Служба, Педро, служба... Кто-то ходит по коридорам Вселенной, а кто-то открывает в них двери. Jedem das Seine...

- Согласен, - сказал Педро. - Открывай, мы опаздываем. Только не сильно хлопай дверью, швейцар...

- Не сдует... - Тишкин включил стандартный режим прохода, и приятеля стёрло с экрана.

- «Вот так оно и всегда... - вздохнул пол себя Тишкин. - Встретишь старого доброго друга, но поболтать с ним вечно обоим некогда. А с этими штатными ночными кошмарами не то, что говорить - видеться не хочется! И откуда их столько?!»

Он полуоткинулся в мягком кресле и уставился в низкий потолок, вслушиваясь в редкостное, но бессмысленное трудолюбие мелкого млекопитающего. На Земле ему приходилось бывать в древней грузинской Мцхете, так вот по легенде там монахи мужского монастыря и монашки женского якобы рыли друг к другу подземные ходы, и монашки прорыли этот ход в несколько раз длиннее, чем мужчины. Кто к кому больше стремился?.. Наверняка окажется, что и это роет она, а не он. Может, и эта упорная мышь докопается. До наружного вакуума...

В два тридцать появились абдерко... Увидев на экране колючий дырявый мешок, выплёвывавший из многочисленных прорех в своём теле кольца дыма, Тишкин попытался вспомнить название его расы, но память отказала ему на двенадцатой букве.

Он огорчился.

- «Устал, устал... Днём помнил аж до восемнадцатой...»

- Туннель?! - пыхнул мешок дымом.

- Свободен!

Мешок довольно потрянул гремучими иглами.

- Всего хорошего!

- Всего... - Тишкин хотел выдать очередное хамское напутствие, но на этот раз постеснялся мыши. Когда чужой корабль был уже по другую сторону перехода, соединяющего две Вселенные, он достал из архива справочник и долго читал, морща лоб, полное название своего недавнего собеседника. Дойдя до конца, он коротко простонал и, скрипнув зубами, пыльно захлопнул служебную книгу.

- «Вот ведь народ! Сами произносят своё название сокращённо - по двум первым и двум последним буквам, а ты должен пытеть и засорять свою и без того замусоренную память...»

В три тридцать пять ночи, после непродолжительного разговора с прозрачным итрогом, которого Тишкин тщетно пытался распознать на экране хотя бы по размытым контурам, он окончательно отказался от общения с уже не попадавшим в голову Монтенем, и, послонявшись по комнате до четырёх, решил устроить себе символический отбой до шести утра, тем паче что мышь наконец-то угомонилась, отложив мечту о встрече с кем-нибудь своим до следующего утра. Светка сказала, что будет максимум четыре корабля, но прошло целых пять и это выглядело полной гарантией того, что часа два со сновидениями Тишкин теперь вполне мог себе позволить. Он откинул спинку кресла до горизонтального положения, погасил лишний свет, устроился поудобнее на своём импровизированном ложе, и под приятные воспоминания о явно неравнодушной к нему Светке задремал...

////////////////////////////////////

...Проснулся Тишкин от стука. Ещё ничегошеньки не соображая, он сел на разложенном кресле и вперился пока непослушным взглядом в тёмный экран над молчаливым пультом. Ему даже показалось, что стук впал в реальность из сновидений, но тут загромыхало основательно. Звук был таким, точно кувалдой били по смятому железу.

Тишкин вскочил, включил верхний свет, и встал посреди комнаты, озираясь и просыпаясь.

...Скрежеща, ахнуло, казалось, над самым ухом. Сергей крутнулся на месте и увидел в иллюминаторе странную фигуру с шестью руками и огромной квадратной головой под цилиндрическим шлемом. Шлем был прозрачным и подсвечивался изнутри, освещая безносое и безротое лицо ночного визитёра с одним глазом посередине.

- Чего надо?! - крикнул Тишкин не очень приветливо и глянул на часы. - «Пять утра! Это уже перебор! Светке надо будет обязательно объявить выговор с поцелуем взасос!»

Гость снаружи перестал громыхать и принялся яростно жестикулировать всеми шестью руками.

- «Связь у них, что ли, поломалась?.. - огорчённо подумал Тишкин, безуспешно пытаясь найти в действиях того, который снаружи, какой-то смысл или хотя бы закономерность. - Свалились на мою бедную голову... И откуда они такие?.. Что-то я таких и не припомню... Из новых, что ли, ещё не вошедших в Каталог?..»

Он терпеливо дождался, когда тот, за иллюминатором, хоть немного успокоится.

- Свободен туннель!!! Свободен!!! - проорал Тишкин, словно снаружи его могли услышать. - Пролетайте!!!

Для большей убедительности и понятности он помахал руками в ту сторону, где была «чёрная дыра».

Шестирук с квадратной головой, кажется, что-то понял. Он отсалютовал Тишкину всеми своими верхними конечностями и на кривых нижних ушёл за угол здания. Дальнейших его действий видно уже не было, да Тишкина они особо и не интересовали. Он открыл туннель, машинально отметил в блоке памяти ещё один гостевой корабль, поставив в графе расовой принадлежности пока знак вопроса, и снова завалился спать.

Уже задрёмывая, он увидел на стенах сполохи бьющего в иллюминаторы красного цвета и понял, что гости наконец улетают.

- «Что-то долго они возились... - лениво подумал он. - Похоже, не только связь у них поломалась...»

Тишкин скосил сонные глаза на пульт, лениво ожидая сигнала о проходе визитёров через туннель, но время тянулось медленно, и он заснул, опередив тусклую лампочку...

////////////////////////////////////

Проснулся он аж в половине седьмого, проворонив будильник. За иллюминаторами светало. Тишкин привёл в порядок рабочее место, умылся, потом вернулся к пульту, и заглянул в блок памяти. К его удивлению подтверждения прохода в нём не оказалось. Чужой корабль так и не сподобился влезть в него, смотавшись восвояси. Что ж, такое тоже бывает. Для очистки совести Тишкин зафиксировал и этот факт.

Брокман пришёл в семь.

- Виват! - сказал он, по-хозяйски оглядывая помещение, - Как спалось? Пардон! Как работалось?..

- Как всегда, - парировал Тишкин. - Чего и вам желаем.

- Ну, валяй, сдавай, что в железном ящике.

Тишкин открыл было рот для обстоятельного доклада жадному до ночных новостей сменщику.

- Гражданин!!! - взревел вдруг селектор наружной связи звериным голосом Звягинцева. - Да что же это делается?!!

- А что такое? - спросил Брокман, уже взявший дежурную инициативу на себя.

- Как что?!! - взревел Звягинцев ещё громче. - Как что?!! Это же грабёж!!! Среди бела дня грабёж!!! Или среди тёмной ночи?..

- Да объясни ты толком! - озлился вдруг обычно флегматичный Тишкин, - Что за поросычий визг?!

- Объясни?.. - от негодования Звягинцев на несколько секунд онемел. - Я те щас объясню, хорёк!!! Я те щас прочту инструкцию о правилах добросовестного дежурства!!!

Коротко переглянувшись, Брокман и Тишкин ринулись в переходной тамбур...

...На Тисе было раннее утро. Спика уже взошла и сонно освещала съёжившиеся от ночного холода низкие рыжие горы, уходящие к горизонту покрытые инеем холмы, и ровную площадку космодрома. Тишкин глянул на растерянно бродящие по нему фигурки в скафандрах, и ему показалось, что он видит бредовый сон ужасов.

Космодром был пуст... Совершенно! Ни их связного корабля, ни вездеходов... Ничего...

- Это как понимать?.. - угрюмо спросил Брокман.- Их что, ночью спёрли?.. Кто?..

Услышав последние слова, Тишкин вдруг почувствовал пришедшее вместе с ясностью облегчение.

- Спёрли... - сказал он упавшим голосом.

Брокман повертел пальцем у своего виска.

- Ты что - того? Кто у нас здесь что может спереть?..

- Да был тут один... - сказал Тишкин безнадежно.

- И что?..

Тишкин вяло махнул рукой.

- Да спрашивал, нужны ли нам дрова... А я ему ответил, что нет...

*Бедность –
ещё не порок!
Но уже
и не добродетель...*

* * * * *

ДВОЕЧНИК

*В мире есть много трудных вещей, но нет ничего труднее,
чем четыре действия арифметики.*

Достопочтенный Беда

- ...Войти позволено?.. - голос пришедшего держался на каких-то весьма странных способах произношения звуков. Уже удивляясь незнакомому акценту, Кирбет всё же не без труда оторвался от любимых с детства «Биржевых новостей».

Под входной аркой его кабинета стоял инопланетянин. Рослый, почти под притолоку, с могучим цилиндрическим телом и треугольной головой, увенчанной шестью стебельками с глазами на концах. Рук у него было больше двух, и ног - тоже. И рот его прятался на груди, в прорези защитной расцветки комбинезона, небрежно расстёгнутого на несколько верхних пуговиц. В одной из своих рук инопланетянин держал пушистую жёлтого цвета сумку на короткой ручке.

- Вы ко мне, любезнейший? - Кирбет был вежлив почти с самого своего рождения.

- Я есть ваш пациент... - гость нерешительно торчал в тесной для него двери.

- Посетитель, я полагаю... - поправил Кирбет гостя для себя. - Тогда проходите, пожалуйста - он гостеприимно показал рукой на кресло, помогая стеснительному гостю.

- Весьма хорошо! - забавно раскачиваясь на ходу, инопланетянин подошёл к столу, рухнул в кресло, и стал неуклюже на нём примащиваться. Мебель кабинета разрабатывалась с учётом анатомических особенностей всех членов Союза Разумов, однако гость, по всей видимости, был из недавно принятых в Содружество Вселенских Рас, поэтому кресло привело его в немалые затруднения. У инопланетянина чётко просматривалась левосторонняя ориентация тела, чем, очевидно, и объяснялась его некоторая асимметрия. Левых рук и левых ног у него было чуть больше, чем правых.

Кирбет подождал, когда странный посетитель более-менее усядется и вспомнит о цели своего прихода, но единоборство гостя с креслом слегка затянулось.

- Чем могу вежливо служить?.. - Кирбет традиционно изобразил на своём лице повышенное внимание, хотя пришедший вряд ли ориентировался в многообразной человеческой мимике лучше, чем в мебели. Как, впрочем, и Кирбет - в его тоже.

- Я обладаю весьма дело... - гортанным голосом сказал инопланетянин, перестав наконец елозить в неудобном кресле. Его шевелящийся в складках одежды рот Кирбета слегка смущал. Он привык смотреть своему собеседнику в рот, в глаза или на худой конец просто в лицо, но только чтобы всё это непременно было собрано воедино. У гостя же информативные фрагменты были не так унитарны, как у землян или у других известных человечеству рас, а разбросаны по всему телу, поэтому полноценное общение представлялось достаточно затруднительным.

- Ко мне лично? - спросил Кирбет, поняв основную суть. - Или, может, быть, к моей фирме?

- О, да! - жизнерадостно воскликнул инопланетянин. - Я желаю вознаграждение!

- Похвальное желание... - сказал Кирбет с улыбкой. Он уже не боялся оскорбить посетителя словом, интонацией или выражением лица, укрепив в себе уверенность, что тот не разбирается абсолютно ни в чём. Определённо это варяжский гость из какого-нибудь Галактического захолустья. С трудом связывает два слова на чужом языке и с ещё большим трудом отличает гуманоида от... - И чем я могу его удовлетворить?

- О, да! - повторил инопланетянин так же энергично, и не совсем к месту. - Я есть мечтай приз!

- Приз?.. - поторопился Кирбет удивиться, но тут же вспомнил. - Ах, да, приз! Приз моей фирмы, если не ошибаюсь?

- О, да! - проорал гость любимое и универсальное словосочетание. Он поставил на стол свой пушистый саквояж и нажал на нём утонувшую в мехе кнопку, весьма похожую на нос экзотического животного. Створки саквояжа раскрылись и инопланетянин, сунув туда одну из своих многочисленных рук, извлёк на свет божий увесистую папку.

- Вот... Это есть то... - он продвинул папку по столу, ближе к хозяину кабинета.

Кирбет взял её в руки и опасливо покосился на экстравагантный саквояж, створки которого непрерывно шевелились, откровенно демонстрируя желание закрыться.

Гость на удивление правильно трактовал заинтересованный взгляд хозяина кабинета.

- Это... Так... Просто... Незначительно... - сказал он поспешно. - Домашний зверь...

Насчёт зверя Кирбет уже и сам сориентировался по запаху, исходившему от сумки, а вот относительно его одомашненности... Хранить вещи, а тем более важные документы в чьём-то брюхе и постоянно совать руку кому-то в пасть... Бр-р-р-р...

Кирбет слегка брезгливо раскрыл влажную от слюны и желудочного сока, пахучую папку. Там поверх толстой кипы бумаг лежали цветные фотографии. Это были снимки оранжевой звезды и планет. Издалека и с близкого расстояния.

- О! - удивлённо воскликнул Кирбет неожиданно для себя самого. - О!! О!!! Ого-го!!!

- О, да! - тут же поддакнул гость. - Ваш фирма обещаю приз за каждый новый планет! - Ему с его своеобразными органами речи было технически сложно говорить чужие слова и одновременно сохранять в них хоть какую-нибудь логику.

- Да - да! - Кирбет согласно закивал головой. - Разумеется! Десять миллиардов галактических кредиток за каждую!

- О, да!!! - ещё больше воодушевился гость, живо отреагировав на слово «кредитки» - Десять!!!

- Сколько за всё?! - в лоб спросил его Кирбет. Он любил ошеломлять новичков в бизнесе своим напором, а гость совершенно не походил на профессионала.

- Сто!!! - казалось, инопланетянин даже испугался своей неслыханной дерзости.

- Согласен!!! - Кирбет азартно торопился, опасаясь, что гость, почувствовав слабость торговца к оптовым закупкам, начнёт давить и торговаться. - Девяносто!!!
 - О, да!!! - инопланетянин определённо начинал ориентироваться в интонациях чужой речи.
 - По рукам! - сказал Кирбет.
 - По?.. - Гость поднял все свои «руки» и непонимающе зашевелил ими в воздухе.
 Кирбет не стал дожидаться, когда до того дойдёт окончательный смысл земной идиомы.
 - Дело сделано! - Он вынул из ящика стола свою фамильную чековую книжку, кодовой ручкой торопливо нарисовал на верхнем листке нужную комбинацию знаков, потом нашёл в предложенной ему папке учётную карточку собственности, вставил её в щель своего транслятора, и с необыкновенным волнением дождался, когда на дисплее вспыхнет имя нового владельца звёздной системы.
 Кирбет с облегчением вздохнул и щедрым жестом протянул гостю заполненный чек.
 - Вот... Девяносто миллиардов... Получите в любом банке... И в любое время...
 - О, да!!! - гость, похоже, был несказанно счастлив столь большой суммой сделки. Он сграбастал листок волосатой лапой с короткими, будто обрубленными пальцами, и, сполз с жутко неудобного для него кресла, попятился к выходу.
 - Весьма спасибо... Очень благодарность... - Всё так же пятясь, он вывалился в коридор и исчез из поля зрения.
 Кирбет с гораздо более счастливым лицом, чем было с утра, хлопнул в ладоши и довольно потёр руки.
 - Прекрасненько... - сказал он, стараясь пока не орать от излишнего восторга. - Чудесненько... Изумительненько... - Поудобнее устроившись в начальничьем кресле, он принялся перебирать документы в папке, запахи которой его уже больше не раздражали...

////////////////////////////////////

...Олаф постоял минут пять под аркой, но Кирбет на него совершенно не реагировал. Начальник был слишком поглощён шуршанием каких-то бумаг и фотоснимков.
 - Вы позволите, шеф? - поинтересовался Олаф, смертельно устав ждать внимания к своей персоне.
 Кирбет поднял голову и долго смотрел на него нездешним взглядом, точно совершенно не узнавая. Глаза его были здесь, чего нельзя было сказать о мыслях.
 - О, да! - воскликнул он радостно, вернувшись, наконец, в реальность. - Олаф! Ты очень кстати! Представляешь, какая удача! Приходит ко мне три часа назад некто весьма замысловатого вида или вообще нечто, и почти дарит... Ты не поверишь! Не какую-то там новую планету, за которую мы обещали всем премию, а целую планетную систему! Центральная звезда класса «К», шесть планет, пояс астероидов, кометы, спутники планет... И все эти сокровища за какие-то жалкие девяносто миллиардов! Я отдал ему всё своё состояние, даже не раздумывая! Да я же за это выручу в десять, в сто, в тысячу раз больше!!! Я тут кое-что уже просмотрел... Четвёртая от звезды планета - земного типа. Есть плотная кислородная атмосфера, океаны, материки. И явные признаки биосферы... Ты понимаешь, что это такое?! Я теперь самый богатый человек во всей Галактике! Я сказочно богат!!!
 Олаф уже подошёл к столу и неторопливо перебирал предложенные листки и фотографии.
 - Фантастика...- согласился он. - Это же почти невероятно! Планета класса Юпитер. Это значит в изобилии твёрдые газы, металлический водород, алмазы, метан, аммиак... Планета класса Меркурий. Это и жидкие металлы, и контрасты температур, порождающие уникальные явления Природы... Остальное тоже весьма любопытно. Великолепное приобретение! Жаль только, что нет снимков, сделанных на поверхности самих планет. Почему они не садились ни на одну из них?..
 - Да какая разница! – брезгливо отмахнулся Кирбет. - Горючего было в обрез! Времени было мало! И вообще, зачем им нужно было соваться в то, что они собирались выгодно продать?! Ха! Выгодно?! Кому выгодно?! Мне выгодно!!! Ребята по глупости или неопытности крупно погорели! Даже освоенная и разработанная планетная система стоит триллионы! А тут новьё! Только с конвейера Господа Бога!
 - Удивительно... - сказал Олаф не без откровенного восхищения. - Это даже не удача, а просто чудо какое-то! Один шанс на целый миллиард! Звезда на главной последовательности и просветит ещё миллиарды лет... Три планеты - гиганты, это практически вечные ресурсы сырья... Пять планет из шести - с атмосферами... И у каждой спутники, на которых удобно строить перевалочные Базы.
 - Я организую там самое грандиозное дело в своей жизни... - Кирбет мечтательно поднял глаза в высокий потолок кабинета. - Рудники, платные исследовательские экспедиции, туристические поездки... Экспорт девственных природных ресурсов и образцов флоры и фауны... Уникальных образцов, не встречающихся более нигде... Одни галактические зоопарки сколотят мне фантастический капитал!!!
 Олаф молчал. Он добрался до самого дна объёмистой папки, внимательно читал какой-то невзрачный листок, и на лице его формировалось странное выражение.
 - Ты говорил, что теперь самый богатый человек во всей Галактике?.. - спросил он вдруг, подняв на Кирбета переполнявшиеся откровенной насмешкой глаза.
 Кирбет нутром почувствовал что-то неладное.
 - Что там у тебя? - поинтересовался он, вытягивая шею и впуская в свой жизнерадостный голос лёгкую тревогу.

- А ты сам полюбуйся! - Олаф протянул ему загадочный листок. – Вот здесь и вот тут...
 - Что там ещё такое?.. – недовольно проворчал Кирбет, изучая бумажку. - Формулы... Какие-то химические реакции... Непонятные значки... Ну и что из этого?..
 - А ты повнимательнее, гораздо повнимательнее. И формулы вовсе даже не химические, а самые физические. Вот, видишь?... - Олаф ткнул в листок пальцем.
 - Что тут видеть?!. Ни черта я не вижу!!! Формулы как формулы! Как всегда и как везде!
 Олаф горестно вздохнул.
 - Не совсем... Это основы основ всей твоей планетной системы. Это атомы и элементарные частицы вещества, из которого она состоит. Вот, видишь, символы?..
 - Вижу! – окончательно разозлился Кирбет. - Значки! Буквочки! Циферки! Что в них такого особого?!
 Олаф вздохнул ещё горестнее.
 - Да так, ничего особенного... Вот это самый обыкновенный позитрон, а это что ни на есть простейший антипротон... И только-то!.. Не больше и даже не меньше...
 - И?... - Кирбет ждал жуткого продолжения.
 - «И» уже не будет, - сказал Олаф почти печально. - И ничего не будет... Твоя планетная система целиком состоит из антивещества. Поэтому они и не садились на планеты... Попробовали бы они туда сунуться! Нет, они издалека сделали все анализы, сняли систему в мощный телескоп... Потом спешно, пока там не успели опомниться, подали данные в Галактический Реестр, и оформили открытие. До сих пор антимиры никому не попадались, поэтому в Регистре не интересуются маловероятными вещами. Какой-нибудь заматеревший бюрократ подмахнул бумажку, не вникая в детали...
 - И что же теперь?... - Кирбет, ещё не до конца всё поняв, уже осип от волнения.
 - А ничего! Ты теперь действительно самый богатый бизнесмен в Галактике. У тебя самое дорогое собрание никому не нужных вещей. Дело в том, что в твою частную собственность не только туристов - даже беспилотные автоматы пускать нельзя! Аннигилируют и рванут от одной межпланетной пыли! Лет этак через тысячу или чуть раньше, если ты подождёшь, кто-нибудь научится деликатно обращаться с антивеществом, и тогда ты станешь супербогачём! А пока на все твои будущие сокровища можно только с очень большого расстояния смотреть в очень мощный телескоп...
 - Может, связаться с полицией и банком?... - рванулся было Кирбет, чуть ожив от эфемерной надежды.
 - Поздно... - охладил его Олаф. - Четыре часа прошло, а они наверняка ориентировались на гораздо меньший срок. Думаю, и деньги твои давно тью-тью, и их самих теперь – ищи-свищи...
 Кирбет вывел на экран дисплея данные о своём счёте в банке и оцепенел в кресле с неподвижными, пустыми глазами.
 - В этом твоя беда, - сказал Олаф, вставая и направляясь к двери. - Ты был наследственно богат, поэтому всегда спустя рукава относился к накоплению знаний. И в школе, и в колледже. А ребята попались сообразительные! Подсунули тебе сундук с фальшивыми драгоценностями, а на дне его спрятали ещё и бомбу! Они наверняка знали, что имеют дело с бывшим посредственным учеником...

*Жадность
 увеличивает богатства,
 но уменьшает
 покой...*

* * * * *

ПЕРВАЯ ИНСТАНЦИЯ

*В каждом положении отыщется что-нибудь утешительное,
 если хорошо поискать.
 Даниэль Дефо*

Козлов уже много часов чувствовал себя сосудом, из которого взбесившееся солнце испаряло последние остатки сил. Он ощущал потерю каждой капли, покидающей ссыхающееся, мумифицирующееся тело, и постепенно начинал забывать, что такое пот, потому что даже потеть ему было уже нечем. Соль, впитавшаяся в изодранную одежду, превратила её в жёсткий чехол, скрипевший при каждом мучительном шаге; последние силы улетучивались с последними каплями влаги. Козлов шёл скорее автоматически, чем сознательно, подчиняясь неуклонно сходящей на нет инерции. Достаточно ему было хоть один раз споткнуться и упасть; на то, чтобы подняться и продолжить движение, сил уже не хватит...
 Козлов почти ни о чём не думал - для работы мозга тоже требуется какое-то количество жидкости, - функционировал лишь мозжечок. Когда он откажет, будет поставлена последняя точка в этой традиционной

для пустыни эпопее. Остатки разбившегося самолёта занесёт песок, а останки тела пилота растащат ночью, когда схлынет жара, пока прятавшиеся от неё немногочисленные местные обитатели.

...Ноги предательски подкосились сами. Козлов упал сначала на ободранные колени, несколько томительных секунд постоял на них, точно ещё надеясь встать, а потом обречённо ткнулся головой в горячий песок, и завалился на бок.

Всё... Финиш... Место, в котором Смерть установит невидимый крест на безымянной могиле очередной своей жертвы...

Умирать совершенно не хотелось, даже принимая во внимание полное изнеможение. И уж тем более без исповеди. Душа не обретёт покоя и, естественно, не попадёт в Рай. Ещё одним неприкаянным духом станет больше. Он будет блуждать по пустыне до тех пор, пока кто-нибудь не наткнётся на обглоданные, обжаренные солнцем кости, и не предаст их земле, прочтя над ними отходную молитву.

Обидно... Очень обидно! Козлов был хотя и не до конца, но иногда верующим и менее всего мечтал о подобном образе жизни в своём ином, потустороннем бытии. За что такая немилость? Чем он так провинился перед Господом?

Обида подарила последние крохи сил. Скуля без давно высушенных слёз, Козлов взгромоздился на мелко вибрирующие четвереньки, поднял неимоверно отяжелевшую голову, и с тоской посмотрел на недостижимую вершину бархана, у основания которого он собирался закончить все свои земные мытарства.

...Мираж огорчил его ещё больше. Все эти фата-морганы хороши, пока есть силы на то, чтобы проверить, реальны они или призрачны, а в образовавшейся ситуации они были почти так же бессмысленны, как пахучая кость для уже сдохшей от голода собаки.

- Сгинь!.. - Козлов хотел плюнуть в сторону призрачного спасения, но и на это требовалась жидкость, а он был уже пуст до самого доньшка своего мочевого пузыря. - Сгинь!..

Козлов всё-таки упорно пополз вверх, скуля не от страха смерти, а от собственного бессилия.

Он упёрся раскалённым лбом в преграду, и только тогда, наконец, понял, что увиденное - не мираж.

...Телефон был прикреплен к глубоко вбитому в бархан металлическому стержню. Типичный городской телефон-автомат для связи с помощью карточки, которых полно на каждой улице. Новенький, чистенький, точно только что слезший с заводского конвейера.

Козлов от неожиданности очень захотел вспотеть, но вдруг вспомнил, что нечем. Дрожащей рукой он погладил горячий металл, стряхнул с него обжигающий песок, нанесённый ветром, снял трубку и приложил её к уху. Козлов давно перестал на что-то надеяться, в том числе и на чудеса, однако в трубке длинно загудело...

Теряя от утомительного волнения остатки расплавленных солнцем сил, Козлов принялся рыться по немногим карманам изорванной одежды в поисках чего-нибудь, заменившего бы отсутствующую телефонную карточку, но там был лишь песок.

- Наберите три ноля! - неожиданно услышал он над самым ухом резкий женский голос. Козлов уронил трубку, тут же подхватил её, и нервно набрал требуемый номер.

- Чистилище! - голос в горячей трубке на этот раз был мужской и заметно усталый.

- Как?.. - слабо спросил Козлов, едва сдвигая с места очерствевший без воды язык.

- Чистилище!!! - повторил голос уже чуть сердито. - Есть какие-то вопросы?!!

- А как?.. - робко попытался Козлов поинтересоваться, но не договорил, застеснявшись своей наглости.

- Телефон только для сугубо служебного пользования!!! - резко осадил его мужчина, поняв всё с полуслова.

- Мирские каналы по инструкции не обслуживаем!!!

Козлов пошевелил во рту языком, разминая его до относительно рабочего состояния.

- Тогда... как... позвонить... в Рай?.. - спросил он, опять теряя надежды и силы.

- Три семёрки!!! - насмешливо сказал мужчина на другом конце провода. - Все его спрашивают!!! Но вас там тоже не станут слушать!!! Мы - Первая Инстанция!!! Будете говорить?!!

- О чём?.. - выдавил из себя Козлов сухо, как бескрайняя пустыня вокруг. - И с кем?..

- О деле!!! - отчеканил мужчина. - И со мной!!! Фамилия?!! Имя?!! Год и место рождения?!!

Мучаясь с неподатливым языком, Козлов говорил, одновременно умиротворяясь.

- Минуту!!! - попросил горластый мужчина. - Справлюсь о вас в нашей картотеке!!!

Козлов смиренно и терпеливо ждал, тяжело дыша в трубку и глядя себе на драные колени.

- ...Дорогой вы мой!!! - раздражённо и едко сказал всё тот же мужской голос в трубке. - Я искренне сожалею, но для вас место в Раю не зарезервировано!!! Советую вам лучше обратиться в ведомство Сатаны!!! Наберите три шестёрки!!!

В трубке загудели сигналы отбоя.

- Сатане?.. - свистяще спросил Козлов пустоту.

Он автоматически повесил трубку на рычаг.

- Сатане... Дьяволу... Люциферу... Вельзевулу...

Опираясь на телефон, он встал с поджарившихся колен, удивляясь вдруг взявшимся ниоткуда силам.
- В Ад меня?! Так, что ли?.. Да чёрта с два!!! - он показал телефону свой сушёный кукиш.- Значит, в Раю для меня места нет?!! Тогда пусть в Преисподней ещё чуток подождут!!!
Козлов оттолкнулся от прочно установленного телефона, и упрямо пошёл к горизонту...

*Разные дороги
в Рай
сходятся
и в одном Аду...*

* * * * *